ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 48-й

№ 19 (4565)

12 мая 1976 г. СРЕДА

ВРУЧЕНИЕ ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ МАРШАЛЬСКОГО ЗНАКА ОТЛИЧИЯ

Москва. 10 мая в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил Маршалу Советского Союза Л. И. Брежневу маршальский знак отличия «Маршальская звезда» и грамоту Президиума Верховного Совета СССР.

На снимке: *во время вручения.*

Фото **В. ЕГОРОВА** и **А. СТУЖИНА** (Фотохроника ТАСС)

10 мая в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил Маршалу Советского Союза Л. И. Брежневу маршальский знак отличия «Маршальская звезда» и грамоту Президиума Верховного Совета СССР.

При вручении выступил тов. Н. В. Подгорный.

Выступление товарища Н. В. ПОДГОРНОГО

Дорогой Леонид Ильич!

Дорогие товарищи!

Я испытываю чувство высокого удовлетворения по случаю почетной и исключительно приятной миссии — вручить Генеральному секретарю Центрального Комитета КПСС, Председателю Совета обороны СССР, нашему товарищу и другу Леониду Ильичу Брежневу «Маршальскую звезду» — знак отличия высшего воинского звания Советского государства.

Дорогой Леонид Ильич!

Присвоение вам воинского звания Маршала Советского Союза глубоко закономерно. Все мы хорошо знаем, что в вашей многогранной и разносторонней деятельности вопросы обороны, строительства Вооруженных Сил, постоянного повышения их боеготовности всегда занимали и занимают одно из ведущих мест.

Ваша жизнь и работа тесненным образом связана с армией, с нашими героическими Вооруженными Силами, в кадрах которых вы состоите уже долгие годы. Верный солдат партии, вы с первых дней Великой Отечественной войны в действующей армии, на огненных фронтах исторической битвы с фашизмом, на многих трудных участках.

Вас, боевого офицера и политработника, понял по-новому-политным сражениям под Новороссийском, по легендарной Малой земле, бо-ям за Украину, по битвам за освобождение народов Чехословакии, Польши, Венгрии.

От начальника политотдела 18-й армии до Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета обороны СССР, Маршала Советского Союза — таков замечательный путь воина-коммуниста, руководителя и военачальника, стоящего ныне у руля политической стратегии современности — стратегии мира и социализма.

Дорогой Леонид Ильич!

Ваши выдающиеся качества политического руководителя, замечательные человеческие черты снискали любовь советского народа, получили признание зарубежных коммунистов, всех прогрессивных людей мира. XXV съезд КПСС особенно убедительно показал, как высок авторитет Генерального секретаря Центрального Комитета нашей партии.

Этот авторитет — авторитет нашей ленинской партии, авторитет нашей великой Родины. Он свидетельствует о жизненности и силе проводимой нами политики, о правильности курса, которым мы идем под вашим руководством.

С уверенностью можно сказать, что присвоение Леониду Ильичу Брежневу звания Маршала Советского Союза будет с огромным удовлетворением восприниматься в рядах наших славных Вооруженных Сил, всей нашей партией, всем советским народом, как и нашими друзьями за пределами страны.

Горячо и сердечно поздравляем вас, дорогой Леонид Ильич, с этим знаменательным событием. От всей души желаем вам крепкого здоровья на многие, многие годы вперед, такой же неиссякаемой энергии, новых успехов на вашем многотрудном посту.

Позвольте вручить вам «Маршальскую звезду» и грамоту Президиума Верховного Совета СССР.

***

С ответным словом выступил тов. Л. И. Брежнев.

Выступление товарища Л. И. БРЕЖНЕВА

Дорогие товарищи и друзья!

С чувством неодолимого волнения, горячей благодарности и глубокого сознания своего долга перед партией, перед Родиной, перед советским народом принимаю я сегодня этот знак присвоенного мне высокого воинского звания — Маршала Советского Союза.

Позвольте выразить сердечную, признательность Центральному Комитету партии, его Политбюро, Президиуму Верховного Совета СССР за столь высокую оценку моей деятельности в области защиты Отечества, укрепления его мощи и обороноспособности, упрочения безопасности страны и всеобщего мира.

Я вижу в этом не только признание моего вклада в боевые действия на фронтах Великой Отечественной войны, которую мне пришлось пройти по полям сражений буквально от первого до последнего дня.

Я вижу в этом прежде всего еще одно напоминание о величии подвига наших Вооруженных Сил в те незабываемые дни, когда все мы, объединенные волей партии в едином общенародном порыве, отдавали все свои силы без остатка, до последней капли крови, до последнего дыхания во имя победы над фашистскими агрессорами, захватчиками и угнетателями, во имя свободы и независимости Родины, во имя освобождения порабощенных народов.

Я вижу в этом также не только признание того, что мне удалось сделать, выполняя поручение партии, для укрепления обороны страны. Это прежде всего еще одно напоминание о величии дел миллионов советских людей, которые своим самоотверженным трудом подняли страну из руин и пожарищ, оставленных войной, сделали ее могущественнее и краше, чем когда-либо, обеспечили несокрушимость ее обороны, надежную защиту мирного труда нашего народа.

Наконец, в присвоении мне звания Маршала Советского Союза я вижу не только высокую оценку вклада, который мне лично посчастливилось, находясь на ответственном посту Генерального секретаря Центрального Комитета нашей партии, внести в дело упрочения всеобщего мира и безопасности.

Я вижу в этом прежде всего еще одно напоминание о великом благотворном значении для нашей страны и братских социалистических стран, для народов всего мира той борьбы за прочный мир на земле и развитие плодотворного сотрудничества между государствами, за дело свободы и прогресса народов, которую последовательно и неуклонно проводят наша Коммунистическая партия, наше Советское государство, руководствуясь бессмертными заветами великого Ленина.

Вот почему, товарищи, принимая сейчас этот почетный знак, я делаю это не только с чувством большой и искренней благодарности за оценку сделанного, но и с ясным сознанием той дополнительной ответственности, которую такая оценка налагает на меня в деле служения высшим интересам советского народа, интересам трудящихся всех стран, всех, кому нужен и дорог мир на нашей планете.

Я принимаю этот почетный знак с чувством беззаветной гордости за наши славные Вооруженные Силы, за наш героический советский народ, за его ленинскую партию, за нашу великую непобедимую Советскую Родину — надежный оплот мира и прогресса на земле.

***

Леонида Ильича Брежнева сердечно поздравили присутствовавшие при вручении маршальского знака отличия товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко.

***

Затем тов. Н. В. Подгорный вручил воинский знак отличия генерала армии — «Маршальскую звезду» министру обороны СССР Д. Ф. Устинову. Тепло поблагодарив за вручение, тов. Д. Ф. Устинов подчеркнул что как свое назначение на пост министра обороны СССР, так и вручение это воинского знака отличия он воспринимает как выражение высокого доверия партии и приложит все силы к тому, чтобы это доверие оправдать.

(ТАСС)

А. М. ГОРЬКИЙ:

«КАКОЙ ИНТЕРЕСНЕЙШЕЙ ЖИЗНЬЮ МЫ ЖИЛИ И — ЖИВЕМ»

ИЗ ПОЧТЫ ВЕЛИКОГО ПРОЛЕТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ

стр. 7

«ТАЛАНТ, ТРУД, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА» — новая рубрика «Литературной газеты». Сегодня ее открывает народный артист СССР, Герой Социалистического Труда С. А. ГЕРАСИМОВ

стр. 8

Они выстояли в войну.
Они обрели себя и в мирные времена
Вопреки бедам, благодаря людям...

ОЧЕРК О ГЕРОЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

стр. 10

«ОБЩЕСТВО БЕЗ БУДУЩЕГО»

Судьба капитализма в представлении известных американских ученых

стр. 14

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ СССР

Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры сообщил имена кандидатов, допущенных к участию в конкурсе на соискание Государственных премий СССР 1976 года. Среди соискателей — прозаики, поэты, литературоведы.

Проза в списке кандидатов представлена романом М. АЛЕКСЕЕВА «Иван-да-марья», романом А. КЕШОКОВА «Сломанная подкова», романом В. ЛИПАТОВА «И это все о нем», повестью М. ПРИЛЕЖАЕВОЙ «Зеленая ветка мая», повестью В. РАСПУТИНА «Живи и помни».

Поэзия представлена книгой стихов Д. КУГУЛЬТИНОВА «Зов апреля», книгой стихов Л. ТАЛЬЧИНСКОЙ «Пора медосбора», книгой стихов Г. ЭМИНА «Вен. Земля. Любовь».

М. МАТУСОВСКИЙ выдвинут на соискание премии как автор текста песен последних лет («Березовый сон», «Мне вспомнился снег», «Песня о гуде», «Шахтерская песня», «Девушка из Бреста»), Г. БУРАВКИН — как один из авторов сценария художественного фильма «Пламя», Д. ГРАНИН — как автор киносценария «Выбор цели», В. ПОТЕРЯ — как автор киносценария «Обретешь в бою».

Литературовед К. ПРИЙМА выдвинут на соискание премии как автор книги «Тихий Дон» сражается».

ПРАГА, ЧССР. ЧЕХОСЛОВАЦКОМУ КОМИТЕТУ СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие товарищи!

Советские писатели сердечно поздравляют писателей социалистической Чехословакии с национальным праздником — 31-й годовщиной освобождения страны от фашистских захватчиков.

Книги чехословацких писателей, отражающие великие победы над фашизмом, утверждающие идеалы социализма, активно помогают Коммунистической партии Чехословакии в ее большой плодотворной деятельности.

Сегодня произведения чехословацких писателей широко популярны в нашей стране, пользуются любовью наших читателей, укрепляют плодотворное творческое сотрудничество между нашими народами, между нашими литературами, крепнут узы братства между писателями СССР и ЧССР.

Желаем вам, дорогие друзья, новых больших успехов в развитии литературы, новых достижений вашему народу.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

БЕРЛИН, ГДР. СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ГДР

Дорогие друзья! Примите наши сердечные поздравления по случаю 31-й годовщины освобождения немецкого народа от фашизма.

За годы, прошедшие со времени победы над гитлеровским фашизмом, писатели ГДР своими делами, произведениями, эрой отражающими жизнь трудящихся Германской Демократической Республики и внесшими вклад в формирование сознания человека социалистического общества.

Советские писатели высоко ценят дружбу и неизменно крепнущие творческие связи с писателями ГДР.

Желаем вам, дорогие друзья, новых больших творческих успехов в вашей благородной деятельности, направленной на укрепление дружбы и сотрудничества наших народов, наших литератур.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ВСТРЕЧИ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ

В МАЯ В ЦДЛ ИМЕНИ А. А. ФАДЕЕВА СОСТОЯЛСЯ МИТИНГ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ ПАВШИХ В БОЯХ ЗА РОДИНУ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Митинг открыл Евг. Воробьев. Затем участники митинга прослушали записанную на пленку речь С. С. Смирнова, произнесенную им на таком же митинге здесь, в ЦДЛ, год назад, 8 мая 1975 года.

ВЕЧЕРОМ 9 МАЯ ПРОШЛА ТРАДИЦИОННАЯ, 31-я ВСТРЕЧА МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ.

В гости к писателям пришли Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза И. Баграмян, дважды Герой Советского Союза, генерал армии П. Батов, маршал авиации И. Пстыга, дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник танковых войск Д. Драгунский, контр-адмирал Н. Усенко и другие.

Председательствовавшие на встрече секретарь правления СП СССР, Герой Социалистического Труда Б. Полевой, генерал Советского Союза Н. Кравцова и Ф. Карпов поздравили участников встречи с великим праздником Победы.

На встрече были оглашены письменные приветствия начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерала армии В. Куликова, Маршала Советского Союза К. Москаленко, генерал-полковника Ц. Цинцуна.

ДОЛГИЕ ВЕРСТЫ ВОЙНЫ

СВЫШЕ 40 ХУДОЖЕСТВЕННЫХ, ХРОНИКАЛЬНО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И УЧЕБНЫХ КИНОКАРТИН, ПОСТАВЛЕННЫХ НА СТУДИИ «БЕЛАРУСЬФИЛЬМ», БЫЛИ ПОКАЗАНЫ НА СМОТРЕ-КОНКУРСЕ В МИНСКОМ ДОМЕ КИНО. СРЕДИ ЛАУРЕАТОВ КОНКУРСА В. БЫКОВ — АВТОР СЦЕНАРИЯ «ДОЛГИЕ ВЕРСТЫ ВОЙНЫ», А. АДАМОВИЧ, Я. БРЫЛЬ и В. КОРСАКИН, СОЗДАВШИЕ СЦЕНАРИЙ ТРЕХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ ПО МОТИВАМ ИХ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ «Я ИЗ ОГНЕННОЙ ДЕРЕВНИ...».

Весть об итогах конкурса, конечно же, приятна, — сказал в беседе с корреспондентом «ЛГ» Василь Быков. — Правда, теперь я, увы, наверное, уже никогда не выполню одно из обещаний своим читателям. Дело в том, что первые две части сценария «Долгие версты войны» писались по уже написанным повестям «Журавлиный крик» и «Атака с хода», а для третьей части мне пришлось использовать материалы лишь начатой повести «На восходе солнца». Повесть ушла в сценарий. И как самостоятельное литературное произведение уже не появится. Теперь утешаю себя тем, что недолгие читателям отдано зрителям и что в большинстве своем это одни и те же люди.

В. ПОНОМАРЕВ

МИНСК

ТАМ, ГДЕ БЫЛА ПУСТЫНЯ

СОВСЕМ ЕЩЕ НЕДАВНО НА МЕСТЕ СОВХОЗА «КЫЗЫЛДЖАР» ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА БЫЛА ПУСТЫНЯ.

ДАЖЕ ВОЛКИ НЕ ЗАБЕГАЛИ СЮДА, — РАССКАЗЫВАЛ ДИРЕКТОР СОВХОЗА, ЗАСЛУЖЕННЫЙ АГРОНОМ РЕСПУБЛИКИ А. МЕШКОВ НА СОСТОВШЕЙСЯ НЕДАВНО ВСТРЕЧЕ С ПИСАТЕЛЯМИ, — ВСЕ БЫЛО ПУСТЫННО.

А ТЕПЕРЬ ЭТОТ СОВХОЗ — ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ В КИРГИЗИИ. И ЗНАЮТ ЕГО НЕ ТОЛЬКО ПО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ ОТЧЕТАМ, НО И ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ. ТРУЖЕНИКАМИ «КЫЗЫЛДЖАР» ПОСВЯЩЕНЫ ПОЭМЫ НАРОДНЫХ ПОЭТОВ КИРГИЗИИ Т. УМЕТАЛИЕВА, Ш. ТОКТОМУШЕВА, ОЧЕРКИ С. ШАТАНОВА. И МНОГИХ ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ С ЭТИМ ХОЗЯЙСТВОМ ПОСТОЯННЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ.

На этот раз в гости к рабочим совхоза приехали К. Джунусов, Д. Алыбаев, К. Джуранов, С. Шамеев, М. Турсункулов. Писатели и поэты читали свои произведения, делились творческими планами.

Сейчас, накануне VI съезда писателей Киргизии, подобные встречи литераторов с рабочими, колхозниками, студентами особенно часты. Состоялся большой вечер поэзии в Московском районе, где во Дворце культуры читали свои стихи лауреат премии комсомола Киргизии Т. Кожомбердиев и другие поэты. Во Фрунзе перед рабочими завода по ремонту дорожных машин выступили народный поэт Киргизии С. Эралиев, М. Джангазиев, К. Акаев.

У. ТОКОМБАЕВ

гор. ФРУНЗЕ

Расул РЗА, народный поэт Азербайджана, председатель Азербайджанского комитета солидарности стран Азии и Африки

НАШ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

С 12 по 15 мая в Баку проходит IV Советская конференция солидарности народов Азии и Африки, в работе которой принимают участие видные общественные деятели, в том числе — писатели нашей страны, а также зарубежные гости.

Наш форум солидарности собрался в знаменательное время. Исторические решения XXV съезда КПСС вдохновили советский народ, все передовое человечество на дальнейшую борьбу за мир и прогресс против сил реакции и империализма.

Советская общественность рассматривает свое участие в движении афро-азиатской солидарности как интернациональный долг, как вклад в борьбу широких народных масс всего мира против капиталистического общества угнетения и насилия.

Важным фактором в укреплении единства антиимпериалистических сил сегодня стало движение солидарности народов Азии и Африки, в котором активно участвует общественность Советского Союза. В мае нынешнего года один из боевых отрядов этого движения — Советский комитет солидарности стран Азии и Африки — отмечает свое двадцатилетие. С самого начала своей деятельности в 1956 году он оказывает всемерную поддержку борьбе народов за национальное освобождение, вносит весомый вклад в защиту мира и безопасности стран, добившихся национальной свободы, неустанно разоблачает империалистическую политику агрессий, заговоров и провокаций.

Воздвигая величественное здание коммунистического общества, советские люди крепят могущество своей страны, всего социалистического содружества и тем самым приближают грядущую полную победу над землей зажженным Лениным путеводным факелом, освещающим сегодня миллионам и миллионам людей дорогу к прогрессу и счастью. Обществу бесправия, агрессии, угнетения вынесен суровый и окончательный приговор. В борьбе народов, в том числе африканских и азиатских, СССР — их верный друг и надежный союзник.

III Всесоюзный съезд кинематографистов СССР

ЭКРАН И ЖИЗНЬ

Вчера в Москве открылся III Всесоюзный съезд кинематографистов СССР. Чем встретили его творческие работники кино, какие важнейшие проблемы предстоит обсудить делегатам? На эти вопросы корреспондента «ЛГ» отвечает секретарь правления Союза кинематографистов СССР А. Караганов:

— За пять лет, отделяющих наш третий съезд от второго, советские кинематографисты создали более 600 полнометражных художественных фильмов и тысячи документальных, научно-популярных, учебных. Пятилетие это ознаменовано не только многообразием явлений искусства, но и существенными переменами в движении самого кинематографического процесса.

Произошел необыкновенно важный для кинематографистов и зрителей поворот к киноискусству к современной теме. И не просто к современной теме в ее внешних обозначениях, а к художественному осмыслению важнейших процессов развития общества, жизненных ситуаций и конфликтов, по-настоящему волнующих миллионы людей.

В докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС глубоко и емко сказано о главных тематических направлениях развития советской литературы и искусства. Наш долг — проанализировать работу кинематографистов на этих направлениях, «художнически, кинематографически» прочесть материалы партийного съезда.

Сейчас зрительские требования к искусству особенно выросли, усложнились. Миллионы и миллионы зрителей умеют воспринять всю сложность и глубину истинно талантливого произведения. Ведь, скажем, фильм «Премия» бесконечно интересен не только строителям. Бригадира Потапова принимают во всем его своеобразии, человечеством богатстве, в размышлениях, чисто производственных и общегосударственных, и ученый, и колхозник, и педагог...

Разумеется, это происходит, только когда фильм по-настоящему правдив и глубок, когда он состоялся как факт искусства. Я говорю об этом потому, что в общем, довольно широком и разнообразном потоке кинопродукции нередко встречаются и такие ленты, которые показывают современность поверхностно, иллюстративно. И вполне понятно, что проблема развития творческой критики и семокритики в кинематографической среде, повышения взыскательности и требовательности сейчас приобретает особое значение. Хочется надеяться, что делегаты нашего съезда сделают необходимые выводы из уроков побед и из уроков поражений, для того чтобы точнее определить маршруты в завтрашний день.

VII СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ

РАССКАЗЫВАЮТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ЛГ»

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ВРЕМЕНЕМ

ИТОГИ своей творческой деятельности армянские писатели подводили в дни, когда весь советский народ переживает большой политический и трудовой подъем, вызванный историческими решениями XXV съезда Коммунистической партии, грандиозными задачами десятой пятилетки. Работа творческого союза, отмечалось на съезде, шла в неразрывной связи с жизнью народа, всей страны. Партийность, народность, идейно-художественная зрелость — вот те критерии, которыми руководствуются в своем творчестве писатели Армении.

— С первых дней становления Советской власти, — сказал, открывая съезд, старейшина армянской литературы **Егиш Чаренц**, — армянские советские писатели были в авангарде строителей новой жизни. Мы всегда чувствуем себя в долгу перед народом, перед нашей великой социалистической Родиной.

Первый секретарь правления СП Армении **В. Петросян** в отчетном докладе съезду напомнил о той высокой оценке деятельности советских писателей, которая дана на XXV съезде КПСС товарищем Леонидом Ильичом Брежневым. В самой этой оценке, подчеркнул докладчик, мы видим заботу нашей партии о художественной интеллигенции, о дальнейшем плодотворном развитии литературы и искусства.

Многонациональная советская литература является беспрецедентным феноменом в истории культуры. Сплоченные высокими идеями служения народу, коммунистической партийности, братские литературы нашей страны привносят в многоцветную радугу великой советской литературы свой национальный оттенок, ярко и убедительно раскрывают судьбу своего народа. В этом смысле наш съезд не только отчитывается перед армянским народом, но и дает оценку всему тому, что за прошедшее пятилетие обогатили наши писатели общесоюзный литературный процесс.

Одной из важных задач писательской организации является создание деловой, творческой атмосферы для наших литераторов, призванных воспевать величие подвига советского человека.

Касаясь недостатков в деятельности творческого союза, В. Петросян отметил, что еще далеко не все возможности использованы для повышения идейно-художественного уровня произведений армянских литераторов. Например, в последние годы в наши ряды пришло новое, талантливое поэтическое поколение, однако критика практически обошла его своим вниманием.

Успехи армянской литературы бесспорны. В прошедшее пятилетие усилиями писателей всех поколений созданы заметные произведения прозы, отметил секретарь правления СП Армении **П. Зейтунцян**. Лучшие из них свидетельствуют о развитии и обогащении глубоких реалистических традиций, говорят о накоплении новых идейно-художественных качеств. Отрадно, что достижения армянской прозы последних лет связаны прежде всего с образом нашего современника — строителя коммунизма. Оратор называет такие масштабные произведения, как романы «Земля родная» А. Сираса, «Этот старый мир» З. Дарбина, «Созвездие» В. Григоряна, «Вайоц дзор» В. Арутюняна, «Артавазд» Г. Хачатряна, а также книги, посвященные ратному подвигу советского народа в Великой Отечественной войне, и среди них документальный роман С. Ханзадяна «Три года, 291 день», «Дневник неизвестного солдата» А. Мкртчяна, и другие.

Говоря о категории нравственного выбора, все чаще привлекающей внимание армянских писателей, докладчик на ряде примеров показал, как нравственность органически связана с чувством ответственности героя за общее дело. Такую взаимосвязь можно видеть в повести «Жила земля» Г. Матевосяна, в романах З. Халапяна «Ум-Вос», М. Галпояна «Горнило», А. Саняна «Тоска», в повестях С. Аладжаджяна «Лодки без парусов», В. Петросяна «Аптека «Ани», Л. Гурунца «Наш милый Шушикенд», В. Баланя «Выстрел, которого никто не слышал».

Р. Арамян отметил новые качества созданных в последние годы произведений прозы, сказавшиеся прежде всего в отказе от описательности за счет более углубленного психологического анализа. Многих наших прозаиков, подчеркнул оратор, отличают возросшая художественная взыскательность, разнообразие и смелость творческих поисков, масштабность мышления. Об интенсивном накоплении новых идейно-эстетических качеств, органически связанных с сегодняшним этапом коммунистического строительства, говорили также прозаики **Х. Гюльназарян, А. Сирас.**

Первый секретарь Разданского райкома партии **Г. Баркиян** отметил крепнущую связь писателей с трудящимися республики, а бригадир Армэлектромаша имени В. И. Ленина **Ю. Матевосян**, передавая приветствие съезду от имени рабочих Еревана, призвал литераторов создавать больше книг о нашем современнике, творце и созидателе, патриоте и интернационалисте.

Современность — непреходящий критерий развития художественной литературы, всех ее жанров. Писатель должен быть первооткрывателем, ясно видеть происходящие в жизни процессы, понимать их, талантливо и ярко запечатлевать в своих произведениях. Эта мысль пронизывала и «жанровые» доклады, и выступления большинства ораторов, в частности **Г. Тамразяна, А. Еревали, С. Агабабяна.**

Раскрывая основные черты сегодняшней армянской поэзии, питаемой родниками народной жизни, **В. Давтян** подчеркнул ту страстную идейную убежденность, которая объединяет творчество его коллег. Он подробно говорил о творчестве безвременно ушедшего, но духовно присутствующего на этом съезде Паруйра Севака, который был истинным новатором, твердо опирающимся на традиции классической поэзии Нарекаци, Сиаманто, Варужана, Чаренца.

Сегодня эта тенденция — новаторство содержания при традиционности форм — присуща многим поэтам, таким, как О. Шираз, А. Сагиян, М. Маркарян, С. Капутикян, Г. Эмин, Р. Ованесян, Поэтов этих можно отнести уже к старшему поколению, и отрадно, что вместе с ними продолжают радовать читателей ставшие сейчас патриархами Веспер, Сармеи, Гегам Сарьян.

Преемственность традиций, прочная связь поэтических поколений всегда были сильны в армянской советской поэзии. Молодые в лучших своих произведениях ярко раскрывают величие нашей сегодняшней жизни. Отмечая условность и относительность термина «молодое поколение», В. Давтян сделал краткий анализ творчества ряда поэтов: Р. Давояна, Ю. Саакяна, Л. Дурьяна, О. Григоряна, А. Мартиросяна, А. Парсамян. Вместе с тем докладчик отметил, что молодежной поэзии еще не хватает широты исторического взгляда, способности рассматривать явления в связи с большими общественными задачами.

О необходимости внимания к молодым говорил в своем выступлении **А. Топчян.** Он остановился также на том, что литературе талантливой, к сожалению, еще сопутствует бездарность, серость, которая пытается порой вытеснить истинно талантливое. И здесь особенно важна роль критики.

Достоинство поэта, гражданское звучание поэзии, талантливое выражение великих идей времени — заботой об этом были проникнуты выступления **Г. Эмина, О. Шираза, М. Маркаряна.** Они с огорчением отмечали, что в книжном мире продолжают появляться книжонки, лишенные значительного содержания произведения. Современность требует высокого идейно-художественного уровня.

Состоявшийся недавно совместный пленум правления Союза писателей Армении и Совета по художественному переводу СП СССР, отметил в своем докладе Л. **Мкртчян**, еще раз подтвердил, что литературный процесс ни в одной республике, ни в одной стране, как бы ни была велика и богата ее литература, сегодня немыслим без большой переводческой работы. И в том, что армянская литература в настоящее время известна далеко за пределами республики, — немалая заслуга именно переводчиков. Л. Мкртчян говорил о взаимовлиянии и взаимообогащении братских литератур, о вкладе армянских писателей в общесоюзную литературу.

Выступившие на съезде **С. Арсенян, В. Мнацаканян** затронули вопросы, касающиеся оценки литературного наследия, классических традиций, их развития и обогащения. Ораторы подчеркивали роль литературы в воспитании читателя в духе социалистического интернационализма.

Отметив недостатки в литературе для детей и юношества. **А. Саняна**, министр просвещения Армении **С. Ахумян** призвали активизировать работу в этой важной области.

Значительное внимание было уделено вопросам мастерства, роли критики в формировании литературного процесса, в воспитании эстетических вкусов. Сегодня в Армении плодотворно трудится большой отряд критиков и литературоведов. Каждый третий член писательской организации республики работает, отмечалось в докладе председателя мандатной комиссии **В. Каренца**, в этом жанре. Это прежде всего литераторы старшего поколения — **С. Агабабян, Л. Ахвердян, С. Арзуманян, А. Аристакесян, С. Даронян, Г. Тамразян, В. Мнацаканян, Эд. Джрбашян, С. Саринян, С. Манукян.**

Новизна и свежесть взгляда, пристальный интерес к художественному творчеству сверстников, умение рассматривать то или иное явление на широком фоне общесоюзного литературного процесса — вот что определяет удачи и поиски молодых критиков Н. Адаляна, К. Агабекяна, Г. Ананяна, А. Арутюняна, З. Аветисяна, С. Атабекяна, Г. Галстяна, Д. Гаспаряна, А. Егиазаряна, Г. Эдолна, Ал. Топчяна, Ст. Топчяна, А. Костаняна, Ф. Мелконяна и других.

В последнем пятилетии несомненного успеха добилась драматургия. И в докладе **Л. Самвеляна**, и в выступлении **Г. Тер-Григоряна** отмечалось, однако, что художественно-сценическое воплощение современности требует от драматургов большего мастерства и взыскательности.

На съезде выступили председатель Армгоскомиздата **С. Багдасарян**, начальник Армянского отделения ВААП **С. Кургинян.**

Был заслушан доклад председателя ревизионной комиссии **Б. Улубабяна.**

Делегатов съезда от имени Союза писателей СССР приветствовал секретарь правления СП СССР **Н. Федоренко.** В своей речи он отметил атмосферу деловитости и принципиальности в работе съезда. Большое внимание Н. Федоренко уделил проблемам социалистического реализма, интернациональному характеру многонациональной советской литературы.

На съезде выступил с речью секретарь ЦК КП Армении **К. Л. Даллакян.**

Съезд закончил свою работу. Армянские литераторы выразили полное единодушие в стремлении жить интересами советского общества, всей своей деятельностью, всем своим талантом служить делу Коммунистической партии, содействовать претворению в жизнь исторических решений XXV съезда КПСС.

* * *

На пленуме правления СП Армении первым секретарем правления избран В. Петросян, секретарями — Л. Мкртчян, М. Саркисян, П. Зейтунцян, Л. Карагёзян.

З. БАЛАЯН, Т. ЗОЛОТУХИНА

СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ ТАДЖИКИСТАНА

Участники съезда на Таджикском алюминиевом заводе

Так встречали писателей в Регарском районе

Фото **А. КАРЗАНОВА**

СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Ираклий АБАШИДЗЕ ➡

⬇ У книжных стендов

Фото **В. КРОХИНА**

СТРАННАЯ ПОЗИЦИЯ ДИРЕКЦИИ КАННСКОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ

На вопросы специального корреспондента «ЛГ» В. Александрова отвечает председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по кинематографии Ф. Т. ЕРМАШ.

— Как стало известно, советская кинематография в этом году не будет участвовать в Каннском международном кинофестивале. Каковы причины нашего отказа?

— Да, в этом году мы решили отказаться от участия в Каннском фестивале. Дирекция фестиваля выдвигала такие условия, которые не позволили представить фильмы, по нашему мнению, отражающие уровень достижений советской кинематографии. Мы предлагали два фильма: «Белый пароход» (режиссер Б. Шамшиев, «Киргизфильм») и «Единственная» (режиссер П. Хейфиц, «Ленфильм»).

Фильм молодого киргизского режиссера Болота Шамшиева снят по повести выдающегося советского писателя Ч. Айтматова. Эта повесть вызвала интерес и оживленные дискуссии как в Советском Союзе, так и за рубежом, в том числе и во Франции, где она переведена. Большим вниманием мировой общественности пользуется и молодая киргизская кинематография. Такие ленты, как «Первый учитель», «Лютый», «Красное яблоко», с успехом демонстрировались во многих странах мира, завоевали ряд призов на международных кинофестивалях. Проведение Всесоюзного фестиваля 1976 года в столице Советской Киргизии — одно из свидетельств растущего признания достижений киргизского кино. В его конкурсном показе была и лента Б. Шамшиева, тепло встреченная зрителями, кинематографистами, критикой. Именно этому фильму по решению жюри, состоящего из видных мастеров советского кино, присужден Большой приз фестиваля.

Участвовала во Всесоюзном кинофестивале и последняя работа одного из старейших советских режиссеров, творчество которого хорошо известно у нас в стране и за рубежом. Речь идет о фильме Героя Социалистического Труда И. Хейфица «Единственная», снятом по произведению известного советского писателя П. Нилина. Исполнительница главной роли в этом фильме Е. Проклова отмечена премией жюри фестиваля.

Дирекция же Каннского фестиваля отклонила фильмы без сколь-нибудь веских оснований, руководствуясь своими внутренними соображениями, к которым примешана изрядная доля недоброжелательного отношения к советской кинематографии. «Единственное», по уверениям дирекции, рассмотрение фильмов на деле выглядит так, что «Белый пароход» был классифицирован как фильм для детской аудитории, а «Единственная» — по жанру психологическая драма — отнесена к кинокомедиям.

Показательно и то, что французский журнал «Ле фильм франсэ» (№ 1618 — 26/3/76) сообщил: «ожидается согласие советского члена жюри», тогда как приглашения от дирекции мы не получали и узнали о нем только из прессы.

— Складывается впечатление, что это не случайное стечение обстоятельств, а проявление определенной позиции. Скажите, пожалуйста, есть ли история у этого вопроса?

— Есть, и тянется она не один год. Поскольку у Каннского фестиваля отсутствуют девиз или принципы, определяющие его направленность, то дирекция, жонглируя словами о «высоком» уровне и «специфичности» публики, которые толкуются вкривь и вкось, ежегодно создает трудности для нашего участия в фестивале. Отклонив одну картину, дирекция сама предлагает другую, затем третью, затем возвращается к первой, и так без конца. Весь процесс переговоров сводится к стремлению дирекции не допустить советские фильмы, рекомендованные кинематографической общественностью СССР, и утвердить свое «право» определять, какие именно фильмы представляют советское кино. Естественно, мы рассматриваем это как дискриминацию по отношению к нашей кинематографии.

Подчеркиваю, речь здесь идет даже не об условиях показа, не о завоевании призов, а о праве кинематографии нашей страны самой определять фильмы, ее представляющие.

В последние годы, например, дирекция отклонила фильмы В. Шукшина «Калина красная», С. Соловьева «Сто дней после детства», С. Михалкова «Премия». А когда эти фильмы демонстрировались во Франции и в других странах, то вызвали оживленный отклик общественности и прессы. «Сто дней после детства» получили затем «Серебряного медведя» за лучшую режиссуру на международном кинофестивале в Западном Берлине и восторженно были оценены американской прессой на Неделе советских фильмов в Сан-Франциско.

Несостоятельность мотивировок дирекции Каннского фестиваля особенно очевидна в случае с картиной «Премия», которую мы предлагали в прошлом году. Нежелание включить фильм в конкурсный показ объясняли тем, что проблематика картины неинтересна критике и зрителям (замечу, что г-н Бесси, один из руководителей фестиваля, посмотрел только две части фильма). И что же? Картина и без фестиваля дошла до Франции, вызвав огромный интерес, на нее откликнулось большинство крупнейших газет всех направлений. Как бы они ни интерпретировали фильм, разнодушным он никого не оставил.

Газета «Юманите диманш» писала: «Этот советский фильм — явление, которое должно произвести фурор так же, как фильм М. Калатозова «Летят журавли»...» Газета «Либерасьон» назвала его «глубоко симпатичным, тонким фильмом. Простое, реальное, народное кино». Газета «Франс-суар» отметила, что это — «одно из самых больших достижений советского кино. Проблемный фильм «Премия» является произведением, которое маленькими штрихами открывает нам настоящее лицо России».

Анализируя реальный успех этих наших фильмов на мировом экране и отношение к ним дирекции Каннского фестиваля, приходишь к выводу, что налицо — достаточно последовательно проводимая политика дискриминации советских фильмов. Для их показа пытаются создать неблагоприятные условия либо не показывать вовсе.

Исходя из духа и буквы Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, мы рассматриваем фестивали как важную форму культурного обмена. Поэтому мы выдвигаем для показа на фестивалях фильмы, завоевавшие признание советской и мировой общественности, фильмы, характеризующие процесс развития многонационального советского киноискусства. Упомянутые мною ленты и рассматриваются нами с этой точки зрения.

Мы полагаем, что зарубежным кинематографистам и зрителям интересно и полезно ознакомиться с такими работами, узнать, чем живет наш народ, получить неискаженное представление о состоянии современного советского кино. Дирекции Каннского фестиваля, очевидно, хотелось бы иного, хотелось бы поретить руки на скандальных сенсациях.

Недавно я уже рассказывал читателям «ЛГ» об атмосфере замалчивания и недоброжелательности, созданной на Каннском фестивале вокруг фильма «Они сражались за Родину». Так что наш вынужденный отказ от участия в фестивале 1976 года имеет свою историю, характеризующую позицию дирекции в неприглядном для нее свете.

— В связи с упомянутым вами интервью не могли бы вы подробнее охарактеризовать атмосферу Каннского фестиваля и деятельность его дирекции.

— В свое время в ходе переговоров с делегацией Национального кинцентра Франции и других кинематографических организаций этой страны мы высказали удивление по поводу политики дирекции фестиваля. Как нам объяснили, нынешний состав дирекции во главе с господами Р. Фавром де Брэ и М. Бесси, всячески прославляя свою «независимость» от «посторонних вмешательств», в том числе и от французских кинематографистов, на деле все подчиняет своему диктату. Дирекция произвольно ограничивает число стран-участниц, произвольно, исходя из своих вкусовых соображений, определяет место кинематографий в мировом кинопроцессе. За три десятилетия существования фестиваля в нем всего несколько раз участвовали кинематографии развивающихся стран, очень ограничено участие социалистических стран. Сам фестиваль весьма своеобразно сочетает антидемократический, эстетский снобизм с откровенно торгашским духом и дешевым рекламным шоу. И все это заслоняет главное в фестивалях — творческое соревнование, творческие контакты, обмен идеями, культурными ценностями.

Фарисейство деклараций о «независимости» Каннского фестиваля особенно ярко проявляется в организации работы жюри. По принятым в международной практике нормам жюри не зависят от дирекции фестивалей. В Канне же заседания проводятся при обязательном участии дирекции, которая и диктует свои условия. На недопустимость такого положения неоднократно обращали внимание кинематографисты многих стран мира.

Таким образом, дирекция фестиваля хочет не только сама распределять призы, но, как мы видим, определять направления развития кинематографии той или иной страны. Вполне понятно, что согласиться с этим мы не можем.

— И последнее. Как вы, Филипп Тимофеевич, оцениваете перспективы наших взаимоотношений с Каннским фестивалем?

— Наши позиции в сфере культурного обмена четко определены в документах партии и правительства. Мы исходим из подписанного в Хельсинки Заключительного акта совещания. Дирекция Каннского фестиваля должна реалистически оценивать равноправный характер культурного обмена.

Культурный обмен не означает диктовку своих произвольных принципов и условий. Мы решительно отвергаем попытки воздействовать на ход развития советского киноискусства. И когда дирекция фестиваля поймет это, мы будем рады сотрудничать с Каннским международным кинофестивалем.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что эта проблема никоим образом не связана с нашими взаимоотношениями с французской кинематографией, которые успешно развиваются. Плодотворно работает смешанная советско-французская комиссия, ведутся переговоры о совместном производстве фильмов, успешно осуществляется научно-техническое сотрудничество. Советская кинематография участвует в ряде международных кинофестивалей, проводимых во Франции, а французская кинематография систематически присылает свои фильмы на Московский международный кинофестиваль. Продолжается обмен фильмами на коммерческой и некоммерческой основе. Можно рассчитывать на расширение наших контактов в будущем.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ ТУРКМЕНИСТАНА

5—6 мая в Ашхабаде проходил VII съезд писателей Туркменистана. Вступительным словом его открыл председатель правления СП Туркмении Р. Эсенов.

С большой речью выступил первый секретарь ЦК Компартии республики М. Г. Гапуров.

Доклады по жанрам сделали о прозе — К. Курбансахатов, о поэзии — К. Курбанниязов, о критике — Дж. Аллаков, о драматургии — А. Мамлиев, о литературе для детей и юношества — К. Тангрыкулиев.

С съезда приветствовал секретарь правления СП СССР А. Сытинский.

В работе съезда приняли участие Председатель Президиума Верховного Совета Туркмении А. Клычев, Председатель Совета Министров республики Б. Якшулиев.

Состоялся пленум правления. Председателем правления СП Туркмении избран Т. Курбанов.

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

27 мая 1973 года Союз Советских Социалистических Республик вступил во Всемирную (Женевскую) конвенцию об авторском праве. Через несколько месяцев в нашей стране было создано Всесоюзное агентство по авторским правам, призванное защищать права и законные интересы советских авторов за рубежом и иностранных в СССР.

С учреждением ВААП особенно успешно продолжали развиваться связи с издательствами и авторско-правовыми организациями социалистических стран. Были подготовлены и подписаны межправительственные соглашения по взаимной охране прав между СССР и ГДР, Польшей, Венгрией, а также межгосударственное соглашение с ЧССР.

Сегодня в странах социализма издаются практически все наиболее примечательные произведения советской литературы.

За минувшее время были проведены переговоры с руководителями почти всех основных авторско-правовых обществ стран Западной Европы, Северной Америки, Японии и некоторых стран Латинской Америки. В общей сложности установлены контакты с 650 иностранными правовыми организациями, книгоиздателями, издательствами и фирмами в 50 странах мира. ВААП плодотворно сотрудничает с такими крупнейшими издательствами, как «Мэдиэлл» (США), «Бертельсманн» (ФРГ), «Джунгти» (Италия), и многими другими.

Эту плодотворную и многогранную работу в области расширения международных сотрудничества и продвижения за рубеж многонациональной советской литературы ВААП ведет в тесной связи с Союзом писателей СССР.

Принятая 13 июня 1974 года Союзом писателей СССР и ВААП постановление «О формах совместной деятельности в условиях присоединения СССР к Всемирной конвенции об авторском праве» определило основные направления их практической работы и сформировало главные формы и принципы сотрудничества.

Дальнейшему совершенствованию совместной деятельности Союза писателей СССР и Всесоюзного агентства по авторским правам в свете решений XXV съезда КПСС было посвящено недавно состоявшееся совместное расширенное заседание секретариата правления СП СССР и правления ВААП.

Заседание вели первый секретарь правления СП СССР Г. Марков и председатель правления ВААП В. Панкин.

В работе заседания приняли участие известные писатели, руководители ряда центральных издательств, сотрудники аппаратов СП СССР и ВААП.

Открывая заседание, Г. Марков подчеркнул особую важность этого обсуждения, проходящего вскоре после XXV съезда КПСС, оптимизировавшего возросшую роль литературы и искусства в коммунистическом воспитании трудящихся.

Г. Марков в своем выступлении отметил, что те обширная совместная деятельность, которая осуществляется СП СССР и ВААП, способствует международному и культурному обмену, служит делу мира, прогресса и социализма.

Г. Марков рассказал также о ближайших мероприятиях, в которых примут самое активное участие Союз писателей СССР и ВААП. Так, скоро Москву посетит представительная делегация литераторов и книгоиздателей Франции. В конце 1976 года в Ташкенте состоится встреча молодых писателей стран Азии и Африки. Готовится международная встреча зарубежных переводчиков советской литературы. Наконец, в 1977 году пройдет VI Конференция писателей стран Азии и Африки.

Сообщение о деятельности ВААП сделал заместитель председателя правления М. Шышыгин.

— Прошедшее время, — сказал он, — подтвердило, что совместная деятельность СП СССР и ВААП протекает плодотворно и активно способствует продвижению за рубеж произведений советских писателей, повышению авторитета многонациональной советской литературы.

В течение 1974—1975 годов велись интенсивные переговоры с авторско-правовыми организациями, ассоциациями издателей, крупнейшими издательствами, литературными агентствами. Большое внимание было уделено дальнейшему совершенствованию договорно-правовых основ для взаимоотношений с авторами и издателями социалистических стран.

Планомерно велась также работа и по созданию договорно-правовой основы для взаимоотношений с авторами и издателями капиталистических стран. Это была принципиально новая работа, не имеющая опыта в нашей стране...

На стендах в здании ВААП, где проходило совместное заседание, яркой, красочной панорамой развернута выставка произведений советских авторов, ставших сегодня достоянием зарубежного читателя. Рядом с книгами — проспекты, буклеты, экспресс-листовки, иллюстрированные бюллетени, выпускаемые ВААП. Постоянное и многообразное отражение литературная жизнь страны и деятельности писательских организаций находят на страницах ежеквартального бюллетеня. Бюллетени сообщают читателям обо всем наиболее интересном, что появляется в нашей литературе, ставят главной целью широкую пропаганду за рубежом лучших произведений советских писателей, публикуют отрывки из новых книг...

— Поскольку в нашей стране литература создается на 75 языках, — сказал секретарь правления СП СССР, председатель правления Литфонда СССР А. Кешоков, — немаловажное значение имеет упорядочение оплаты за произведения авторам из союзных и автономных республик. Назрела также настоятельная необходимость расширить тематику и порядок оплаты за профессиональные, своевременные переводы новинок художественной литературы, которые делают зарубежные переводчики.

Эта мысль была поддержана и нашла развитие в выступлении председателя Иностранной комиссии СП СССР А. Косоруковa. Он отметил, что существующих премий недостаточно для поощрения лучших пропагандистов произведений советской литературы за рубежом. Учреждение дополнительных наград за переводы создало бы хороший стимул для дальнейшей работы среди зарубежных книгоиздателей.

Заместитель председателя правления ВААП Ю. Рудаков рассказал о том, какая работа ведется по дальнейшему совершенствованию авторского права и налогового законодательства. СП СССР и ВААП должны, подчеркнул он, направить усилия к тому, чтобы совершенно устранить нарушения авторского права.

Немалое место в совместном сотрудничестве СП СССР и ВААП уделяется созданию наиболее благоприятных моральных и материальных предпосылок для плодотворного труда советских писателей, дальнейшему совершенствованию системы охраны прав писателей. Эта задача, зафиксированная в Уставе ВААП, определяется постоянной заботой Коммунистической партии и Советского государства о творческой интеллигенции.

Разговор на заседании носил творческий и обстоятельный характер. Все выступавшие особенно подчеркивали важность и несомненную эффективность деятельности ВААП, совместного его сотрудничества с СП СССР. Был высказан целый ряд конструктивных предложений.

Неотложным задачам, стоящим сегодня перед Союзом писателей СССР и Всесоюзным агентством по авторским правам, были посвящены также выступления секретаря правления СП СССР С. Сартакова, Б. Тельпугова, заместителя председателя правления ВААП Ю. Жарова, начальника отдела художественной литературы ВААП В. Боборыкина.

Подводя итоги заседания, В. Панкин поблагодарил всех, кто принял участие в заседании, и выразил убежденность, что Всесоюзное агентство по авторским правам вместе с Союзом писателей СССР приложит все усилия к тому, чтобы и впредь успешно продвигать за рубеж произведения советской литературы, содействуя тем самым пропаганде советского образа жизни, замечательных достижений Страны Советов, повышению авторитета социалистической культуры.

В заключение заседания было принято соответствующее постановление.

***

На днях под председательством С. Сартакова прошло очередное заседание секретариата правления СП СССР. На нем были рассмотрены и утверждены тематический план выпуска литературы на 1977 год и план редакционно-издательской работы издательства «Советский писатель».

С сообщением по этому вопросу выступил председатель правления издательства Н. Лесонский.

Издательство лишь за девятую пятилетку выпустило 1917 названий книг общим тиражом около 75 миллионов экземпляров. Если учесть, что 80 процентов выпускаемой продукции — это новые произведения, то становится очевидным существенный вклад издательства в развитие многонациональной советской литературы.

Задачи, стоящие перед издательством в свете решений XXV съезда КПСС, были рассмотрены и утверждены на недавнем пленуме правления издательства, прошедшем при высокой активности его участников.

Как и в предыдущие годы, в большинстве своем произведения, которые планирует выпускать издательство, будут посвящены темам современности. Это книги о советском рабочем классе, о жизни сегодняшнего деревни, о творческой интеллигенции.

На заседании секретариата был поднят ряд вопросов, которые следует учесть издательству в дальнейшей работе. В частности, обращено внимание на случаи недостаточно высокого уровня переводов произведений национальных авторов. Оставляет желать лучшего также качество полиграфического исполнения книг.

Издатель не должно оказывать активную поддержку начинающим авторам, усиливать организующую роль в формировании своего портфеля, усовершенствовать практику деловой помощи писателям в создании произведений на актуальные темы.

Завершая заседание, С. Сартаков сказал:

— Продукция издательства «Советский писатель» хорошо известна читателям в нашей стране и за рубежом. Ее объем к общему количеству книг, выходящих в СССР, составляет примерно восемь процентов. Книги с маркой «Советский писатель» ярко и убедительно отражают лицо современной советской литературы, твердо стоящей на ленинских принципах партийности и народности. Эти книги помогают жить и трудиться советскому человеку — строителю коммунизма.

В обсуждении работы издательства приняли участие Ю. Верченко, М. Луконин, В. Озеров, Р. Рождественский, О. Шестинский, С. Дангулов, Б. Тельпугов, С. Куняев, М. Горбачев и другие.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Гринберга И. Л. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя Гринберга Иосифа Львовича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
7 мая 1976 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Е. А. ИСАЕВУ — 50 лет

В связи с 50-летием со дня рождения Егора Александровича Исаева секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного русского поэта, с 50-летием со дня рождения. Молодой поэт-воин, Вы пришли в литературу, обладая ценным жизненным опытом, гражданской зрелостью. С первых шагов Вы заявили о себе как о поэте эпическом. В поэме «Суд памяти», написанной по пятистопному ямбу, но, в лучших традициях русской эпической поэзии, получила прекрасное воплощение антивоенная, антифашистская тема. На долю этого произведения выпал заслуженный успех у читателей и литературной общественности.

Постановкой животрепещущих нравственных проблем, актуальностью трактовки, привлекает внимание Ваше новое крупное произведение — поэма «Дань памяти», главы из которой были опубликованы в страницах нашей газеты.

За большие заслуги в развитии советской литературы Вы награждены орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Желаем Вам крепкого здоровья и новых творческих удач!»

Поздравив юбиляра, также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Я до чего же стремительно время! Неужто Егору Исаеву уже и впрямь пятьдесят?.. А он таной же свежим молодой в товарищеском общении, не по годам подвижный и такой словоохотливый от избытка чувств и мыслей! Зато за письменным столом и не узнать его: перед вами предумужицки основателен и неторопливо. Совсем как рачительный, повидавший немало лет, хозяин-пахарь, каждое слово которого, как зерно, и на вес, и на полноту отобрано, выверено.

Но ведь он еще и солдатский, а не только сельский, мужицкий зачасти поэт! Поэт фронтового поколения. Не сразу отозвалось в его поэзии то, что довелось испытать, хотя стихи Егор Исаев писал чуть ли не с детства. Война вломилась в душу и не вмещалась ни в какие стиховые рамки. Поэтому так долго, трудно вызревала поэма «Над волнами Дуная», убедившая читателей в том, что в нашу литературу пришел поэт с сильным, самостоятельным голосом.

Этот голос еще более окреп в незабываемых строках второй поэмы Егора Исаева «Суд памяти». Суд памяти сквозь все шумы и помехи холодной войны ясно улавливал голоса земли, голоса тех, кто погиб, защищая жизнь на нашей планете. Символом высокой силы стал образ женщины-матери, идущей по земле со скорбью и надеждой. Она идет, пронесная материнки, меняя, словно косынки, флаги наших на своих хрупких плечах:

Она идет, покинув
свой уют,
Не в себе — о мире
беспокоясь,
И памятники честь
ей отдают
И обелиски кланяются
в пояс.

Совесть, нравственные истоки и чистота — вот фундамент поэтической позиции Егора Исаева нашли взволнованный и благодарный отклик в сердцах читателей. Каждое новое издание поэмы «Суд памяти» расходится мгновенно, укрепляя справедливо высокую репутацию поэта.

Имя Егора Исаева не часто появляется на страницах газет и журналов. Но тем заметнее каждое новое произведение поэта.

После поэмы «Суд памяти» прошло несколько лет, прежде чем появились главы из его новой крупной работы. Каждая из этих глав сама, по сути, является вполне законченным поэтическим произведением. Но особый эпический смысл они приобретают, будучи собранными вместе, обдуманными в целом. Поражает сопряженность, цельность такой большой — и по объему, и по замыслу — вещи, где внутренняя тяжелость эпической повествовательности сочетается в то же время с удивительной легкостью, которая задает стремительный темп самой «медлительности» повествования, стольно мыслей и чувств, стольно полнозвучных и полнощетинных прямо в бой.

Очень хочется пожелать другу-поэту горячего молодого чувства, сосредоточенной, спорой мудрительности и на последующие пятилетки. Да будут они столь же прямы и стремительны!

Дмитрий КОВАЛЕВ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

НАКАНУНЕ НОВОЙ КНИГИ

Йонас АВИЖЮС,
лауреат Ленинской премии

ДОРОГИЕ МОИ ЛЮДИ

Собрался была ехать в Лабаноракую пущу, в деревню Пруднишкес, где должен был в задавшую редакции встретиться с Йонасом Авижюсом, но тут позвонил он сам и сказал, что ждет у себя дома.

И вот сидим с ним в уютной квартире на улице Шяшупо. Йонас поглаживает свои совсем уже седые волосы, весело щурится, смотрит в окно и приговаривает: «Ну, вот и в Вильнюсе весна!».

А мне не терпится побольше узнать о его новом романе, отрывки из которого печатались в республиканской периодике.

— Лет десять назад, — говорит Йонас Авижюс, — я начал писать не повесть, не то роман (тогда сам еще с точностью не мог определить его жанр) о жизни нашей творческой интеллигенции. Я хорошо знаю своих коллег по искусству, и рассказать о них—значит исполнить товарищеский долг.

Приступал к работе над романом с мыслями об огромной ответственности художника, творца, гражданина перед своим народом, перед временем. Об этом важнейшем условии подлинного творчества нам постоянно напоминает партия. Смысл и назначение художника — утверждать лучшее, светлое в человеке, обрушивая всю мощь таланта на тех, кто мешает могучей поступи народа по пути светлого нашего грядущего.

Однако тогда я, по-видимому, еще не был готов к этой теме и, отложив до поры-до времени начатое, всерьез засел за «Потерянный кров». Высокая оценка данной роману читателями, убеждает меня, что не ошибся в выборе. Глубоко убеждены лишь через свое, национальное, можно с наибольшей силой выразить общечеловеческое, лишь воспевая глубоко социальные сдвиги в судьбе своего народа, отображая его жизнь и мечту, можно достичь интернационального звучания...

Когда после «Потерянного крова» я снова заглянул в ящики рабочего стола и обнаружил уже написанные главы нового романа — он называется «Хлеваловские цветы», — когда заново прочел рукопись, то сократил ее до... 15 страниц. Неблагодарное это занятие — уничтожать собственный труд, но оно необходимо, если хочешь, чтобы твое слово было воспринято только так, как задумал, а не иначе. Потом... просто не умею писать быстро. Каждый роман — это 5—6 лет напряженного труда. Я жил долго, годами мучился над книгой.

И тем не менее сейчас я почти в основном окончен. По существу, это заново написанное произведение с первоначальным замыслом, с прежней концепцией: главное для художника — своим талантом служить народу, выражать его думы и чаяния, источник вдохновения — дела народа, его радости и чаяния.

Этим принципам непоколебимо следует скульптор Скирмонис — кстати, раньше главный герой имел профессию писателя. Человек с легкой судьбы и незаурядного дарования, он ненавидит застой, не признает самодовольного любования. Скирмонис не очень-то «удобен» для окружающих, мало приспособлен к спокойному существованию. Мягкий, уступчивый и слегка наивный в обыденной жизни, он мгновенно преображается, когда дело касается искусства, которому служит разносто и самозабвенно. Тогда Скирмонис тверд в своих позициях, в своих поступках и суждениях. Нет, он не ищет легких путей в решении важных проблем, связанных с утверждением своего творческого кредо. И не всегда это ему удается, но от принципов своих не отказывается, убеждений не меняет.

Теперь о прототипах. Когда пишу, я никогда не имею в виду какого-либо конкретно знакомого человека. Но я, видимо, не могу отойти от реальных людей, и подсознательно как будто по бумаге перо, что герой поневоле становится похожим на существующую рядом личность.

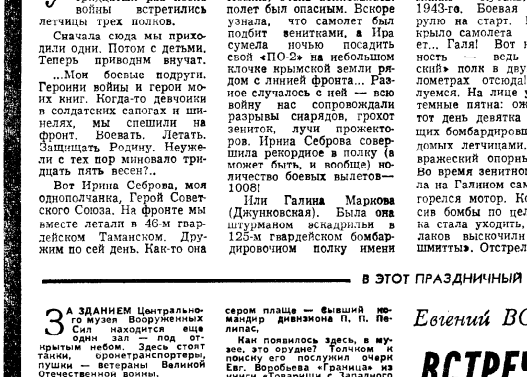
Скоро ли Скирмониса узнает всесоюзный читатель? Думаю, знакомство не за горами, ибо постоянный переводчик моих книг Виргилиюс Чепайтис иногда опережает меня. Если бы не привычка вычеркивать, дописывать, переделывать, русский текст давно был бы готов. Публикацию его запланировал журнал «Дружба народов».

В письменном столе набираются «заготовки» для других вещей. Я уже говорил в одном из интервью, что мечтаю о романе, посвященном сегодняшней литовской деревне. И он будет.

...Зазвенел звонок. Принесли очередную почту — множество поздравительных писем и телеграмм Йонасу Авижюсу в связи с присуждением ему Ленинской премии.

Мы простились. Йонас Авижюс распечатал первое письмо...

П. КЕЙДОШЮС,
соб. корр. «Литературной газеты»
ВИЛЬНЮС



Завтра в консилиум. Фото А. ХРУПОВА

А. М. ЛЕЙТЕС

5 мая скоропостижно скончался старейший критик и литературовед Александр Михайлович Лейтес.

В 1920 году А. М. Лейтес был одним из организаторов Всеукраинского союза писателей. В двадцатые годы широкое внимание привлекли его работы по классической и современной украинской литературе («Ренессанс украинской литературы» — 1925, «Шевченко и современность» — 1924, «Леся Украинка» — 1941). В течение долгих лет он занимался проблемой влияния русской классики и советской литературы на мировую литературу. Этой теме посвящены многие его статьи и книги (октябрь и западная литература» — 1924, «Советская литература на международной арене» 1947 и др.).

Последние годы жизни Александр Михайлович отдал работе над книгой о природе и культуре человеческого мышления. Человек, блестяще образованный, свободно ориентирующийся в мировой литературе и истории философской мысли от древности до наших дней, он обращался в этой книге к опытам великих мыслителей и художников прошлого и настоящего времени. Этой работе он отдавал все свои силы и время до самых последних часов жизни. От нас ушел человек, не успевший завершить самую главную свою книгу, не успевший реализовать огромные запасники своих знаний, памяти людей, близко знавших Александра Михайловича, навсегда останутся его душевная отзывчивость, постоянная готовность поделиться своими знаниями и опытом и удивительная щедрость человеческого ума.

В. Е. ГАЛАНОВ, Л. Н. КЛИМОВИЧ, И. Т. КОЗЛОВ, В. Н. КРИШТАЛЮВ, Л. И. ЛАЗАРЕВ, П. Ф. НИЛИН, В. М. ОЗЕРОВ, Л. С. ОЗЕРОВ, М. С. ПЕТРОВЫХ, А. А. СУРКОВ, В. П. ТЕЛЬПУГОВ, Н. С. ТИХОНОВ, С. Д. ЩИПАЧЕВ, М. И. ЮФИТ

Б. В. ЛУНИН

Умер Борис Владимирович Лунин. Он долго и тяжело болел, но продолжал работать. В мартовском, апрельском номерах журнала «Детская литература» рецензируются его книги. Составленные им сборники по-прежнему помогают юному читателю вникать в сложном и обширном мире русской классической литературы.

Добрым, умным, внимательным другом молодежи был Борис Владимирович Лунин. Литературовед, журналист, писатель, редактор, он долгие годы работал в издательстве Детгиз — «Детская литература», где заведовал редакцией классической русской литературы. При нем стали выходить серии книг «По дорогим местам», «В мире прекрасного», «Школьная библиотека». Два тома составленных им сборников «Живые страницы» рассказывают о жизни и творчестве замечательных русских писателей. Это поистине живые страницы биографий Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Белинского, Некрасова. В. В. Лунин составил сборники из воспоминаний, писем, автобиографических материалов самих писателей и их современников. Перечень его книг, которые он, прокомментировал исторические документы так, чтобы читатель мог полнее ощутить личность художника, его время, эпоху. Третий том, составленный Борисом Владимировичем, остался, увы, незаконченным.

Коммунист Лунин прожил большую жизнь. С самого начала Великой Отечественной войны он уже немолодой человек, добровольцем вступил в народное ополчение.

Литературная судьба его была тесно связана еще с тридцатыми годами с Янутиной. Одна из его книг — «По следам вилюйского узника» — о жизни Н. Г. Чернышевского в ссылке. Писатель Лунин сам прошел по тропам далекого северного края, провел читателям к рассвете творческих сил народа, которому Советская власть принесла свободу и счастье. Якутии посвятил Борис Владимирович и другие свои книги. На верное, если бы достало сил, он продолжил бы работу над этой темой.

Память о Борисе Владимировиче Лунине, добром человеке будет жить в его литературном наследии, в сердцах тонких читателей, сердцах его товарищей и друзей.

А. АЛЕКСИН, А. АРЕНШТЕЙН, С. БАРУЗДИН, В. БЕЛЯЕВ, Н. БОГДАНОВ, З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, Ю. ДМИТРИЕВ, И. ДУРОВА, А. КУЛЕШОВ, А. НАСИБОВ, С. ПОГРЕБНЫЙ, Н. ПРИЛЕЖАЕВА, В. РАЗУМНЕВИЧ, Ю. ЯКОВЛЕВ

Наталья КРАВЦОВА, Герой Советского Союза

ОДНОПОЛЧАНКИ

У большого театра тридцатый раз после войны встретились летчицы трех полков.

Сначала сюда мы приходили одни. Потом с детьми. Теперь приводим внучат.

...Мои боевые подруги. Героини войны и герои моих книг. Когда-то девчонки в солдатских сапогах и шинелях, мы спешили на фронт. Воевать. Летать. Защищать Родину. Неужели с тех пор миновало тридцать пять весен?..

Вот Ирина Себрова, моя однополчанка, Герой Советского Союза. На фронте мы вместе летали в 46-м гвардейском Таманском. Дружим по сей день. Как-то она не вернулась с задания. Помню, очень волновалась: полет был опасным. Вскоре узнала, что самолет был подбит зенитками, а Ира сумела почью посадить свой «По-2» на небольшом клочке крымской земли рядом с линией фронта... Разное случалось с ней — всю войну нас сопровождали разрывы снарядов, грохот зениток, лучи прожекторов. Ирина Себрова совершила рекордное в 1944 (в может быть, и вообще) количество боевых вылетов — 1008!

Или Галина Маркова (Джунковская). Была она штурманом эскадрильи в 125-м гвардейском бомбардировочном полку имени Марины Расковой. ...Вспоминаю Кубань. Лето 1943-го. Боевая ночь. Я рулю на старт. Вдруг на крыло самолета вскакивает... Галя! Вот неожиданность! Ведь у нас «свой» полк в двухстах километрах отсюда! Мы целуемся. На лице у Гали — темные пятна: ожоги... В тот день девятка пикирующих бомбардировщиков, ведомых летчицами, бомбила вражеский опорный пункт. Во время зенитного обстрела на Галином самолете загорелся мотор. Когда, бросив бомбы по цели, девятка стала уходить, на самолетах выскочили «мессершмитты». Отстреливаясь из пулемета, Галя сбила один, потом другой. Кончились боеприпасы. Немец подошел совсем близко и жестами спросил: «За один заход вас сбить или за два?» И — поджег второй мотор... Летчица Долина посадила бомбардировщик «на брюхо», едва перетянув через линию фронта. Девушки успели отбежать. Горящий самолет взорвался... После войны Герой Советского Союза Галина Маркова летала на Дальнем Востоке.

Ольга Ямщикова... Оля — героиня моей новой повести. Оставив дома маленькую дочь, она после гибели мужа-летчика ушла на фронт. Воевала командиром эскадрильи, летая на истребителе «ЯК-9». После войны стала испытателем опытных самолетов. Первая из женщин. Сорок лет отдала авиации инженер-полковник Ямщикова. Такие они, мои подруги...

Многие не дожили до Победы. Нет среди нас и этот праздничный день Дуси Носаль. Лили Литвяк. Любы Губиной. Еще одна яркая имя — Герой Советского Союза Женя Руднева. Когда Женя уходила на фронт с 4-го курса МГУ, у нее уже были опубликованы научные работы по астрономии. Быстро выросла до штурмана 46-го гвардейского полка. 645-й боевой вылет оказался для нее последним. Самолет горел, но Женя бросала бомбы точно в цель. Недавно я узнала, что одна из малых планет (астероидов), открытых советскими учеными, названа планетой Рудиевой. Какая в этом глубокая символика! На горе Митридат в Керчи, где погибла Женя, ее имя — в списке павших героев. Теперь оно — во Вселенной...

В ЭТОТ ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ — 9 МАЯ

Евгений ВОРОБЬЕВ:

ВСТРЕЧА У ГАУБИЦЫ № 3922

За зданием Центрального музея Вооруженных Сил находится еще один зал — под открытым небом. Здесь стоят танки, бронетранспортеры, пушки — ветераны Великой Отечественной войны.

Стоит на каменных плитах гаубица № 3922.

Многолюдно и по-праздничному громко было в этом открытом зале 9 мая. Люди не отходили от дальнобойного орудия, высоко поднявшего над собой свой внучий ствол. Вот седовласый мужчина в форме — это бывший командир разведи дивизиона 142-й пушечной бригады подполковник запаса В. К. Рыков; а вот женщина, повязанная пестрой косынкой, — бывший командир огневого взвода батареи, старший лейтенант А. И. Семенова. Награжденная четырьмя орденами; молчаливый человек в сером плаще — бывший командир дивизиона П. П. Пелипас.

Как появилось здесь, в музее, это орудие? Поиски и поиску его послужил очерк Евг. Воробьева «Граница» из книги «Товарищи с Западного фронта», вышедшей в Воениздате. В нем шла речь о первом выстреле по Германии, он прогремел поздно вечером 2 августа 1944 года под городом Ширвиндтом. А очерка был в те дни на огневых позициях батареи... Впоминаю, предавшись с Е. Г. Сначала. Оказалось, еще четверть века после Победы послужило стрелу орудия № 3922. Ему устроили парадные проводы в воинской части, и отныне оно — у стен музея, на виду у всей страны.

Передовые полки нашей 33-я армии первыми вышли к границе Восточной Пруссии. Когда дальнобойная батарея открыла огонь по центру пригранничного города, он был битком набит фашистскими войсками. Всего этот вечер было выпущено 30 снарядов.

Первые разрывы на фашистской земле! До того три с лишним года снаряды рвались, громсали, взрывали только нашу пашню, наши сады, дома, дороги, мосты. Не было солдата, который все долгие годы не мечтал об этой справедливой Минуте, вся Родина из края в край лежала отныне за его спиной. Нам не приходилось больше разрушать свой родной кров, выбивая оттуда врага.

Вот почему залп орудия 142-й бригады прозвучал тогда на нашем Третьем Белорусском фронте праздничным салютом, и орудийные заряды в тот поздний вечер легли на потные, закопченные лице артиллеристов отблеском близкой, грядущей Победы. Ее свет и сегодня не гасит на лицах ветеранов.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ БЫТА

Н. КЛАДО

Быт или бытие? Вопрос, казалось бы, решенный. Разумеется, бытие — это только часть бытия. Но часть неотрывная, весьма существенная для понимания всего. Мы, литературоведы, что-то подзабыли, что бытие — это не только быт. Но часто подменяем бытие бытом. Не встречается ли подобное в литературе? Не ложе ли Прокруста?

Если сузить это математическое понятие, получится, пожалуй, ложе Прокруста. Но в литературе, в жизни, в науке — не так. Авторы подобных высказываний, вероятно, не отличают эти наши понятия. Быт, интересен, спор идет, — вот и ратуют за бытие. Что же, в каком бытии?

Не сказано, конечно, что бытие — это только быт, реальность, состояние бытия не всем доступно. Только поэтому быть в изобилии горем — вовсе не значит быть бытием. Но, правда — предметность, вещность, не будет ли в бытии мнение, принятое в мировой литературе, — что вещность, сверхвещность — это реальность, бытие, — что вещность является одним из основных признаков, некоторым способом решения проблем, накопления сил сопротивления, в изобилии горем —

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Чингиз АЙТМАТОВ:

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Специальный корреспондент «Литературной газеты» Владимир Коркин встретился с писателем Чингизом Айтматовым и попросил его ответить на ряд вопросов.

— Чингиз Торекулович, позвольте начать с вопроса, который обычно принято завершать беседы: «Над чем вы теперь работаете?»

— Об этом, признаться, не хотелось бы говорить подробно. Ведь «вещь еще не завершена. Отрывок из нее был, кстати, опубликован в «Литературной газете». Сегодня эта работа для меня — главное: я пытаюсь вложить в нее все силы, мысли и чувства. В ней я хочу сказать об осознании народом своей исторической судьбы, права на будущее, которого достоин каждый народ и каждый человек. Разумеется, эту идею я стремился выразить всей нравственно-эстетической системой вещи, но конкретное, что ли, воплощение ее — образ Элемана, певца «Манаса».

Элеман — исключительная личность, и прежде всего благодаря своему редчайшему таланту: он — голос тех безымянных людей, которые не умеют красиво говорить о любви к родине, к свободе, а молча умирают за них. Они — подлинные герои. Таким я вижу Элемана, а через него народ, создавший и сохранивший поразительное по своей эпической и поэтической мощи искусство — великий нерукотворный памятник себе: эпос «Манас». Богатырские образы героев, которые творит народ, — не самовосхваление, а способ (может быть, наивный, но глубоко поэтичный) уберечь память о себе от каких бы то ни было превратностей судьбы и тем самым преодолеть время.

— И все-таки, почему эту идею вы предпочли исследовать на «историческом», я даже сказал бы, эпико-мифологическом материале?

— Меня остро волнует историческая родословная и биография идей, их общечеловеческая сущность. Разве не замечательно, если человек XX века способен осознавать себя современником Одиссея? И в свою очередь — вызвать Одиссея из глубин времени, беседовать с ним? Управление временем — это кажется сказкой. И не случайно эта идея стала прерогативой жанра фантастики. Но, думаю, такое явление временное. Обострая реализм от так называемой условности, мы только ограничиваем, мне кажется, его возможности. Между тем опыт классической литературы, художников-реалистов — Гоголя, Бальзака, Достоевского, а в наше время—Л. Леонова, М. Булгакова, Мустая Карима — открывает перед сегодняшним искусством необозримые горизонты. Их главный непреходящий урок, мне думается, в том, что реализму может быть и должна быть подвластна самая, казалось бы, тайная тайных духовной жизни общества, человека, поднявшегося на вершину величайших культурных и нравственных обретений человечества в его историческом развитии, в непрестанном стремлении к идеалу.

— В чем современность мифа, легенды, сказки, наконец? На чем основана уверенность ваших героев, что они могут обратиться к Земле, к Солнцу, к Горам, призвать в свидетели Историю?

— Современность мифа — в его непреходящей поэзии, человечности. А подлинная человечность в том, что герой испытывает состояния, навыки, жесты, язык, еще невоплощие в «злободневную силу», — в пределах мифа, который он, кстати, творит сам, но как реальный человек, чей строй души и мыслей, высота нравственных убеждений рождены социальной конкретностью времени и места. Содержание социалистического искусства определяется в значительной и в решающей степени именно широтой и масштабностью исторического мышления нашего общества, советского народа, взявшего на себя ответственную миссию первопроходца будущего, формирования нового человека, полностью реализующего качества своей личности...

— Что вы вкладываете, в частности, в понятие «личность»?

— Потребность творчества. Человек — творец собственного отношения к миру и к себе. Человек определяется в истории, в мироздании, в жизни. В чем это может выражаться? В отношении героя к обществу, к времени, к природе, к людям. Такой герой не чувствует себя беспомощной песчинкой перед лицом космоса, в который он отважился посмотреть, не испытывает страха. Почему? Да потому, что ему не приходит на ум мысль о тщетности любых усилий, о мгновенности человеческой жизни. Напротив. Вкус к жизни, без которого невозможно никакое человеческое деяние,— вот что переживает и испытывает реалистический герой в этом момент озарения и вдохновения.

— Как вы представляете свою творческую эволюцию?

— Как движение от всякого рода «романтических» представлений о жизни к максимально возможной в доступной искусству правде жизни. Социалистический реализм — это прежде всего глубокое постижение явлений действительности, природы и сущности конфликтов и коллизий конкретной жизни, максимальное приближение к конкретному человеку, в основе чего лежит подлинно гуманистическое понимание советской литературой личности человека, его самоценности, высокого исторического предназначения.

Реализм требует от писателя активной гражданской позиции, передового мировоззрения, позволяющих уловить тенденцию еще до того, как она стала явлением, выразить свое отношение к ней. Смысл искусства, говорил Толстой, — объединение людей. Эта формула, обогащаясь конкретным социальным содержанием, в полной мере сегодня участвует в принципиальном идеологическом споре XX века — между реализмом и модернизмом, суть и корень которого — отчуждение.

— Сами идеи и борьба между ними, естественно, не есть нечто абстрактное, они не происходят вне людей, вне их социальных и нравственных интересов, принципов. Идейная позиция художника воплощается прежде всего в выборе героя. Что вы скажете по этому поводу?

— Реализм открыл главного героя современности — человека труда. В этом демократизм искусства социалистического реализма. Оно, если хотите, высшая форма социальную справедливость, обратившись к изображению тех людей, чье деяние, чей творческий труд — источник жизни. Жизнь «простого» человека достойна восхищения, ибо величие каждодневного мужества, которое он являет всем своим образом жизни, заключает в себе глубочайшую и подлинно человечную философию, поэзию чувства, к которой человек приходит не путем отвлеченно-абстрактных размышлений, а в результате созидательной деятельности, труда-забвения, одухотворенных высокими идеями нашей эпохи. Человек действия — вот поэт в высшем смысле слова.

— Что отличает «поэта» от «непоэта»?

— Любовь. Человек, который любит, понимает все. Ему необходим весь мир. Потому, что чувства его так велики, что для них необходимо пространство всей жизни, сознание единого, неразрывного бытия человечества, взрослых и детей, в которых проявляет себя будущее.

— Когда в человеке пробуждается «поэт»?

— Вообще, я убежден, поэзия души — изначальное, врожденное чувство, составляющее самое природу человека. Другое дело, что оно может проявиться или нет. Прекрасно, если великое чувство любви человек испытал уже в самом «начале» — тогда, когда он еще и не может дать себе отчет в этом. Именно это суть и стремился уловить, передать в образе Султанмурата в «Ранних журавлях». Сила этого юноши не в том, как он пашет аксайскую землю, а в том, как он любит, в том, что он поэт... Нет ничего более волнующего и прекрасного самозабвенной и самоотверженной детской любви. Она светлым лучом проникает всю жизнь человека. Запав однажды в сердце, она непременно очнется когда-нибудь. И тот, кто окажется достоин этого чуда, вновь переживет ни с чем не сравнимое мгновение счастья.

— Как вы пришли к теме детства?

— Видимо, по мере того как внутренне усложнялись и расширялись мои философские задачи, я искал героя, который бы естественно, всем существом, поэтически выражал идеи, которые меня волнуют. Я убежден: человек должен сохранять все самое лучшее, что в нем есть от природы. Ведь что лежит в основе бездуховности, прагматизма, душевной вялости и других подобных свойств характера человека? Неполноценность детства. Увы, это так. Если человек в отрочестве или юности, а может, и гораздо раньше — в том возрасте, когда мы и не предполагаем в нем высоких чувств и благородного строя мыслей, не пережил тех волнующе торжественных минут и вершин человеческого духа, с которых открывается вся жизнь — прошлое, настоящее и будущее,— вряд ли из него вырастет полноценная личность. Поэтому, воспитывая ребенка, надо не жалеть его, а понимать. Пожелай мы пристально вглядеться в детство, может быть, мы пережили бы удивительное чувство — бессмертия.

— Я бы хотел привести сейчас слова Маркса: «Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?» Эти слова, мне кажется, естественно при характеристике одной из основных нравственно-эстетических тенденций советской литературы — тенденции, которая утверждает взаимопонимание и взаимодействие «взрослого» и «детского» миров, их диалог «на равных». К чему обязывает «взрослого» память детства?

— Сохранение в человеке ребенка — отнюдь не отвлеченная прекраснодушная фантазия, а необходимое условие достойной будущей жизни. Детство, по-моему, синоним неувядаемой поэтичности человеческой души, творчества, подлинности вдохновения. Несомненно, именно этим объясняется то обстоятельство, что обращение к теме «детства, отрочества и юности» — сегодня реальный факт литературного процесса. Вспомним хотя бы «Бригантину» О. Гончара, «Обелиск» В. Быкова, «Весенние перевертыши» В. Тендрякова.

— В связи с начатой на страницах «ЛГ» дискуссией «Юноше, обдумывающему житье...» хотелось бы спросить вас вот о чем: как вы представляете СВОЕГО читателя? Я имею в виду, в частности и всего прежде, его возраст.

— Предполагаю, что среди моих, как вы выразились, читателей большинство молодых людей. Почему я так думаю? Подросток или даже юноша — тот, кто искренне (но вовсе не простодушно) верит в идеальное, что может восприниматься как «сказочное»: любовь, дружбу, чистоту и благородство человеческих отношений. И он абсолютно прав.

— Значит, ни это, что вы, когда пишете, вольно или невольно «обращаетесь» к молодежи?

— И к ней, разумеется, тоже. Хотя я отнюдь не «юношеский» писатель, но я был бы очень горд доверием молодых читателей.

— Какой герой, по вашему мнению, наиболее интересен читателю и «взрослому», и «юному»?

— Который преодолевает себя. Испытать себя, почувствовать свои внутренние силы — без этого невозможна полноценная жизнь. А что значит жить полноценно? Пережить те необыкновенные ощущения и впечатления, которые составляют сокровенную сущность духовной жизни XX века. Принципиально важно здесь то, что эти ощущения и чувства — не привилегия некоей интеллектуальной элиты, взявшей на себя «заботу» по сохранению духовно-нравственных основ жизни и по этой причине требующей себе каких-то особых преимуществ. Нет, суть в ином. Революция высвободила колоссальную творческую энергию масс, создала необходимые предпосылки и условия для всестороннего развития человека. Достоинство, которое олицетворяют люди труда, это достоинство зеленых трудяг-пиников-творцов, тех, кто мечтает о социальной справедливости и о счастье для всех. Страстность этой мечты, ставшей смыслом жизни, делает обыкновенного человека равным тому, кто отправляет звезды. Разве не ощущает сегодняшнее поколение людей «звездной тоски»? И, мне кажется, неудовлетворенность, которую мы подчас чувствуем, не умея объяснить ее причин, происходит в значительной мере от того, что человек оказывается как бы замкнут в самом себе, в кругу личных интересов и забот, что в конечном счете является выражением социального эгоизма.

Вот почему я больше всего ценю в герое чувство достоинства и стремление к внутренней свободе. Утверждение этих принципов может потребовать от героя самой большой жертвы.

— Не в этом ли главная причина, что почти все ваши герои неизбежно переживают трагическое мироощущение? Они чувствуют в себе достаточно уверенности и сил, чтобы вступить в спор за право «человека быть человеком». Так, Алтынай, например, идет на трагедию сознательно. Чем можно объяснить такое проявление этого характера?

— Трагедия — высшая форма искусства. Вот вы сказали, что Алтынай идет на трагедию. Но что это значит? Трагедия, переживание трагедии в сложившихся условиях для нее — единственно достойный образ жизни. Это — пусть не покажется вам парадоксом! — для нее способ быть счастливой, то есть жить полной духовной жизнью. Мера, которую она предъявляет себе и людям, очень высока: это мера «приближения к Ленину». Может быть, она слишком требовательна? Но другое ее не может удовлетворить. Жажда идеала — непременное условие развития, развертывания, я сказал бы, личности. Больше того. В любых исторических условиях, даже когда общество поднимается на самые высокие ступени социально-нравственного прогресса, искусство не должно отказаться от поединка с трагедийными ситуациями. Если художественная мысль не восходит до трагедии, это весьма печально. Подлинная трагедия — принадлежность реализма. И только реализма. Искусства строго реалистического, входящего в жизнь как необходимая духовная часть общественного сознания.

— Что подвигает человека на трагедию?

— Совесть. Совесть, по словам Толстого, предчувствие доступной человеку истины. Значит, задача искусства — показать духовно-нравственный рост личности, показать на языке искусства, как и почему увеличивается мера доступной человеку истины. Иначе говоря, как человек становится убежденным и непримиримым борцом за справедливость, закономерно приходит к коммунистическому мировоззрению. Это реальный факт нашей действительности, тенденция развития общества.

В связи с этим я хотел бы остановиться на одном из главнейших вопросов современного искусства — на образе коммуниста. Сложнейшее создание такого образа в том, в частности, что все мы как будто знаем, каким он должен быть. Это, с одной стороны. Во-вторых, много людей претендуют на свое понимание образа коммуниста, имея в виду, по-прежнему, идеализированный характер, состоящий из суммы безупречных свойств. Между тем, я в этом уверен, в русле романтизма сегодня создать этот образ невозможно, как не может образ коммуниста наших дней явиться результатом простого, механического переноса черт, которые были героической реальностью, скажем, 20-х или 30-х годов. Это ведет, как правило, к плоскости, к схематизму. Что такое коммунист? Человек, испытывающий глубочайшие чувства, страсть жизни, одержимость идеей и, непременно, сознание полнейшей ответственности за то дело, какое он взвалил на свои плечи. Мне кажется, что образу коммуниста, как он порой изображается, не хватает вдумчивости, самоанализа, сомнений и тревог. Если мы говорим, что реализм — воссоздание духовной полноты жизни человека, то вправе ли мы заведомо ограничивать образ того, кто испытывает в своем сердце новые, небывалые чувства, испытывает будущее, кто реально и конкретно олицетворяет понятие духовного прогресса, достоинства человека, исторический оптимизм?

— Не «встречались» ли вы со своими героями в жизни уже после выхода книги?

— Дело, пожалуй, в другом. Я стал глядеть на людей глазами моих героев, старясь угадать в них черты, свойства, мысли, которые мне были особенно дороги, когда я пытался дать жизнь литературным образам. И когда такое случается, я, естественно, искренне рад.

Пока на берегу...

Фото В. БОГДАНОВА

РУБЕЖИ ЗРЕЛОСТИ

ПОСТИГАЯ СУДЬБУ НАРОДНУЮ

ПЕРВЫЙ роман белорусского прозаика Ивана Чигринова появился вслед за давшим ему имя и репутацию сборником новелл «В тихом тумане» и «По своим следам».

Очевидна связь — тематическая и образная — между новеллистикой Чигринова и его романной прозой. Рассказ «Падение на обручальных кольцах» органично и лишь с некоторыми интонационными коррективами, закономерными при трансформации жанра, входит в второй роман «Плач перепелки».

Однако не надо спешить с мыслью, что переход Чигринова к эпической форме повествования объясняется только «тесной» жанра, в котором он уже обрел успех. Не выказавшись со всей необходимой ему полнотой, в лирической и философичной прозе, к приверженцам которой успела отнести сорокадвухлетнего писателя достаточно внимательная к его работе критика, движение от циклы к форме не сводит все же понимать слишком прямолинейно. Писатель идет к самому себе, часто внешне очень заметно уделяясь в сторону от найденного — пусть и счастливо — в первоначальных опытах. В таком движении не просто расширение пространств для большей свободы пластических построений, размещения значительного числа персонажей, а скорее поиск внутренних связей между действующими лицами, чьи характеры давно зрели в замыслах автора.

«На исходе был шестидесятый день войны...» — фраза, завершающая роман «Плач перепелки». Всего несколько дней войны измеряют протяженность вещи. Автор обращается к еще одному пласту психологических подробностей в человеческом бытии тех насыщенных скорбью дней, зрелым очевидцем коих вроде бы не мог быть в полной мере писатель, встретивши войну в семилетнем возрасте. В расположении его, конечно, могла быть экспрессия детских впечатлений. Но, похоже, Чигринов искал здесь особую сложность сопряжения, когда естественно должны сомкнуться в простоте и ясности точной картины и неумирающая в художнике изобразительная категоричность детского непосредственного восприятия деталей и красок события, и взрослая верность своему опыту, знанию, предназначению профессии.

Чигринов остро интересуется ежедневностью понимания людьми своего патриотического долга. И оперирует временем в столь скупом измерении не для эффекта ускорения масштаба. Напротив, в цейтноте, созданном реальными обстоятельствами, он искал укрупнения характеров и верность своего к ним отношения. Отношения в плане того понимания, которое пришло к нему как к литератору, принявшемуся за роман о днях войны — спустя почти тридцать лет по их прошествии.

...Война идет уже второй месяц, Белоруссия оккупирована, но в селе Вермеевка враг еще не пришел. И, может быть, — надеются некоторые из крестьян, Кузьма Прибытков в частности, — вообще не придет, отдумает... Ужасы войны известны крестьянам только понаслышке, лицом к лицу с врагом они еще не сталкивались, еще сохранилась надежда, что гроза обойдет стороной, все кончится благополучно. В такой кажущейся неопределенности и происходит главное нравственное испытание, неизбежный моральный выбор, ничем в принципе не отличающийся от того, что принимается в канун смертельного боя, на который призывает патриотический долг. И в этой предгрозовой тишине слышнее сердцебиение каждого — сложившиеся обстоятельства требуют безотлагательного ответа. Отношением к социалистическому Отечеству проверены будут рядовые крестьяне в романе Чигринова — и никто из них теперь не скроен перед масштабом событий, а только высок или низок, прав перед Родиной или виноват перед ней. И нет полумеры в понимании писателем тех, кто действовал в духе неприкрытого предательства, — Романа Семочкина, дезертировавшего из Красной Армии и приведшего в село другого дезертира, Рахима, добровольно поспешивших служить немцам, вчерашнего колхозника Браво-Животовского, ставшего полицаем, тайного доносчика Микиты Дранницы. Не писатель, а сама реальность судьбы белорусского народа, очутившегося в оккупации, противопоставила мешникам оставшихся до конца верными Родине однополчанин — и независимого во взглядах и суждениях Парфена Вершкова, и не верящего в мощь фашистской Германии старика Кузьму Прибыткова, и как бы прошедшего на фольклорной щедроте прежних рассказов Чигринова — Ивана Падерина.

Судьба, означенная войной, проверяет едва ли не в первую голову честность руководителей Вермеевки. Главные герои романа «Плач перепелки» — председатель колхоза Родион Чубарь и его заместитель, бывший ранее председателем. Денис Зазыба — люди непохожих характеров. Их требуется определенное движение — в пространстве ли, в размышлениях ли по неотложным вопросам, — чтобы прийти к решению, не просто разрешающему задачу, но и отвечающему их человеческой сущности. Они приходят в итоге к осознанию своего маневра, не подвластного никакому страху, ведущему к активному сопротивлению врагу — и отчасти прямолинейный в суждениях Чубарь, и более основательный, хотя и несколько размашистый в оценках Зазыба. Движение каждого из них к себе настоящему, полному человеческой силы и готовому к преодолению и борьбе, мотивировано настойчиво и полезно темпераменте поступков, не позволяющих сомневаться в логике характеров.

В «Плаче перепелки» нет «оригинальных» местных пейзажей, демуриых портретов, специальных описаний. Разумах документально-точный достигается в нужные моменты немногими монтажом с краткой информацией о положении на фронте.

Биографии, которыми сопровожал Иван Чигринов своих персонажей, приполинаются в связи с необычностью душевных состояний, когда читатель, втянувшись в повествование о жизни вереевских крестьян, уже взволнован исходом и готов прошлым героя соизмерить: выстоит ли он, выдержит ли то, что обрушилось на него сейчас! Биография используется автором для раскрытия и выводов: наградили ли, обеспечила ли прошлая, прежняя жизнь увиденных, узнанных нами в романе людей резервами, предрекающими им необходимое мужество и движение? С пластической изобразительной точки зрения, переживанием персонажами в данную минуту, связывается и белорусская природа в ее естественной плоти. Герои Чигринова — крестьяне. И для понимания их физического состояния автор находит знаки достоверности в звучании, запахах, фактуре. Отечество неотделимо от этих людей в самом бытовом, прозаическом ощущении себя в привычном с дня рождения мире.

Органично ввести в поле событий, где на карту ставится судьба народа, его независимость и свобода, как данную величину тих характера, оснащенного народно-поэтической традицией и достойно проявившего себя в грозные годы Отечественной войны, — большая заслуга литератора, серьезно работающего в избранном им направлении более полутора десятилетий.

«Плач перепелки» передает персональность человеческой боли, что невозможно без предельности сочувствия.

...Плачет природа голосом перепелки; изгнанный из пущи, тянется к человеческому жилью лось в надежде спастись от смерти и встречает смерть от пули предателя; мечется по лесу поселок, потерявший мать... Скорбный метафорический ряд выстраивает автор в романе. Герою снится сон, воскрешающий страшный эпизод детства, когда, не послушавшись отца, едва не пришлось ему быть придавленным падающим деревом. Человек, сорвавшийся свой жизненный путь, гонимый страхом, подчинившийся, согласившийся с властью страха, неминуемо погибнет. Вдали от батальной очевидности войны не менее жестока. Но маневр человека, ею застигнутого, все равно ни при каких обстоятельствах не может быть подчинен животному инстинкту самосохранения.

В «Плаче перепелки» нет «оригинальных» местных пейзажей, демуриых портретов, специальных описаний. Разумах документально-точный достигается в нужные моменты немногими монтажом с краткой информацией о положении на фронте.

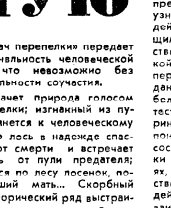
Биографии, которыми сопровожал Иван Чигринов своих персонажей, приполинаются в связи с необычностью душевных состояний, когда читатель, втянувшись в повествование о жизни вереевских крестьян, уже взволнован исходом и готов прошлым героя соизмерить: выстоит ли он, выдержит ли то, что обрушилось на него сейчас! Биография используется автором для раскрытия и выводов: наградили ли, обеспечила ли прошлая, прежняя жизнь увиденных, узнанных нами в романе людей резервами, предрекающими им необходимое мужество и движение? С пластической изобразительной точки зрения, переживанием персонажами в данную минуту, связывается и белорусская природа в ее естественной плоти. Герои Чигринова — крестьяне. И для понимания их физического состояния автор находит знаки достоверности в звучании, запахах, фактуре. Отечество неотделимо от этих людей в самом бытовом, прозаическом ощущении себя в привычном с дня рождения мире.

Органично ввести в поле событий, где на карту ставится судьба народа, его независимость и свобода, как данную величину тих характера, оснащенного народно-поэтической традицией и достойно проявившего себя в грозные годы Отечественной войны, — большая заслуга литератора, серьезно работающего в избранном им направлении более полутора десятилетий.

Александр НИЛИН

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

И. Л. ГРИНБЕРГУ — 70 лет



Исполнилось 70 лет Иосифу Львовичу Гринбергу. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по критике и литературоведению направили юбиляру приветствия, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с семидесятилетием со дня рождения. Известный критик и литературовед, Вы на протяжении всей своей творческой деятельности находитесь на передовом крае литературно-общественной жизни. Ваши работы по актуальным проблемам современной прозы и поэзии отмечены глубиной и своеобразием мысли, объективностью оценок, добросовестностью тона, изяществом стиля.

Ваши книги, посвященные творчеству Э. Багрицкого, Н. Тихонова, А. Сурикова, В. Луговского, Вам высоко авторитет тонкого и проницательного критика и расширяет охват художественных явлений современности свидетельствуют наиболее Ваши монографии «Живые истины», «Пути советской поэзии», «Точка опоры», «Поэт-пехотинец», «Пути и поступь прозы». Своими трудами Вы внесли немалый вклад в изучение советской Многонациональной литературы, в осмысление путей ее развития.

На протяжении многих лет Вы вели большую работу в качестве редактора в Гослитиздате, в издательстве «Молодая гвардия», в журнале «Знамя», в годы Великой Отечественной войны Вы работали в осажденном Ленинграде — в Военно-морском издательстве.

Многообразна Ваша общественная деятельность: член бюро Совета по критике и литературоведению, член советов по азербайджанской, грузинской и литовской литературам, неизменный руководитель творческих семинаров молодых литераторов, Вы щедро делитесь опытом, знаниями, активно способствуете воспитанию молодых талантов.

В день Вашего славного юбилея желаем Вам неиссякаемых творческих сил, здоровья, успехов».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Когда я слышу слова о возможных фобиях, которые нагоняла с жизнью, мне всегда хочется заметить, что самое рациональное решение вопроса — «жить в жизни», а не периодически погружаться в нее, как в освежающую ванну. Уже много лет с дружескими чувствами и даже не без некоторой зависти смотрю я за тем, как «живет в жизни» мой земляк-ленинградец и нынешний москвич Иосиф Львович Гринберг. Блестящий знаток отечественной истории от древности до нынешних дней, исследователь современной русской поэзии и прозы, он вместе с тем всегда пытается «пульс» общей жизни советской многонациональной литературы, уделяя в своей работе внимание литературам многих республик нашей страны. Их он знает не понаслышке. И знаю это отнюдь не ограничено одной только областью литературы. Открытость всем впечатлениям бытия, активная любознательность помогают ему увидеть и передать читателю то новое и особенное, что с разное время под влиянием разных причин рождается в том или иной национальной литературе, в творчестве того или иного художника.

Стремление увидеть новое в моем мире стимулировало сделало И. Гринберга другом и наставником многих молодых поэтов. Причем сказал его с ними остается крепкой и тогда, когда предположение уже давно пустилось в стихотворительный полет. Доброжелательность, любовь к литературе, умение беспристрастно и не оскорбительно сказать о реальных достоинствах новой работы — все это дало И. Гринбергу широкий круг друзей среди собратьев по перу и читателей. И я, один из представителей этого круга, хочу пожелать Иосифу Львовичу как можно дольше «жить в жизни» и работать.

Г. К. КНИПОВИЧ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым пожеланиям.

А. М. ГОРЬКИЙ: «КАКОЙ ИНТЕРЕСНЕЙШЕЙ ЖИЗНЬЮ МЫ ЖИЛИ-ЖИВЕМ»

Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР подготовлен к печати очередной том «Архива А. М. Горького». В нем представлена переписка писателя с видными деятелями партии и государства, старыми большевиками, литераторами.

Круг вопросов, поднимаемых в переписке, чрезвычайно широк и многообразен. Но том имеет свою внутреннюю цельность: переписка тесненько связана с историей, со своим временем — эпохой революционного преобразования мира.

И ранние письма, относящиеся к самому началу века, и последние, написанные уже в 30-е годы, пронизаны особым горьковским мироощущением, которое в одном из писем шутливо охарактеризовано как «активный стоицизм». «Наша родина — хорошая страна, знаете! — писал Горький в декабре 1906 г. — и теперь она именно играет первую скрипку в мировом концерте, будет играть ее долго и так же — верю! — хорошо, как начала...»

Новый том «Архива А. М. Горького» имеет свою главную — сквозную — тему: революция и культура.

Материалы тома дополняют и обогащают представление о роли Горького в становлении социалистической культуры. Они свидетельствуют о поистине грандиозных масштабах деятельности писателя, когда он выступал за сохранение ценностей культуры прошлого, активно помогал людям науки и искусства в трудные годы гражданской войны и одновременно разнерывал широкую программу строительства новой культуры.

Организатор и председатель Первого всесоюзного съезда советских писателей, руководитель Союза писателей СССР, А. М. Горький особое внимание уделял развитию советской литературы.

Публикуемая переписка является богатейшим источником для изучения биографии, творчества, литературно-эстетических взглядов писателя.

В том включено 386 писем, из них 271 письмо Горького. Подавляющее большинство этих документов ранее не печаталось. Издание подготовили научные сотрудники ИМЛИ Н. И. Дикушина, И. В. Дистер, С. И. Доморацкая, С. С. Зимина, Ф. М. Иоффе, Е. Г. Копяда, А. Е. Котелов.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей отрывки из писем А. М. Горького. Публикация заведующей Архивом А. М. Горького при Институте мировой литературы кандидата филологических наук С. ЗИМИНОЙ.

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

Переписка А. М. Горького и А. В. Луначарского длилась более четверти века — с 1906 по 1932 г. Почти все это время их связывала совместная деятельность, особенно интенсивная в первые годы революции. В тесном сотрудничестве Горького с народным комиссаром просвещения Луначарским решались важнейшие вопросы культурного строительства.

<Рим. После 25 ноября (8 декабря) 1907 г.>

Дорогой Анатолий Васильевич!

Мысль ваша о революционерах, как о месте, единственно способном соединить культуру с народными массами, и о сдерживающей роли революционера — мысль родная и близкая мне, она меня давно тревожит, и я страшно рад, что вы ставите ее так просто и кренко. В «Детях солнца» я вертелся около этой мысли, но — не сумел сформулировать ее и — не мог. Ибо кто среди моих «Детей солнца» — способен почувствовать эту мысль и эту задачу?

Она должна родиться в уме и сердце пролетария, должна быть сказана его устами — не так ли? И, конечно, он ее расширит, он ее углубит...

<Москва. 23 июля 1930 г.>

Дорогой Анатолий Васильевич!

...Совершенно необходимо, чтоб Вы написали в поучение молодежи статью для «Литературной учебы» (журнал, организованный в помощь начинающим писателям. — С. З.). Тема — по Вашему выбору, лишь бы она касалась литературы или же — легкомысленного отношения к литературе со стороны начинающих приращаться ею. И вообще я очень Вас прошу: обратите внимание на этот журнал и помогите ему встать на ноги. Сейчас в нем статьи по теории марксизма [пишут] молодые и «талантливые марксисты». Конечно, это — очень хорошо, что они молодые, и еще лучше, что талантливые, но у меня такое впечатление: пишут они плоховато и не внятно. Может быть, это — потому что они, подобно некиим планетам, вращаются вокруг центрального светила, освещая и затеняя друг друга, и мы знаем, что во Вселенной этот род занятий весьма распространен, — но! — Но читатель «Литучебы» — рабкор, селькор, рабфаковец, инвалид, и он требует от журнала простоты, ясности, точности.

Анатолий Васильевич — напишите! Две, три, пять статеек по листу — это было бы замечательно!

На мой взгляд — журнал заслуживает Вашего внимания и поддержки. А?..

< Москва. 8 сентября 1932 г.>

...Что же это Вы, сударь, хвораете? Раньше начали, и сие — непохвально для Вас, человека столь жизнедеятельного, так и изумительно насыщенного яркой энергией. Очень тревожны эти факты ранних заболеваний большевиков «первого призыва», тревога усиливается еще более тем, что и второй призыв тоже недостаточно крепок, быстро изнашивается. Иногда кажется, что партия теряет сил гораздо больше, чем приобретает их, — я имею в виду, конечно, партийцев исключительно одаренных. Молодежь у нас — талантлива, но, как Вы знаете, учиться ей — некогда — да и нет у нее тех возможностей учиться, которые давала старым большевикам их боевая жизнь. Тревожно, однако я не привык унывать и времени для этого нет, да и отовсюду получаешь изумительные и неоспоримые доказательства перед человеческой энергии над природой. Вот сын мой прожил лето за Полярным кругом и рассказывает о чудесах человеческого творчества, а до него я слышал такие же чудесные рассказы от людей, побывавших на Памире, на Дальностоке. Так что «дух питается сытно», как сказал недавно один бывший сектант, кавказский «пруньк», ныне замечательный овцевод.

А не думаете ли Вы, дорогой А. В., писать свои мемуары? Вот была бы замечательная книга! И — очень нужная книга для нашей молодежи, плохо знакомой с историей старых большевиков. Если б Вы взялись за эту работу!..

<Москва. Ранее 29 октября 1932 г.>

Дорогой Анатолий Васильевич!

...Вы прожили тяжелую, но яркую жизнь, сделали большую работу. Вы долгое время, почти всю жизнь, шли плечо в плечо с Лениным и наиболее крупными, яркими товарищами... Вы владеете словом, как художник слова, — когда хотите этого. Все это — не комплименты, я — ведь — не издатель, сударь мой! Книга Ваша о Вашей жизни объективно нужна. Художественная наша литература все еще — к сожалению — бессильна изобразить революционера, создателя партии, которая ныне сотрясает весь мир и неизбежно разрушит все отжившее в нем. Я думаю, что это достаточно солидная мотивировка моей «мечты». Не говорю уже о том, как нужна такая книга для нашей молодежи...

М. Н. ПОКРОВСКОМУ

С большим интересом и уважением относясь к историческим трудам известного ученого и политического деятеля М. Н. Покровского, А. М. Горький неоднократно привлекал его к серьезным культурным начинаниям. Горький приглашал Покровского принять участие в подготовке энциклопедии для рабочих (1909 г.), настаивал на его сотрудничестве в демократическом издательстве «Парус» и журнале «Летопись» (1915—1916 гг.). В советское время их переписка была связана с работой Комиссии по улучшению быта ученых, с выпуском «Истории русского народа» «Беседа классов», с изданием серии книг по истории гражданской войны.

<Сорренто. 29 января 1931 г.>

...Разрешите сказать, что издание журнала «Б[орьба] к[лассов]» — отличнейшее, необходимейшее дело, именно в той форме, как оно затевается, — в форме «популярного журнала для широчайших масс», совершенно лишенных исторических знаний о своем прошлом. На мой взгляд — у нас излишне много издается различных премудрых книг и журналов, а интересы масс обслуживаются не с той энергией и широтою, как следовало бы. Я очень мечтаю об издании книги по истории культуры, — т. е. — «быта» — вроде старинной книги Дрэпера «История умственного развития Европы» — такой же старинной «История средних веков» Стасюевича. Молодежь наша по теории наклевалась кое-чего, но знанием фактов, скрытых в основе теории — печально бедна.

Со взглядом т. Бубнова на форму «Истории гражданской войны» — решительно не согласен. Это опять будет премудрая книга и — «не туда». Надобно учить и воспитывать именно массу, а уж она сама выдвинет интеллигенцию. Читательская масса наша в огромном и все растущем большинстве — крестьянская, она требует от учебы предельной простоты, ясности и партийности, — это особенно хорошо видишь по ее оценке «художественной» литературы. В то же время во всем, что пишется для нее, необходимо помнить, что писать надобно против нее — против оказенного консерватизма, воспитанного в ней веками, против ее предрассудков и предубеждений. Историк, если это не Гиббон, т. е. не художник в известной степени, всегда несколько суховат и теоретичен. Тут можно бы сказать некрасивейший комплимент Вам, но скажу только, что очень обрадован фактом выпуска Вашей «Истории» в приложении к «Огоньку» (речь идет о книге М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке». — С. З.)... Нет, к созданию «Истории гражданской войны» совершенно необходимо привлечь литераторов, «40 томов романов» они — не напишут, ибо ограничены будут определенным количеством листов. Имена, «смущающие» Вас и др[угих] товарищей, смущают и меня: от одного имени, познакомясь с его носителем, я уже отказался. Толстого Вы оценили совершенно правильно, но я знаю, что он — «поймет и заплачет». Само собою разумеется, что редактура историков должна быть и зорной и предельно строгой. Надо только, чтоб молодые историки согласились с тем, что исторический факт в «художественном» изображении усовестся легче и глубже. Это особенно правильно по отношению к нашему массовому, неопытному читателю...

А. С. БУБНОВУ

Андрей Сергеевич Бубнов с 1929 г. был народным комиссаром просвещения РСФСР.

В переписке Горького и Бубнова отражена их совместная работа по подготовке юбилея А. С. Пушкина, составлению программ и учебников, организации научного центра по литературоведению, Государственного литературного музея и т. д.

К Бубнову Горький нередко обращался с просьбой о помощи писателям, художникам, ученым.

<Сорренто. 31 декабря 1930 г.>

Уважаемый т. Андрей Сергеевич!

...Прилагаемый список иностранных авторов Главсоцвоса (Главное управление социального воспитания и политического образования при Наркомпросе РСФСР. — С. З.) исключил из школьных программ потому, что «в школе не хватает свободных часов для чтения этих книг». Основателен ли такой мотив исключения? Мне кажется — нет.

По выходе из школы ученик будет круглым невеждой по отношению к иностранной литературе. Вне школы он тоже не найдет этой серии книг, ибо исключенные из школьных программ, они механически исключаются из плана Гиза на 31 г.

Главсоцвос оказал слишком сильное предпочтение русским авторам. Мне думается, что следовало бы исправить эту ошибку, — врагам нашим она дает право упрекнуть нас в чем-то похожем на «квасной патриотизм», на неснофобию и вообще — на «жаркварство».

«Дешевая библиотека» издается у нас очень хорошо, расходится в огромном количестве экземпляров, — зачем же пресекать это издание?..

< Москва. 5 июня 1932 г.>

Дорогой Андрей Сергеевич!

В прошлом году я Вас усердно просил о прибавке пенсии Сергею Васильевичу Щербакову, для чего представил в НКПр кучу документов, удостоверяющих разнообразие и широту его культурной работы, которую он продолжает в Калуге и до сего дня, хотя уже стар, — ему 70 лет — и болен.

Он — организатор единственного у нас «Астрономического календаря», который вот уже почти 40 лет издается в Н. Новгороде «О-ном любителей физики и астрономии», — теперь его, кажется, издает Университет.

Календарь этот пользуется почетной известностью у всех астрономов мира и является едва ли не единственным в своем роде.

Сергей Щербаков — человек вполне советский. Двое его сыновей — химики в Менделеевском институте, дочь — революционерка, командирована в район Балхаша, на свое старика Щербакова — стадо внучат.

Надо ему помочь — заслужил!..

<Сорренто. Декабрь 1932 г.>

Уважаемый т. Андрей Сергеевич,

«Правление О-ва содействия Литмузею при Ленинской библиотеке» в лице т.т. Н. А. Семашко (видный партийный деятель, в то время — председатель Общества содействия Литературному музею. — С. З.) и А. Б. Халатова (член коллегии Наркомпроса, председатель правления Государственного издательства. — С. З.) обратились к Вам с предложением создать Центральный музей по истории русской литературы.

Горячо поддерживаю идею необходимости создания такого Литмузея, который, однако, должен быть не только хранилищем историко-литературного материала, но и учреждением, где нашли молодые литераторы, критики и литературоведы нашли бы возможность изучать этот материал.

Т.т. Семашко и Халатов намечают три «формы» организации музея. Я бы выказался за первую: создать музей при предполагаемом Литературном музее имени Горького, — если это предположение не отменено. Слияние музея в одном здании с Литвузом облегчило бы для преподавателей и студентов Литвуза работу изучения и преподавания. Думаю, что этим слиянием была бы достигнута одновременно экономия времени, места и денег. (В 1934 г. был создан Государственный литературный музей при Наркомпросе РСФСР. — С. З.)

Затем: Вами получено письмо от известного литературоведа Юрия Соколова, который указывает, что в Москве нет Научно-исследовательского учреждения по литературоведению. Мне думается, что и это учреждение, совершенно необходимое для наших семи республик, могло бы и должно найти себе место под одной крышей с Литвузом и Литмузеем. (В 1934 г. начал создаваться Институт мировой литературы, в настоящее время ИМЛИ имени А. М. Горького АН СССР. — С. З.)

Очень прошу Вас, дорогой Андрей Сергеевич, двинуть это дело по пути к его практическому осуществлению.

Нам нужно очень много учиться, очень многих учить и с этим делом следовало бы не медлить...

Н. Е. БУРЕНИНУ

Активный участник революционного движения, Николай Евгеньевич Буренин впервые встретился с А. М. Горьким по поручению Военно-технической группы при ЦК РСДРП в 1905 г. Выполняя задание ЦК партии и лично В. И. Ленина, он сопровождал Горького и Андрееву в Америку. Буренин был одним из немногих людей, с которыми Горький был на «ты». В переписке, продолжавшейся три десятилетия (1906—1935 гг.), получили отражение вопросы, связанные с революционной, культурно-просветительной и литературной деятельностью Буренина, неизменно находивший поддержку и помощь Горького.

<Сорренто. 1 июля 1925 г.>

Дорогой Евгеньич, — этой Семичев — «так себе». Весьма плохим признаком является то обстоятельство, что его последний — рассказ не лучше первых. Это значит, что нет «поступательного движения». Язык — бедный, тусклый.

Но есть способность «выдумки». Это уже — кое-что. Посоветуй ему больше читать классиков, мастеров языка — Бунина, на[пример], а из более новых Сергеева-Ценского, Пришвина. Даже — Белого. Нужно обогатить язык...

<Сорренто. 18 июля 1927 г.>

...«Не знаю, что же мне делать?» — скрипишь ты. Прежде всего — не скрипи! Затем делай то, что делаешь, это тебе очень хорошо удается, всегда удавалось. А что мы с тобою остаемся немножко в стороне, — это нисколько не обидно и вполне естественно: жизнь круто поворачивает в другое русло, это ее законнейшее право, а поворачивает она потому, ведь, что и мы с тобою, отчасти, способствовали этому нашими малыми силами. Было бы нелепо, если б люди *сегодня* походили на нас, это значило бы, что они от нас — не ушли, т. е. жизнь не подвинулась к своей цели. Вот что, старый черт и милый друг...

<Сорренто. 30 июля 1930 г.>

Неплохо, Евгеньич, очень неплохо и, разумеется, будет весьма поучительно и полезно для нашей молодежи, смутно представляющей себе, чем была революционная деятельность, в каких условиях она происходила.

Кое-какие — ничтожные — поправки «стиля» я сделал, но можно было бы и не делать этого. Если ты считаешь нужным несколько познакомиться с технической писательства, — читай журнал «Литературная учеба».

Строй фразу покороче, попроще и так, чтоб в каждой было определенное содержание. Пиши как начал: больше фактов, меньше рассуждений.

Переделай — расширь, обогати — статью свою из сборника «905-й г.», напиши поездку в Америку и, вообще, всю твою работу. Получится очень интересная книга...

Е. К. МАЛИНОВСКОЙ

Елена Константиновна Малиновская — видная советская общественная и театральная деятельница, член партии с 1905 г., была связана с А. М. Горьким длительными дружескими отношениями. Начало их знакомства относится к 1900 г. Тогда же Горький приобщил Малиновскую к работе интеллигентской социал-демократической организации.

В 20-е годы Малиновская работала в Комитете содействия народностям северных окраин.

<Капри. 7 (20) августа 1913 г.>

Не отвечал вам так долго, потому что целый месяц провел вне Капри, возвращался из поездки (по северной Италии. — С. З.) только четыре дня тому назад. Видел много интересного, значительного...

Север Италии вызывает прекрасное впечатление: прерывного строительства, огромной культурной мощи, всюду чувствуется солидность намерений, уменье осуществлять их. Люди — рослые, сильные, земля превосходно разработана, все какое-то молодое, крепкое, а рядом с этим — бесчисленные памятники старой культуры, и всюду ясно видишь звенья, соединяющие прошлое с настоящим, всюду наблюдаешь гармоническую непрерывность творческой работы — в архитектуре, живописи, технике, быте. Это освежает и бодрит...

Не помню, о чем я думал, когда предложил в Неаполе каждому осуществить то, чего ему не хочется, — но, вероятно, — как всегда — думал я о том, чтоб люди стали менее одинокими, отнеслись друг к другу более дружелюбно и сердечно. Очень много мы лжем в отношениях наших, лжем, потому что боимся друг друга, — как бы не показаться меньше и слабее, чем мы есть...

Теперь вот это: помогите мне устроить одного парня, очень нужно! Это — Семеновский, сын священника, семинарист исключенный, пишет недурные стихи... Мне кажется, что он способен на большее, но — ему нужно учиться всему и всячески, в частности — необходимо поступить в университет, при плохом случае — заберут в солдаты...

Я не могу, пока, добыть... денег, сколь это ни смешно, но я возьмусь поддержать парня в учебное время. Вы же познакомьте его с достойными людьми, сделайте так, чтоб он меньше чувствовал одиночество и давление города. Ладно?..

<Сорренто. 10 мая 1927 г.>

... Работа, которую ведет сейчас Совласть среди инородцев — это нечто замечательное и небывалое. Результаты ее работы среди народов «культурных» государств — естественны и меня не удивляют, но быстрота, с которой Россия стала на ноги, якут, хнинцев <...> — это изумительно!

И еще более изумительна быстрота, с которой раскрепощается восточная женщина, мусульманка. А Вы говорите: чудес — нет! Эх, Вы, неверка...

Какой интереснейшей жизнью мы жили, дорогой мой друг. Жили и — живем. Верно? Крепко жму Вашу руку...

Д. А. ЛУТОХИНУ

Далмат Александрович Лутохин — экономист и литератор. С Горьким познакомился в Петрограде в 1919 г. В 20-х годах жил в Чехословакии, в эмиграции. В 1927 г. при поддержке Горького возвратился в СССР, работал экономистом. Погиб во время блокады Ленинграда.

<Сорренто. 8 мая 1925 г.>

Дорогой Далмат Александрович —

первые 3 тезиса Вашего доклада очень интересны и жалею, что не знал о намерении Вашем раньше, я мог бы дать Вам хорошие иллюстрации для 3-го тезиса — особенно.

(В письме от 4 мая 1925 г. Д. А. Лутохин сообщил, что ему предложили выступить в Праге на диспуте, посвященном современной советской литературе, и попросили представить тезисы выступления. Приводим тезисы, о которых говорится в Горьком: «1. «Там—дома» художественная сложность в полосе весеннего половодья...

2. О поисках новых слов и внешней изощренности приемов...

3. Содержание новой литературы полощено отражением и уяснением современности, соединяющим бесстрастие правды с героическим пафосом...»)

Впрочем, Вы, может быть, знаете рассказы: Булгакова... Зощенко «Страшная ночь», Низового — «Митякино», Яковлева — «Болото»?

Все это не очень «веселое», но, неоспоримо, говорит о здоровом росте русской литературы. Вероятно, полезен был бы Вам роман Федина «Города и годы»...

Не говоря о Леонове и Бабеле, рекомендую Вашему вниманию «молодого» Лавренева.

Все больше и больше является новых имен, новых людей и, право, в этой области Русь не устает рождать талантливых...

<Сорренто. 1 мая 1926 г.>

...Читали Вы «Гусиное» Тынянова? Очень хорошо и своеобразно сделано. Весьма интересна повесть Ольги Форш «Одеты камнем». А «Разин» Чапыгина приводит меня просто в неистовство, какой талантливый человек этот Алексей Павлович Чапыгин, бывший «живописец вывесок». Из «начинающих» весьма подчеркиваю Юрезанского, только что напечатавшего в Харькове книгу рассказов «Зной». Сейчас в России человек десять сидит над романом. Очень заметна тяга к «историческому»...

<Сорренто. 25 февраля 1928 г.>

Простите, дорогой Д. А., за то, что так долго не отзывался на Ваши письма из России, но я только что на днях закончил второй том («Жизни Клима Самгина». — С. З.), который, кстати сказать, совершенно уродливо расползся. Закончил и вот, третий день, с утра до вечера, пишу письма. А Г. Горнфельд (литературовед и литературный критик. — С. З.), пишете, возмущается моим пристрастием к эпистолярному ремеслу? Очень понимаю возмущение автора превосходнейшей, на век данной нашему брату, статьи «Муки слова». Но — увлекаюсь я не эпистолами, а «человеками». С утра они меня сосут, эти вчера проснувшиеся в Моршанске, в Алапаевске, в Устюге и прочих угрюмых земли нашей человеки. Вот — женщина 39-ти лет освободилась от бога — спрашивает: так ли это, на-до ли? А вот, человек 56 годов. Гете прочитал, увлекся Мефистофелем, провозглашает его Владыкой мира. А 17-летний юноша желает изучить миф о Прометее. И — стихи, стихи, стихи! И все хотят учиться и — все не тому, чему учит жизнь, и все — своеобразничают. А я своеобразных — люблю.

Были у меня в гостях три поэта и один из них — Иосиф Уткин, оставил впечатление юноши, который обречен быть мужем, подобным Генриху Гейне. Талантливейший парень, 23 года, красноармеец, сибиряк, родился в Иркутске, детство прожил в ядовой бедности, среди воров, а с ним можно говорить, спорить, можно слушать его — часами. Но, вот, вслед за ним явился американец, писатель и — говорить с ним — нельзя. Он — ничего не понимает, хуже — у него отсутствует желание понимать. Его интересует вопрос: сколько часов потрачено на «Дело Артамоновых»? Сколько слов могу я написать в час? А сколько слов писал Толстой в час? И его очень удивляет, что эти вопросы не интересуют литераторов России...

П. П. КРЮЧКОВУ

В письмах Горького секретарю П. П. Крючкову отражена необычная деятельность писателя на протяжении 20—30-х годов, «труды и дни» важнейшего этапа творческой и общественно-политической жизни Горького.

<Сорренто. 31 октября 1924 г.>

Очень обрадован Вашим письмом, дорогой Петр Петрович...

О голове, превратившейся в самопишущую машину, Вы написали хорошо. Не хочу говорить Вам комплиментов, — уже говорил и очень искренно говорил, а все-таки скажу: настоящую, человеческую жизнь строят только художники, люди, влюбленные в свое дело, люди эти — редки, но встречаются всюду, среди кузнецов и ученых, среди «купцов» и столяров. Вот Вы один из таких художников и влюбленных. Да...

<Сорренто. 12 января 1928 г.>

...ГИЗу следовало бы обратить внимание на литературу сибиряков. В «Сибирских огнях» талантливо ведется этот журнал! — печатаются интереснейшие вещи. Кроме Караваевой и Нины Смирновой, изданных ГИЗом, там есть и еще даровитые люди. Вообще «сепаратистских» настроений их следовало бы почтить вниманием центра. «Новый мир» или «Кр[асная] новь», «Молодая гвардия» должны дать хорошую статью на тему что напечатавшего в Харькове книгу рассказов «Зной». Сейчас в России человек десять сидит над романом. Очень заметна тяга к «историческому»...

<Сорренто. 25 февраля 1928 г.>

Простите, дорогой Д. А., за то, что так долго не отзывался на Ваши письма из России, но я только что на днях закончил второй

Л. М. Леонов, А. С. Бубнов, А. Н. Толстой и А. М. Горький в президиуме Первого Всесоюзного съезда советских писателей. 17 августа 1934 г. Фотография из фондов Музея А. М. Горького (Москва)

том («Жизни Клима Самгина». — С. З.), который, кстати сказать, совершенно уродливо расползся. Закончил и вот, третий день, с утра до вечера, пишу письма. А Г. Горнфельд (литературовед и литературный критик. — С. З.), пишете, возмущается моим пристрастием к эпистолярному ремеслу? Очень понимаю возмущение автора превосходнейшей, на век данной нашему брату, статьи «Муки слова». Но — увлекаюсь я не эпистолами, а «человеками». С утра они меня сосут, эти вчера проснувшиеся в Моршанске, в Алапаевске, в Устюге и прочих угрюмых земли нашей человеки. Вот — женщина 39-ти лет освободилась от бога — спрашивает: так ли это, на-до ли? А вот, человек 56 годов. Гете прочитал, увлекся Мефистофелем, провозглашает его Владыкой мира. А 17-летний юноша желает изучить миф о Прометее. И — стихи, стихи, стихи! И все хотят учиться и — все не тому, чему учит жизнь, и все — своеобразничают. А я своеобразных — люблю.

Были у меня в гостях три

<Тессели. До 8 октября 1935 г.>

Дорогой друг —

3-я часть «Пед[агогической] поэмы» Макаренко лучше первых двух, очень волнует, ставит весьма серьезные «педвопросы» и написана ясно.

Печатать необходимо всю сразу, иначе разорвем впечатления. Молодец Макаренко!..

РЕЖИССУРА

— Что может рассказать о себе, о своей работе, коллегам и читателям режиссер накануне юбилея...

— Да. 70 лет. С этим, как говорится, не пошутишь. Говорю это без всякого кокетства. Смолоду человек не отсчитывает годы, но наступает пора, когда он приобретает право поскрипеть в кругу своих ближних о прожитых годах... Но это еще не старость. Еще можно поконтинчать. Когда же человек на самом деле войдет в возраст, то уж никакие шуточек по поводу своих лет не отпускает.

Семьдесят лет — годы серьезные. И все же нет причин впадать в элегическое настроение. Пока человек способен работать, пока голова ему не изменяет, возраст не стоит принимать в расчет.

— Как же не стоит? Все же человек по-другому живет и воспринимает мир, он нажил определенный опыт. Умеет делать безошибочные ходы. А мастерство, а мудрость...

— Ах вот как вы повернули! Все это помогает, конечно, но насчет безошибочных ходов не уверен. К опыту надо подходить осторожно, особенно когда дело касается искусства, где опыт отнюдь не равнозначен художественному совершенству. Что же касается мастерства, то это из области комплиментов, нной раз опережающих факты.

Так что, по-видимому, самое главное — не утратить самовзыскательности. Невзирая ни на годы, ни на опыт, ни на мастерство. Видишь, в этом дело! Тут не надо забывать, что рядом с опытом всегда есть такая опасность — можно набить руку, но при этом растерять душу.

Наверное, мы начали говорить о мастерстве издалека и с позиций чересчур уж жестких. Кто знает, может, в моем возрасте не стоило бы высказывать такую принципиальность к своему делу. Но сам замечаю, что в последние годы стал пожестче в оценках, злее, что ли. Раньше знал — много времени впереди и не только к другим, но и к себе мягче относился. А сейчас понимаю: «немедленно» — значит, есть такое словечко! — невместно давать оценку на уровне всем удобного компромисса. Лучше промолчать, чем врать и изворачиваться. И другим, в первую очередь ученикам, хочется внушить мысль о малой пристойности общения на подобном уровне.

Трудно бывает, скажем, выйти из просмотрового зала, когда в дверях автор с протянутой рукой. Для этого случая изобретена даже исчерпывающая фраза: «Ну, брат, в нижнем слова». Теперь уже этой шуточкой отделываться не хочется. Надо говорить то, что думаешь: «Не понравилось, что ж поделаешь». Конечно, полобная прямота отношений не улучшает, но очищает душу и совесть. Об этом тоже думать надо. В суете жизни не сразу найдешь свой краеугольный камень в отсчете добра и зла и идет человек на компромиссы: сперва в оценках, потом в собственном труде. А окалина нарастает. Уберечься можно одним только способом — работать, все время работать и делать свое дело, каждый раз заново. Это и значит быть режиссером.

Хотя теперь-то мне совершенно понятно — не существует чистой, «герметической» режиссуры. Нет такой стерильной, локальной профессии.

— Вы имеете в виду любую режиссуру или только режиссуру кино, где трудно отделить личный вклад от коллективного усилия?

— Режиссуру в любом виде искусства. Как известно, в переводе на русский язык режиссер — это управляющий. Управлять можно всем. Неплохо научиться управлять и самим собой — быть режиссером собственной жизни. Это, правда, не всякому дано. Итак, управлять сложным процессом постановки спектакля, фильма и множеством сопричастных к этому процессу людей. Но главное, без чего нет режиссуры, — это способность превратить понятие в образ, умение слышать и видеть то, что не дано увидеть и прочувствовать другим, самому удивиться облику и содержанию природы, человека, душевным движениям, с тем чтобы вместе с тобою удивились тому же миллионы людей.

По этой причине просмотр снятого материала, слиянье в целое, доставляет колоссальное удовольствие: видишь, как из ничего рождается нечто — на такое предметное, вызывающее мгновенный отклик в зале у людей, которые вместе с тобой все это и сделали! А потом, когда материал проходит через монтажный стол и приобретает все более и более близкую к замыслу, законченную и многосложную форму, наслаждение увеличивается. «Боже мой! — думаешь. — Как зазвучал кусок, когда сопоставлен со звуковым рядом!» И вот уже, что ж «подложили» музыку, просто где-то на втором звуковом плане скрипнула дверь — и снова тишина...

Это как в литературе — выбрать единственно необходимое слово. У меня всегда на столе лежит книга стихов И. Заболоцкого. Для меня он абсолютный первооткрыватель, нащупать связи почти все, что он написал, но хочу еще и глазами читать, испытывая удовольствие от того, что видишь строку и прочитываешь ее: из «Грозы», из «Слепого»... Когда и читаю «Цирк»:

...Сияет, словно щит,
Цирк на пальцах верещит,

— то я уже в цирке в этот момент —

Цирк на дудке завывает,
Душа в душу ударяет!

Зримый стих. Его осязаешь, видишь, чувствуешь — и думаешь: как бы сделать эти строки в кино так, чтобы все вместе со мной ощутили их очарование и предметность?

Конечно, выходя на съемочную площадку, надо уже заранее все вообразить себе. Но воображение может сработать только на основе знания. И режиссеру требуются обширные знания. Я вижу, вы скептически относитесь к этому, и тем не менее... Режиссер обязан иметь корневые связи с литературным процессом. Если сам не способен писать, читать уметь должен. Это тоже наука не из простых — читать, видя жизнь, заключенную в слово. Надо понимать музыку, и если режиссер не одарен музыкальным мироощущением, не понимает звука как интонации, а принимает только лишь «звуковую информацию», то в этом случае — как минимум — ему необходимо элементарное чувство ритма, без которого ни одной картины не сделать. Режиссер должен чувствовать музыку речи человеческой, музыку архитектуры, музыку природы, движения, музыку мысли и соединить эти отдельные мироощущения в единое мировоззрение, от чувственного восприятия идти к осмыслению, отбору, концепции.

Все элементы в фильме взаимосвязаны. Картина — не коллаж, склеенный из труда отдельных «узких» специалистов. Хороший режиссер это знает и своим трудом изобретателя и педагога объединяет всех, кто трудится рядом. Если режиссер на это не способен, хорошего не жди.

Последние четыре картины я делал практически без музыки. Откровенно говоря, она была не нужна. Но все же по-иному приглашали композиторов, но уходил за иной по плану и понимал своими предложениями: «Хорошо бы нам все-таки решить тему Андрея. Тему Анны я уже придумал». «Да что вы говорите?» — отвечал я ему и тосковно думал: не нужна мне здесь тема Андрея и тема Анны тоже не нужна. Не та это картина, не тот киноматограф. По по выработанному опыту (заметьте — опыту!) я каждому фильму полагается музыка.

— Но режиссеров-универсалов может быть, предположим, десять. А в остальном кино держится на профессионалах. Конечно, я имею в виду не хорошее качество, а здоровый средний уровень.

— А, наверное, большие десятка, ну максимум двух, сразу быть и не может. Однако на сто сорок картин в год нужно сто сорок режиссеров. Тут так же о лениях надо думать. Мы еще слишком часто сталкиваемся с псевдопрофессионализмом. Я имею в виду режиссера, труд которого полностью исчерпывается понятием «управляющий». Дальше этого не идет, так как всю его работу выполняют другие. При нем может даже оказаться второй режиссер по работе с актерами. А режиссеру остается лишь кричать «Мотор!» и «Стоп!» — с большим апломбом рассуждать на площадке по тому или иному поводу, основываясь на сведениях, полученных от консультантов. Это и есть негативная сторона профессии, псевдорежиссура, которой мы обязаны появлением плохих фильмов — с одной стороны, и славой профессии «легкого хлеба» — с другой. Не успел такой режиссер появиться на белый свет, как претендует на звание мастера. Мастер! Да, наверное, этого звания можно удостоиться лишь после смерти. Сам ты на себя не претендуешь не должен. Это уж время назначает. А эти «мастера» будут ставить фильмы по готовым рецептам, точно зная, как сделать, чтобы прошло, проехало, а то и чтобы творение твое дотянуло до положенных — для ренгальности фильма — 17 миллионов зрителей. Где-то надрыв покрасивее отлепя в духе рекламной картинки, где-то музыку подложить — мол, глядишь, за душу схватит. Профессия в таких фильмах унижена до самого убогого ремесла.

Режиссер — человек, которому государство доверяет деньги, а общество доверяет свои проблемы и надежду увидеть искусство.

Всякий раз, как мы приступаем к съемкам фильма, я напоминаю себе и своим товарищам, что нельзя забывать о зрителях, нельзя подходить к фильму с позиций цехового снобизма или делать кино, посвистывая и подпрыгивая, между двумя звонками. Ничего так не получится и в будешь не дается. Тут надо потрудиться. Меня всегда смешит напыщенная поза некоторых молодых авторов, которые, пришлось прочитать, заявляют: «Я написал!». Это, мол, объективный факт литературы, извольте с ним считаться, поскольку я потратил себя, чтобы вывести эти иероглифы-буквы. Как написано — так и будет! И не иначе. Откуда это конечное чванство и самоуверенность?! Я бы всем начинающим посоветовал как учебное пособие посмотреть удивительную картину Сергея Владимирского «Рукописи Пушкина», снятую еще до войны. Она насквозь пронизана пафосом взыскательного творчества. Скажем, в «Медном всаднике» Пушкин ищет образ в первых же строфах: «...Я запируем на просторе». Потом он передумывает: «запируем» на «заторгуем» и снова «запируем». Так возникает два разных поворота истории, более того — два разных субъекта истории. Что же было дорожка Петру: торговать на просторе или пировать на просторе? Одним словом надо было решить главную тенденцию его натуры. И он пишет окончательное: «...Я запируем на просторе».

Таким образом и слагается — в трудах и поиске — художественный процесс. В постоянной, нарастающей взыскательности. И смотришь: то, что годилось лет десять—пятнадцать тому назад, проходило на «ура», теперь уже не годится. Даже если мы будет с ностальгической слезой утверждать, что те картины были лучше, что мы их делали живее и искренне, — этим не утешиться. Время проходит — оно самый взыскательный критик, от него не убежишь.

— Не появляется ли у вас страх перед масштабом выбранной темы, перед технологическими, производственными трудностями съемок, перед «белым листом»?..

— Страх никогда не сопутствует удаче в работе. Думаю, что разговоры о всякого рода страхах — легенды, рожденные не в меру кокетливыми режиссерами. Если страшно подступать к теме — не берись. Только не плачься.

Никогда не испытывал страха перед работой. Я знаю, что такое страх — но страх иного рода. Вот в молодые годы мы снимали «Семеро смелых», сложную картину. Или «Комсомольск». Но иногда не думаешь: это сложно, и поэтому страшно. Их, эти картины, надо было сделать. А страшно было другое: надо снимать на Севере, а там холодно, аппаратура вдруг отскажет — не потянет пленку. Страха не может быть, если режиссер знает, что хочет сделать, если ему ясна художественная цель. А уж если бояться, то... стереотипов критики, которая всегда может нажаловаться на картину после ее выхода.

КРИТИКИ

— Как вообще вы относитесь к критике?

— Режиссер всегда относится к ней однозначно: когда критикуют — плохо, когда хвалят — хорошо. По-иному режиссер, как и всякий художник, на критику реагировать не может, это было бы неестественно.

— Но, слыша критические отзывы, можно отстраниться от них, оправдаться, а можно попытаться взглянуть на себя глазами критика, конечно, заранее думая, что тот не прав. И все же...

— Как-то один киновед сказал сакраментальную фразу: «Вообще-то Герасимову всю жизнь всего с критикой». «Как это вот?» — подумал я. — Не попадал под градобитие?» (Впрочем, попадал, и не одна-два.) Получается, что критика—стихийное бедствие, коего можно избежать только при наличии везения. Я делал то, что хотел, а критика писала то, что хотела написать о моих фильмах. Ей нравится — фильм получился, бывали и критические соображения.

На мой взгляд, нецелесообразна критика, которая дает советы: режиссер снял эту сцену так, а надо было бы по-другому. Иной раз это вызывает улыбку, а иной раз может и рассердить повторяемостью, безапелляционностью. Каждый эпизод предполагает немалое количество решений. А давать заподлые советы уже после выхода фильма — дело бесполезное. Это критика, рассчитанная скорее на режиссера. А есть критика для зрителей — объясняющая, что ли.

Именно в такой критике журналисты иной раз своеобразно понимают свою задачу. Был со мной такой случай, кажется, после выхода «Журналиста». Я уезжал из Москвы, и на вокзал, буквально в вагон, пришли две молодые журналистки, попросили дать небольшое интервью. Я сказал им, какая снят картину, как она складывалась, ну, и так далее. На прощание они мне задали вопрос, достаточно тривиальный: «Если бы вы снимали этот фильм снова, оставили вы так же или передлали?» — «Снял бы его точно, как прежде». Но у них, видимо, «клише» ответа было заготовлено заранее. «Да, — ответил Сергей Аполлинариевич, — если бы я снимал заново, то сделал совершенно по-иному». Я прочел все это и принел в ярость нечеловеческую. Приехал в редакцию и сказал: «Вот что, уважаемые, где эти барышни?» Им нельзя работать в кинокритике. Они «два успели вступить на эту стезю, как стали тут же, и не очень честно, пользоваться ее прерогативой: что написано пером, не вырубишь топором». Я встретился с ними, очень опечаленно они были, пытались объяснить, что думали — так лучше будет. Скромнее. И что это за вязанскромность режиссеров, которые через месяц после окончания съемки готовы все поставить с ног на голову! Чем они думали, когда были на съемочной площадке?

Вывод: искоренять любые штампы в отношениях между критиком и художником. Иногда они просто удивительны по безвкусице и развязной категоричности. Нельзя коверкать замысел автора ради красивой фразы, ради пустозвонкого парадокса... Критика, как я ее понимаю, серьезнейшее дело, требующее обширных знаний, особого таланта и чистой совести. А каждый художник, всякий окружающий мир. Но ведь, подумал я, как актриса она почти ничего не умеет... А потом решил: она постепенно освоит то, что играет, и станет этим жить. В огромной степени эти надежды оправдались.

— В современном кино довольно часто бывает, что автор, его психофизические данные определяют стиль, концепцию фильма.

— Да, это верно. Самый сильный пример тому — Николай Еременко. То, что он сейчас делает, как играет, для меня стало максимальным выражением того, что дала наша актерская школа. Еременко уже во время учебы сумел столько понять и почувствовать, что для него работа на площадке — как бы свободный полет. Необыкновенно противоречивый и сложный характер — Жюльен Сорель у Стендаля. Еременко актер живет этой ролью из «Красного и черного» уже не один год и постоянно что-то открывает для себя. От все более глубокого осознания роли он приходит к ее пластике. Мы понимают с полуслова, мы можем разговаривать на особом, только нам понятном языке. Не надо тратить нервные клетки, прилагать излишние усилия, изводить время на пространные объяснения. И это вознаграждается.

Педагогика в режиссуре имеет прямое отношение, без нее нет профессии. Актера нельзя заставить, ему надо объяснить. Если режиссер не способен хоть в какой-то мере наново объяснить мир, эпизод, конкретную задачу, то где же режиссура? В чем она? Сказал что-то новое — будь добр, расшифруй, сумей заинтересовать, повлечь в суть происходящего. Только так получится желаемый результат. Если же будешь на съемках руководствоваться системой кратких телеграфных указаний, ничего не добьешься от актера. Бывает, детям так говорят, когда они пристают со своими вопросами: «Много будешь знать — скоро состаришься». Или: «Вот вырастешь, тогда поймешь». Актер — не ребенок, он такой соратник и вправе спросить, зачем ты его заставляешь делать то или другое.

В кино нельзя щеголять тем, что вот, смотрите-ка, я сам все сделал: дергал актеров за ниточки, как марионеток, и они все исполнили так, как я хотел. Актера надо лишь подготовить к тому, чтобы он сыграл, а прожить ситуацию, кусок, сцену он должен сам.

Я вижу, как в процессе воспитания рождается мировоззрение учеников, как на глазах их человек единица они превращаются в личность. А бывало, и сюжет фильма возникал в соответствии с составом мастерской, с психофизическими данными актеров. Вот, например, Наталья Белохвостикова. Ведь именно с нее началась картина «У озера». Экологические проблемы, естественно, существовали и помимо актрисы. Фильм тоже мог состояться без нее. Но он был бы другим. Основную мысль его надо было не только проявить, но и воплотить, персонифицировать, потому что герой должен через весь фильм протянуть генеральную идею. Белохвостикова — юная актриса, собственно, еще не актриса, второкурсница актерского факультета, как оказалось, обладала качествами, которые нам были нужны. Необыкновенная прозрачность облика, чистота, ясность сознания, способность глубоко и в основном верно понимать то, что окружающий мир. Но ведь, подумал я, как актриса она почти ничего не умеет... А потом решил: она постепенно освоит то, что играет, и станет этим жить. В огромной степени эти надежды оправдались.

УЧЕНИКИ

— Сколько лет существует ваша мастерская?

— С 1944 года в Москве, во ВГИКе, с 1933 года в Ленинграде в Институте сценического искусства. Принято считать, что я очень добродетельный человек, учеников своих снимаю в хороших ролях, не забываю о них, стараюсь уже за пределами учебы продлить творческий процесс, чтобы не выходили они из поля зрения. А на самом-то деле я думаю не только об учениках — о себе тоже, потому что с ними работать, делать фильм интересней, веселее и удобнее. Они меня понимают с полуслова, мы можем разговаривать на особом, только нам понятном языке. Не надо тратить нервные клетки, прилагать излишние усилия, раз это вызывает улыбку, а иной раз может и рассердить повторяемостью, безапелляционностью. Каждый эпизод предполагает немалое количество решений. А давать заподлые советы уже после выхода фильма — дело бесполезное. Это критика, рассчитанная скорее на режиссера. А есть критика для зрителей — объясняющая, что ли.

Именно в такой критике журналисты иной раз своеобразно понимают свою задачу. Был со мной такой случай, кажется, после выхода «Журналиста». Я уезжал из Москвы, и на вокзал, буквально в вагон, пришли две молодые журналистки, попросили дать небольшое интервью. Я сказал им, какая снят картину, как она складывалась, ну, и так далее. На прощание они мне задали вопрос, достаточно тривиальный: «Если бы вы снимали этот фильм снова, оставили вы так же или передлали?» — «Снял бы его точно, как прежде». Но у них, видимо, «клише» ответа было заготовлено заранее. «Да, — ответил Сергей Аполлинариевич, — если бы я снимал заново, то сделал совершенно по-иному». Я прочел все это и принел в ярость нечеловеческую. Приехал в редакцию и сказал: «Вот что, уважаемые, где эти барышни?» Им нельзя работать в кинокритике. Они «два успели вступить на эту стезю, как стали тут же, и не очень честно, пользоваться ее прерогативой: что написано пером, не вырубишь топором». Я встретился с ними, очень опечаленно они были, пытались объяснить, что думали — так лучше будет. Скромнее. И что это за вязанскромность режиссеров, которые через месяц после окончания съемки готовы все поставить с ног на голову! Чем они думали, когда были на съемочной площадке?

Вывод: искоренять любые штампы в отношениях между критиком и художником. Иногда они просто удивительны по безвкусице и развязной категоричности. Нельзя коверкать замысел автора ради красивой фразы, ради пустозвонкого парадокса... Критика, как я ее понимаю, серьезнейшее дело, требующее обширных знаний, особого таланта и чистой совести. А каждый художник, всякий окружающий мир. Но ведь, подумал я, как актриса она почти ничего не умеет... А потом решил: она постепенно освоит то, что играет, и станет этим жить. В огромной степени эти надежды оправдались.

— Остается еще и самое главное — фильмы...

— ...которых я ставить стал больше. Понял, что можно делать быстрее. И не только от инстинктивного желания сотворить побольше, пока еще способен работать. Нет. Теперь понял, сколько времени раньше тратил попусту. Тогда его было много...

Не знаю, сумел ли я вам рассказать о главном. Получилось как-то обо всем сразу. Но ведь это «все» и есть жизнь.

Беседу вел Л. ПОЛЬСКАЯ

На XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, говоря о высоком долге художника, призвал деятелей культуры «создать новые произведения, достойные нашей истории, нашего настоящего и будущего, нашей партии и народа, нашей великой Родины».

Сегодня «ЛГ» открывает новую рубрику: «Талант, труд, гражданственность художника». Под этой рубрикой будут публиковаться выступления драматургов, режиссеров, актеров, композиторов, живописцев, скульпторов — о высоком призвании деятелей советского искусства, об их ответственности перед временем, о воспитании молодого поколения, о значении критики и самокритики в творческом процессе.

Слово — кинорежиссеру С. А. Герасимову.

С. ГЕРАСИМОВ, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда

КАЖДЫЙ ДЕНЬ — РАБОЧИЙ

ТРУДИТЬСЯ!

— Работа — потребность, которую надо считать благословением человеческим. Конечно, работоспособность не всегда совпадает со способностями к определенному виду творчества, но сам по себе этот дар представляет собой основу таланта. А если есть и потребность трудиться на своем поприще, и способность к этому, тогда вы видите счастливого человека. Другое, более высокое счастье для человечества изобрести трудно, а может быть, и невозможно.

На мой взгляд, в искусстве, чтобы получалось, надо работать не легкомысленно, но легко и весело. Во всяком случае, я стараюсь свой коллектив настраивать на такой лад: мол, только, ради бога, не хмурьте лобики, не изображайте здесь каторжный труд. Не будьте лицемерами, не думайте, что вам день на съемочной площадке подобен подвигу, будто вы соль грузили. Попробуйте погрузить соль, тогда поймете разницу. Не кокетничайте и не пустословьте. Это же великое наслаждение, когда ты трудишься, когда владеешь своим делом, когда искусство тебе подчиняется.

Другое дело, что труд на съемке, да и в монтажной, короче — на протяжении всей постановки, требует от всего коллектива беззаветной и полной отдачи, что сцены, которые даются с трудом, в конце концов относишь к лучшим в фильме. А то, что рождается экспромтом, безболезненно, часто оказывается куском слабым, потом разочаровывает, обнаруживает свою тривиальность. Слишком на поверхности лежало, слишком легко досталось.

То же самое и со сценарием: иной раз перепишешь, и отнюдь не вследствие только указаний редактора. Главный критерий — уровень точности действия образа, слова. А это сразу выявляет, насколько ты в ладу с самим собой. Вот, скажем, Пушкин. Его осязаешь, видишь, чувствуешь — и думаешь: как бы сделать эти строки в кино так, чтобы все вместе со мной ощутили их очарование и предметность?

Конечно, выходя на съемочную площадку, надо уже заранее все вообразить себе. Но воображение может сработать только на основе знания. И режиссеру требуются обширные знания. Я вижу, вы скептически относитесь к этому, и тем не менее... Режиссер обязан иметь корневые связи с литературным процессом. Если сам не способен писать, читать уметь должен. Это тоже наука не из простых — читать, видя жизнь, заключенную в слово. Надо понимать музыку, и если режиссер не одарен музыкальным мироощущением, не понимает звука как интонации, а принимает только лишь «звуковую информацию», то в этом случае — как минимум — ему необходимо элементарное чувство ритма, без которого ни одной картины не сделать. Режиссер должен чувствовать музыку речи человеческой, музыку архитектуры, музыку природы, движения, музыку мысли и соединить эти отдельные мироощущения в единое мировоззрение, от чувственного восприятия идти к осмыслению, отбору, концепции.

Все элементы в фильме взаимосвязаны. Картина — не коллаж, склеенный из труда отдельных «узких» специалистов. Хороший режиссер это знает и своим трудом изобретателя и педагога объединяет всех, кто трудится рядом. Если режиссер на это не способен, хорошего не жди.

Последние четыре картины я делал практически без музыки. Откровенно говоря, она была не нужна. Но все же по-иному приглашали композиторов, но уходил за иной по плану и понимал своими предложениями: «Хорошо бы нам все-таки решить тему Андрея. Тему Анны я уже придумал». «Да что вы говорите?» — отвечал я ему и тосковно думал: не нужна мне здесь тема Андрея и тема Анны тоже не нужна. Не та это картина, не тот киноматограф. По по выработанному опыту (заметьте — опыту!) я каждому фильму полагается музыка.

— Но режиссеров-универсалов может быть, предположим, десять. А в остальном кино держится на профессионалах. Конечно, я имею в виду не хорошее качество, а здоровый средний уровень.

— А, наверное, большие десятка, ну максимум двух, сразу быть и не может. Однако на сто сорок картин в год нужно сто сорок режиссеров. Тут так же о лениях надо думать. Мы еще слишком часто сталкиваемся с псевдопрофессионализмом. Я имею в виду режиссера, труд которого полностью исчерпывается понятием «управляющий». Дальше этого не идет, так как всю его работу выполняют другие. При нем может даже оказаться второй режиссер по работе с актерами. А режиссеру остается лишь кричать «Мотор!» и «Стоп!» — с большим апломбом рассуждать на площадке по тому или иному поводу, основываясь на сведениях, полученных от консультантов. Это и есть негативная сторона профессии, псевдорежиссура, которой мы обязаны появлением плохих фильмов — с одной стороны, и славой профессии «легкого хлеба» — с другой. Не успел такой режиссер появиться на белый свет, как претендует на звание мастера. Мастер! Да, наверное, этого звания можно удостоиться лишь после смерти. Сам ты на себя называть мастером. В кино потрудиться надо, изрядно потрудиться...

КРИТИКИ

— Как вообще вы относитесь к критике?

— Режиссер всегда относится к ней однозначно: когда критикуют — плохо, когда хвалят — хорошо. По-иному режиссер, как и всякий художник, на критику реагировать не может, это было бы неестественно.

— Но, слыша критические отзывы, можно отстраниться от них, оправдаться, а можно попытаться взглянуть на себя глазами критика, конечно, заранее думая, что тот не прав. И все же...

— Как-то один киновед сказал сакраментальную фразу: «Вообще-то Герасимову всю жизнь всего с критикой». «Как это вот?» — подумал я. — Не попадал под градобитие?» (Впрочем, попадал, и не одна-два.) Получается, что критика—стихийное бедствие, коего можно избежать только при наличии везения. Я делал то, что хотел, а критика писала то, что хотела написать о моих фильмах. Ей нравится — фильм получился, бывали и критические соображения.

На мой взгляд, нецелесообразна критика, которая дает советы: режиссер снял эту сцену так, а надо было бы по-другому. Иной раз это вызывает улыбку, а иной раз может и рассердить повторяемостью, безапелляционностью. Каждый эпизод предполагает немалое количество решений. А давать заподлые советы уже после выхода фильма — дело бесполезное. Это критика, рассчитанная скорее на режиссера. А есть критика для зрителей — объясняющая, что ли.

Именно в такой критике журналисты иной раз своеобразно понимают свою задачу. Был со мной такой случай, кажется, после выхода «Журналиста». Я уезжал из Москвы, и на вокзал, буквально в вагон, пришли две молодые журналистки, попросили дать небольшое интервью. Я сказал им, какая снят картину, как она складывалась, ну, и так далее. На прощание они мне задали вопрос, достаточно тривиальный: «Если бы вы снимали этот фильм снова, оставили вы так же или передлали?» — «Снял бы его точно, как прежде». Но у них, видимо, «клише» ответа было заготовлено заранее. «Да, — ответил Сергей Аполлинариевич, — если бы я снимал заново, то сделал совершенно по-иному». Я прочел все это и принел в ярость нечеловеческую. Приехал в редакцию и сказал: «Вот что, уважаемые, где эти барышни?» Им нельзя работать в кинокритике. Они «два успели вступить на эту стезю, как стали тут же, и не очень честно, пользоваться ее прерогативой: что написано пером, не вырубишь топором». Я встретился с ними, очень опечаленно они были, пытались объяснить, что думали — так лучше будет. Скромнее. И что это за вязанскромность режиссеров, которые через месяц после окончания съемки готовы все поставить с ног на голову! Чем они думали, когда были на съемочной площадке?

Вывод: искоренять любые штампы в отношениях между критиком и художником. Иногда они просто удивительны по безвкусице и развязной категоричности. Нельзя коверкать замысел автора ради красивой фразы, ради пустозвонкого парадокса... Критика, как я ее понимаю, серьезнейшее дело, требующее обширных знаний, особого таланта и чистой совести. А каждый художник, всякий окружающий мир. Но ведь, подумал я, как актриса она почти ничего не умеет... А потом решил: она постепенно освоит то, что играет, и станет этим жить. В огромной степени эти надежды оправдались.

— В современном кино довольно часто бывает, что автор, его психофизические данные определяют стиль, концепцию фильма.

— Да, это верно. Самый сильный пример тому — Николай Еременко. То, что он сейчас делает, как играет, для меня стало максимальным выражением того, что дала наша актерская школа. Еременко уже во время учебы сумел столько понять и почувствовать, что для него работа на площадке — как бы свободный полет. Необыкновенно противоречивый и сложный характер — Жюльен Сорель у Стендаля. Еременко актер живет этой ролью из «Красного и черного» уже не один год и постоянно что-то открывает для себя. От все более глубокого осознания роли он приходит к ее пластике. Мы понимаем с полуслова, мы можем разговаривать на особом, только нам понятном языке. Не надо тратить нервные клетки, прилагать излишние усилия, изводить время на пространные объяснения. И это вознаграждается.

Педагогика в режиссуре имеет прямое отношение, без нее нет профессии. Актера нельзя заставить, ему надо объяснить. Если режиссер не способен хоть в какой-то мере наново объяснить мир, эпизод, конкретную задачу, то где же режиссура? В чем она? Сказал что-то новое — будь добр, расшифруй, сумей заинтересовать, повлечь в суть происходящего. Только так получится желаемый результат. Если же будешь на съемках руководствоваться системой кратких телеграфных указаний, ничего не добьешься от актера. Бывает, детям так говорят, когда они пристают со своими вопросами: «Много будешь знать — скоро состаришься». Или: «Вот вырастешь, тогда поймешь». Актер — не ребенок, он такой соратник и вправе спросить, зачем ты его заставляешь делать то или другое.

В кино нельзя щеголять тем, что вот, смотрите-ка, я сам все сделал: дергал актеров за ниточки, как марионеток, и они все исполнили так, как я хотел. Актера надо лишь подготовить к тому, чтобы он сыграл, а прожить ситуацию, кусок, сцену он должен сам.

Я вижу, как в процессе воспитания рождается мировоззрение учеников, как на глазах их человек единица они превращаются в личность. А бывало, и сюжет фильма возникал в соответствии с составом мастерской, с психофизическими данными актеров. Вот, например, Наталья Белохвостикова. Ведь именно с нее началась картина «У озера». Экологические проблемы, естественно, существовали и помимо актрисы. Фильм тоже мог состояться без нее. Но он был бы другим. Основную мысль его надо было не только проявить, но и воплотить, персонифицировать, потому что герой должен через весь фильм протянуть генеральную идею. Белохвостикова — юная актриса, собственно, еще не актриса, второкурсница актерского факультета, как оказалось, обладала качествами, которые нам были нужны. Необыкновенная прозрачность облика, чистота, ясность сознания, способность глубоко и в основном верно понимать то, окружающий мир. Но ведь, подумал я, как актриса она почти ничего не умеет... А потом решил: она постепенно освоит то, что играет, и станет этим жить. В огромной степени эти надежды оправдались.

— В современном кино довольно часто бывает, что автор, его психофизические данные определяют стиль, концепцию фильма.

— Да, это верно. Самый сильный пример тому — Николай Еременко. То, что он сейчас делает, как играет, для меня стало максимальным выражением того, что дала наша актерская школа. Еременко уже во время учебы сумел столько понять и почувствовать, что для него работа на площадке — как бы свободный полет. Необыкновенно противоречивый и сложный характер — Жюльен Сорель у Стендаля. Еременко актер живет этой ролью из «Красного и черного» уже не один год и постоянно что-то открывает для себя. От все более глубокого осознания роли он приходит к ее пластике. Мы понимаем с полуслова, мы можем разговаривать на особом, только нам понятном языке. Не надо тратить нервные клетки, прилагать излишние усилия, изводить время на пространные объяснения. И это вознаграждается.

Педагогика в режиссуре имеет прямое отношение, без нее нет профессии. Актера нельзя заставить, ему надо объяснить. Если режиссер не способен хоть в какой-то мере наново объяснить мир, эпизод, конкретную задачу, то где же режиссура? В чем она? Сказал что-то новое — будь добр, расшифруй, сумей заинтересовать, повлечь в суть происходящего. Только так получится желаемый результат. Если же будешь на съемках руководствоваться системой кратких телеграфных указаний, ничего не добьешься от актера. Бывает, детям так говорят, когда они пристают со своими вопросами: «Много будешь знать — скоро состаришься». Или: «Вот вырастешь, тогда поймешь». Актер — не ребенок, он такой соратник и вправе спросить, зачем ты его заставляешь делать то или другое.

В кино нельзя щеголять тем, что вот, смотрите-ка, я сам все сделал: дергал актеров за ниточки, как марионеток, и они все исполнили так, как я хотел. Актера надо лишь подготовить к тому, чтобы он сыграл, а прожить ситуацию, кусок, сцену он должен сам.

Я вижу, как в процессе воспитания рождается мировоззрение учеников, как на глазах их человек единица они превращаются в личность. А бывало, и сюжет фильма возникал в соответствии с составом мастерской, с психофизическими данными актеров. Вот, например, Наталья Белохвостикова. Ведь именно с нее началась картина «У озера». Экологические проблемы, естественно, существовали и помимо актрисы. Фильм тоже мог состояться без нее. Но он был бы другим. Основную мысль его надо было не только проявить, но и воплотить, персонифицировать, потому что герой должен через весь фильм протянуть генеральную идею. Белохвостикова

КОЛОНКА ТВ

«СВЕТ БЕЛЫЙ С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН»

Удивительный фильм показало нам Центральное телевидение. Два собеседника, писатель Константин Симонов и актер Михаил Ульянов, сидя возле письменного стола, вспоминают Александра Твардовского. Один хорошо знал его, дружил с ним. Другой знал его мало, но преклонялся перед ним и согласился помочь Симонову и «начитать» стихи.

Кабинет Симонова на даче на Пахре. За большим окном — березовая роща, если прошти 600 шагов — дача, где жил Твардовский. Устаешь день. И вот двое сидят и вспоминают о характере Александра Трифоновича Твардовского. О строе его души. О величии его таланта, проявившейся уже в ранней поэме «Страна Муравия».

— Он не обращался к стихам, чтобы рассказать ими о жизни, — покуривая трубку, размышляет Константин Симонов. — Он обращался к жизни стихами и делал это так, словно только так и можно это сделать.

А Ульянов читает:

— С утра на полдень едет он,
Дорога далека.
Свет белый
с четырех сторон
и сверху — облака.

Такого чтения, такого проникновения в интонацию Твардовского (без всякого намерения быть на него похожим или подражать ему), правду сказать, я такого чтения не слышал. Оно поражает удивительной верностью чувству, серьезностью, простотой и сердцем. Более того — мне кажется, как Ульянов, никто еще так не читал стихов. И строки Твардовского сразу становятся не иллюстрацией, а самой глубокой сутью этого знаменитого произведения.

Воспоминания обращаются к Василию Теркину — ему, которому Симонов называет подвигом Твардовского и «частью войны». Стихи перемежаются строчками из замечательной книжки поэта, из его дневников, из писем читателям — глубокими мыслями Твардовского о чести и достоинстве литературы, примерами его высочайшей требовательности по отношению к себе и другим. В нем сочетались испытующая строгость и желание людям добра. И еще — немеркнущая память о тех, кто был убит подо Ржевом, и в других местах, и в другие дни. И завещал нам помнить их подвиг.

Эта тема, тема горькая, такая великая и бессмертная в книгах Твардовского, наиболее близка самому Симонову и поэтому проходит сквозь все повествование, придавая ему особенный характер.

С телевидением я связан давно. Было, что трудно и что очень трудно. И понимаю, конечно, что если фильм — то, значит, были и репетиции, и дубли, и монтаж, что все заранее продумано во всех тонкостях. И все же не в силах поверить, что Симонов говорит как впервые, словно только что нашел для себя подобрать ним очень дорогие мысли. И мысли эти впервые рождаются здесь, на экране, на наших глазах. Он размышляет, ищет продолжения фразы, подбирает точное слово. И слушает Ульянова, как слушают в первый раз. Большей свободы отношений в телестудии телевидения, мне кажется, видеть не приходилось.

— Когда читаешь поэму «За далью — даль», задумчиво говорит Симонов, — хочется ответить на искренность — искренностью, на правду — правдой, на его прошлое — своим прошлым, на его настоящее — своим настоящим, на его надежды — в этот разговор, вобрав, он позвал меня. Твардовский...

Эти мысли, размышления, желание как можно точнее сказать, чем был Твардовский для него, Симонова, для людей его поколения, для всех на свете, прошедших войну и не бывших, и для читателей нынешних, родившихся после войны, для тех, кто еще только предполагает для книги воспоминаний, постепенно сливаются в единый поток разговора. И вдруг, внезапно, мы видим кадры из «кинопоэтописи» — выступление Твардовского с трибуны XXII съезда КПСС. Он отвергает несостоятельный, нелепо-догматичный подход к литературе, он говорит о писателе — настоящем помощнике партии, партии, смотрящей пристально и зорким взглядом подсмотрев у жизни нечто важное, новое, ценное и смело выступает с партийных позиций с этими своими наблюдениями и своими соображениями и даже выводами.

И это второй голос Твардовского с его непреложными интонациями, который мы слышали при его жизни, проникает в сознание и душу с такой остротой, что в эти мгновения видишь его живого. И еще раз — живой — он деловито снимает и вешает на спинку стула пиджак и раскрывает «За далью — даль». И мы слышим строки поэмы в его собственном чтении. Счастье, что на телевидении сохранились эти кинодокументы, снятые в 1959 году, и снова слышим высокий и даже веселый голос, рассматриваем великолепные фотографии. И вспоминаем великие стихи самых последних лет.

Замечательное свойство этой телевизионной работы: вам кажется, что вы и вами хотели бы так сказать. Да не сказали.

Я не назвала режиссера и оператора этого фильма: Дмитрий Чуковский и Мария Голдовская. Высокая оценка их работы в том, что все в ней кажется полной импровизац

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ЯРКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВСЕНАРОДНОЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Мировая печать и другие средства массовой информации на великих местах сообщили о присвоении Председателю Совета обороны СССР товарищу Л. И. Брежневу высшего воинского звания Маршала Советского Союза. В подробных репортажах рассказывается о митинге в Днепродзержинске, посвященном открытию бронзового бюста Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда Л. И. Брежнева. Отмечается, что бюст сооружен на родине Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в ознаменование его боевых и трудовых заслуг. В корреспонденциях и комментариях Л. И. Брежнев характеризуется как выдающийся стратег организатор обороны Советского Союза, нам Человек, внесший огромный вклад в предотвращение военной опасности. Комментаторы обращают внимание на исключительные заслуги Л. И. Брежнева в борьбе за прочный, справедливый мир на земле.

Весь болгарский народ встретил с искренней радостью весть о высоком признании заслуг Генерального секретаря ЦК КПСС, пишет болгарская «Работническо дело».

«Леонид Ильич Брежнев — пример непоколебимого ленинца, последовательного интернационалиста, активного борца за мир и прогресс, — пишет другая болгарская газета — «Земеделско знаме». — Его активная, неутомимая деятельность являет собой вдохновляющий пример безраветного служения Родине, великому делу ленинской партии».

«Непсабадшаг» и другие венгерские газеты подчеркивают выдающуюся роль Л. И. Брежнева в продвижении советского народа вперед по пути коммунистического строительства, в защите мира; в претворении в жизнь ленинской внешней политики.

Имя Генерального секретаря ЦК КПСС, отмечает комментатор чехословацкого телевидения, тесно связано с выдающимися победами советского народа в строительстве материально-технической базы коммунизма, с успехами стран социалистического содружества на международной арене, прежде всего с осуществлением исторической Программы мира, углублением разрядки международной напряженности и утверждением ленинских принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Югославское агентство ТАНЮГ указывает на роль и заслуги Л. И. Брежнева в разработке и проведении внутренней и внешней политики Советского Союза, на его активную деятельность в годы Великой Отечественной войны.

Присвоение Л. И. Брежневу высшего воинского звания, пишет американское агентство ЮПИ, является признанием его доблести во время войны и значения его деятельности в защиту мира. Агентство отмечает, что знаменательное событие — митинг в Днепродзержинске, посвященный открытию бронзового бюста Л. И. Брежнева, — состоялось в канун празднования 31-й годовщины победы Советского Союза над фашистской Германией. Излагая выступления ораторов на этом митинге, агентство указывает, что Л. И. Брежнев очень многое сделал и делает для укрепления обороноспособности Советского Союза, для упрочения всеобщего мира.

Французское агентство Франс Пресс в отчете о митинге приводит заявление о том, что прочный мир на земле и имя Леонида Ильича Брежнева неотделимы.

«С большим волнением и радостью мы узнали о присвоении Л. И. Брежневу звания Маршала Советского Союза, — заявил член президентского совета общества «Франция — СССР», кавалер ордена Дружбы народов полковник Раймон Маркюс. — В этом акте — признание огромных боевых и трудовых заслуг Генерального секретаря ЦК КПСС перед советским народом, перед народами мира. В годы войны он вел неустанную напряженную работу на различных фронтах и сам, глубоко прочувствовав все военные тяготы. Он лично внес большой вклад в освободительную борьбу с немецким фашизмом».

Весь современный исторический период, отметил Р. Маркюс, несет на себе печать колоссальной многоплановой деятельности Генерального секретаря ЦК КПСС по упрочению всеобщего мира и безопасности, по предотвращению угрозы новой войны. Все прогрессивное человечество, заявил этот известный ветеран движения французского Сопротивления, питает к Л. И. Брежневу глубокое чувство благодарности и уважения. Леонид Ильич Брежнев хорошо знает, как дорог всем людям прочный мир на земле, и неустанно трудится годы того, чтобы над нынешним и над будущими поколениями всегда было чистое, мирное небо.

(ТАСС)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Адмирал Джин ЛАРОК:

А ЦИФРЫ-ТО ЛИПОВЫЕ...

«Говорят, что Чикаго — город бейсбола... но любимая игра» Вашингтона — в числа. И как раз сейчас, поскольку время бюджетное, Пентагон выстраивает цифры рядами, дабы показать, что Америка переднегается на место № 2, а Советский Союз вырывается далеко вперед в военной области... Пентагон прыгает выше самого себя, разыскивая все новые превосходные степени, которые могли бы отобразить

сказала с экрана телевизора комментатор Мерилин Бергер.

Я попросил высказаться на этот счет адмирала в отставке Джина Ларока, который возглавляет сейчас неофициальную организацию — Центр оборонной информации в Вашингтоне.

— Наша печать склонна к многократным повторениям одного и того же, — пояснил он. — Вот и в данном случае люди начинают повторять все эти рассуждения о «советской угрозе». Но «отставание» по военным расходам является таким же фальшивым, какими были «отставание» по бомбардировщикам и ракетам. Кроме того, вообще чрезвычайно трудно сравнивать военные расходы наших двух стран. Цифры, которые публикуются у нас, липовые...

Эти цифры появляются в докладе ЦРУ, в справке Библиотеки конгресса и в высказываниях представителей министерства обороны.

«Наглое искажение фактов», — сказал о них старшина Уильям Проксмайр.

А уже знакомый нам Лес Эспин выступил в журнале «Форин полиси» со статьей «Как подходить к советско-американскому балансу», получившей широкий отклик. Автор показал сомнительную, если не откровенно фальшивую, методологию расчетов ЦРУ и Пентагона и пришел к заключению, что, «когда заходит речь о советском военном строительстве, статистику начинают насиловать».

«Коалиция за новую внешнюю политику», объединяющая 38 обществ, религиозных и других организаций, опубликовала доклад «Объективный взгляд на советскую угрозу», где говорится: «Нынешняя советская оборонная структура не представляет угрозы для американской безопасности».

Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе на XXV съезде партии, «никакой советской угрозы не существует ни для Запада, ни для Востока». И с этим соглашается каждый здравомыслящий американец.

Г. ИВАНОВ,
наш корр.
НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ РАЗРЯДКИ

БУЛЬДОЗЕРЫ «КОМАЦУ» НА СТРОЙКАХ СИБИРИ

«Не отставать от изменяющегося мира» — девиз японской машиностроительной фирмы «Комацу». Этим девизом фирма руководствуется и в торгово-экономических отношениях с Советским Союзом. Я беседовал с Дзяйхико Кабуки, директором завода фирмы «Комацу», выпускающего большегрузные самосвалы и скреперы.

— В ваших пятилетних планах, — сказал он, — отражается, как в зеркале, динамичность советской экономики. Мы стараемся не отставать от стремительных темпов ее развития и поэтому увязываем свою производственную программу и планы исследовательских разработок с задачами пятилеток.

Еще в конце 60-х годов по заказам Советского Союза не заводах фирмы «Комацу» начали производить большегрузные самосвалы, лесовозы, скреперы и бульдозеры, пригодные для использования в суровых сибирских условиях. И хотя фирма уже имела большой опыт в создании подобных машин, дополнительные технические требования, предъявленные нами, заставили ее решить ряд новых проблем — таких, например, как конструирование моторов, способных безотказно работать в районах вечной мерзлоты при крайне низких температурах.

— Выпуск продукции для осуществления гигантских советских проектов освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока стимулировал исследовательскую мысль на нашем заводе, — сказал Дзяйхико Кабуки.

Сейчас на сибирских и дальневосточных стройках работают бульдозеры фирмы «Комацу» мощностью 320 и 410 лошадиных сил, 12-тонные лесовозы и большегрузные самосвалы. Все эти машины выдерживают 60-градусные морозы.

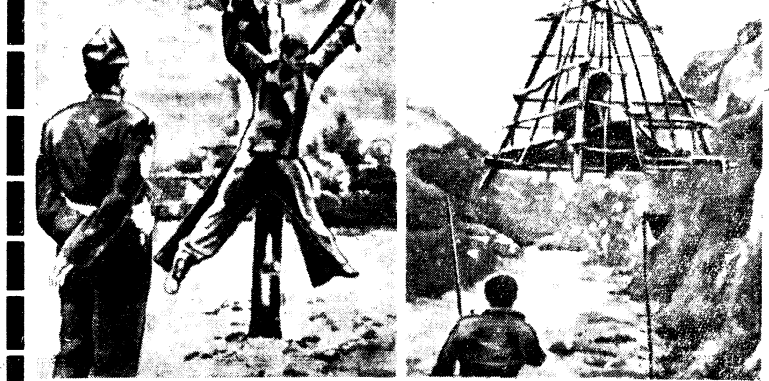
Однако продукция, выпускаемая «Комацу» для Советского Союза, не ограничивается перечисленной техникой.

— Ваши заказы во многом помогли фирме противостоять депрессии и избежать спада производства, который привел бы к увольнению рабочих. Мы с интересом ознакомились с «Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», в частности с разделом, посвященным размещению производительных сил в Сибири и на Дальнем Востоке. Мы надеемся, что наши машины составят хорошую службу строителям БАМа, на сибирских гидроэлектростанциях, Южно-Якутских угольных разрезах,— сказал Дзяйхико Кабуки.

— Судя по тому, как на XXV съезде КПСС обсуждались вопросы внешнеэкономической политики Советского Союза,— продолжал он,— сотрудничество фирмы «Комацу» с советскими промышленными и внешнеторговыми организациями будет и далее развиваться на основе взаимного уважения интересов, заботы об обоюдной выгоде. Взаимен строительной и иной техники Япония получит из Сибири и дальневосточных районов Советского Союза лес, уголь, руду. Затем станет получать готовую продукцию предприятий, которые возникнут вдоль БАМа и в других сибирских территориально-промышленных комплексах. Это и есть международное разделение труда, о котором говорилось на XXV съезде, — заключил директор машиностроительного завода фирмы «Комацу» Дзяйхико Кабуки.

Б. ЦВЕТОВ,
спец. корр. Советского телевидения и радио — для «ЛГ»
ТОКИО. (По телефону)

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ...



На этих снимках, взятых из американской газеты «Пипл уорлд», запечатлены моменты «особой подготовки» специальных подразделений бразильских войск. Такая «тренировка» — не что иное, как обучение ремеслу палача, с тем чтобы потом профессионально пытать людей, борющихся против военной диктатуры.

ПРОДОЛЖАЯ ТЕМУ

ИЗ УЧЕНЫХ — В СТОРОЖА

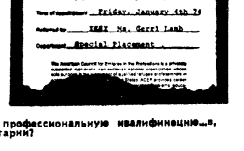
Американская газета «Дейли уорлд» опубликовала горькое признание еще одного бывшего советского гражданина. С. Б. Рабиновича. Физик по специальности, Семен Рабинович в течение 20 лет преподавал основы радиолокации в МВТУ имени Баумана. В результате пятилетних мытарств на чужбине он получил наконец в Нью-Йорке место... ночного сторожа.

Открытое письмо С. Рабиновича, помещенное на страницах газеты, рисует подлинную картину жизни людей разных возрастов и профессий, которых сионисты лживыми посулами убедили покинуть родину и, использовав их в своих грязных целях, бросили на произвол судьбы.

«Все мои старания устроиться в США на работу в научно-исследовательский институт либо на производство или куда-нибудь еще, — пишет Рабинович, оказались безрезультатными. Нью-Йоркская организация, занимающаяся обеспечением работой специалистов с высшим образованием, после неоднократных попыток подыскать для меня подходящее место рекомендовала согласиться на должность сторожа».

Бывший советский физик, «посвятивший всю жизнь науке», обнаружил, что в Америке «профессора, инженеры, врачи и другие представители интеллигенции не в состоянии найти работу по специальности». Как и многие другие эмигранты, Рабинович на собственном печальном опыте убедился в той очевидной истине, что «американские прислужники сионизма, подобные сенатору Г. Джексону, предлагают советским врачам, ученым и инженерам отправиться в Соединенные Штаты или Израиль мыть окна и посуду, собирать мусор и подметать улицы и нередко питаться объедками».

Это фасимиле рекомендательно й картины С. Б. Рабиновича на занятие вакансии сторожа. Карточка была выдана Американским советом по трудоустройству иммигрантов. В приводимом ниже тексте обращения, в частности, говорится, что данная организация «обеспечивает иммигрантам дальнейшую карьеру, гарантирует им возможность приобретения своего образования и повысить профессиональную квалификацию...».



Нужны ли комментарии?

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

КОННЭЛЛИ «СПАСАЕТ» ИТАЛИЮ

«Средиземное море — христианское море, которое безбожный коммунизм никогда не должен сделать красным при помощи удара своего смертоносного кулака». Глубокомысленное это заклинание прозвучало с амвона собора св. Петрика в Нью-Йорке из уст архиепископа Фланнелли. Обращено заклинание было к тогдашнему премьер-министру Италии Де Гаспери, прибывшему в США, чтобы запродать свою страну американскому империализму.

В тот момент Италия шла к первым в своей послефашистской истории парламентским выборам, и государственный департамент официально выражал «твердую надежду» на то, что в ней «будет создано демократическое правительство». Смысл этой волшебной формулы цинично растолковала тогда же газета «Ильи Корьере делла �иона», заявив, что Де Гаспери «всегда может рассчитывать на поддержку США в своем трудном маневре, направленном к тому, чтобы избавиться от коммунистов».

Маневр при столь мощной поддержке был осуществлен. Коммунисты, смело и последовательно выступавшие, как говорил Пальмиро Тольятти, за обновление Италии в смысле достижения большей социальной справедливости, вынуждены были выйти из состава правительства.

Когда началась предвыборная кампания, специально делегированный из Вашингтона в Рим некий «специалист по торговой рекламе» Орланди инспирировал такой «шедевр» политической провокации. Незадолго до выборов квестура города Пезаро опубликовала сообщение о том, что «многочисленные советские агенты, говорящие по-итальянски, которые высадились на побережье между Римини и Пезаро, прибыли в Рим, Милан и область Апулия с целью организовать там восстание. СССР направит им для раздачи итальянское оружие, оставленное в России итальянскими войсками в 1942 году. Учитывая это, просим принять меры к усилению бдительности в районе побережья...».

Истерзанную фашизмом и войной, голодную Италию шантажировали и экономически. Сам Маршалл, выдвигая свой план «спасения» Западной Европы, заявил, что Америка не станет оказывать помощь стране, которая голосовала бы за Народный фронт, учреждает «частную организацию, цель которой — разубедить итальянцев голосовать за коммунистов на выборах в следующем месяце». «Частники-антикоммунисты не то чтобы мялся от безделья. Он и по сей день фигура в американском истеблишменте — член Консультативного совета при президенте по вопросам разведывательной службы. Орган этот, кстати сказать, был создан, чтобы несколько уравновесить Центральное разведывательное управление, бесцеремонное и практически вмешательство которого во внутренние дела других государств, в том числе Италии, создало Америке столь одиозную репутацию.

Однако отец-основатель «Союза граждан за свободу Средиземноморья» не усматривает никакого противоречия между своей официальной и «частной» деятельностью. Его спросили, не выглядит ли его «частная организация» как орудие вмешательства в итальянские дела. Да, заявил он совершенно спокойно, «это, пожалуй, может быть названо вмешательством в их внутренние дела, но ведь вмешивались же мы в них в сороковых годах». И уточнил, что вовсе не намерен в этой связи покидать свой официальный государственный пост.

Не хватает Коннэлли только «булочки». Вместо нее он планирует «поездки в Италию представителей американского спорта, мира искусства и политических деятелей». Гастроли эти призваны «помочь... итальянцам лучше осознать преимущества демократического правления и предостеречь их насчет того, как рискованно и опасно оказаться под властью коммунизма».

В Италии пока еще не появились плакаты «Спасибо, Америка! Спасибо, Коннэлли». Зато этот деятель, давно и самозабвенно служащий и нефтяным, и военно-промышленным монополиям, действительно уже помог итальянцам кое-что лучше осознать. В особенности — осознать, откуда исходит угроза их независимости, политическому будущему страны.

Но мир сегодня, хотят того или не хотят коннэлли и ему подобные, совсем не тот, что во времена «холодной войны» и «доктрины Трумэна». И вершить политическими судьбами стран и континентов им уже не дано.

Виктор ЦОППИ

Главным «аргументом» стеклянных подчинения Италии Соединенным Штатам в те месяцы были знаменитая «бумпочки». Рядом с гнусными плакатами, изображавшими кинтерантов из Москвы», появились такие картинки: сказочно аппетитная белая булочка летит, словно ковер-самолет, над Атлантическим океаном и опускается над Италией. Под картинкой подпись: «Спасибо, Америка!». Из Соединенных Штатов было тогда отправлено в Италию десять миллионов писем, в которых эмигранты-итальянцы трафаретно уверяли, что «американская мука и хлеб — это что-то божественное», и умоляли своих родственников голосовать против коммунистов, «ибо иначе нас выгонят из США».

Антикоммунистическая истерия была вполне в духе начала «холодной войны». Президент Трумэн открыто угрожал, что в случае успеха на выборах левых сил, опасного, на его взгляд, для «свободы и независимости Италии», США «будут обязаны решить, какие меры им надлежит принять для поддержания мира и безопасности».

Без малого три десятилетия прожила с тех пор Италия, пройдя через множество испытаний, связанных в большой степени с зависимостью от США. Сегодня страна вновь на перепутье. Предстоящие досрочные парламентские выборы будут иметь большое значение для судеб Италии. Прогнозы тут неуместны и рискованны. Но уж совсем недопустимо давление на итальянский народ извне. А такой политический прессинг — опять же из-за океана — становится с каждым днем все очевиднее, все грубее.

Так, бывший губернатор штата Техас Джон Коннэлли, как сообщила газета «Вашингтон пост», объявил, что он Генеральному директору Би-би-си г-ну Ч. Карману пришлось отменить свой визит в Москву. Об этом сообщили многие радиоголоса, вещающие на Советский Союз. Приводилась и причина отмены, указанная в письме председателя Гостелерадио СССР С. Г. Лапина. «Полагаем целесообразным, — говорилось в письме, — отложить встречу, намеченную на 2 мая в Москве, до того времени, когда Би-би-си будет готова к развитию сотрудничества, обмену культурными и духовными ценностями на основе взаимного уважения и доверия сторон, как это и предусматривается Заключительным актом по итогам общеевропейского совещания в 1975 году в Хельсинки».

Г-н Карман в ответном послании и в своем интервью Би-би-си утверждал, что для него лично и для его сотрудников «редакторская свобода является неотъемлемым элементом британской демократической практики и полностью отвечает хельсинкским соглашениям».

Как же эта «демократическая практика» осуществлялась в редакционной жизни Би-би-си?..

Вот лишь несколько апрельских передач радиостанции, посвященных Советскому Союзу. Ни в одной из них мы не обнаружим даже намека на уважение и доверие к нашей стране, ее народу, ее культуре. В этих передачах «редакторская свобода» свелась к тому, чтобы попытаться опорочить советскую внешнюю и внутреннюю политику, внушить мысль об «экспансионизме СССР», «доказать», прибегая к помощи нескольких отщепенцев, будто «в СССР преследуют людей за их политические убеждения», «ограничивают религиозные свободы», «подвергают национальной дискриминации».

Своеобразие этой «свободной редакторской» манеры ощущалось, например, в комментарии Дороти Пикль, пытавшейся опорочить добрые отношения СССР и Франции и вещавшей: «Французская общественность в настоящий момент утратила доверие к начертаниям Советского Союза». Сказано это было накануне поездки в Париж А. А. Громыко, визит которого, как известно, успешно завершился и вновь подтвердил приверженность обеих стран политике разрядки. Но Би-би-си, естественно, не поправила и не опровергла госпожу Пикль.

Другая передача, но тот же почерк. Ленин, врач провокатор М. Гейман пытаются усилить антисоветскую пропаганду и декларирует: «Мы должны оказать давление на органы печати, на членов парламента, на дипломатов. Если мы не возьмемся за дело сейчас же, нас ждет та же судьба, что и советских политзаключенных». Тут уж прямой намек на то, что «советские танки вот-вот пересекут Ла-Манш», не говоря уже о мифе насчет «советских политзаключенных».

Или вопросы культурного обмена, прямо касающиеся хельсинкских договоренностей. Би-би-си откликнулась на постановку в Бристоле трех пьес советского драматурга А. Арбузова. И что же мы слышим? Вместо профессионального разбора — опять политическое окаянание. «В глазах Советского правительства, — произносил диктор, — творчество Арбузова является, вероятно, идеальным экспортом. Как он смотрит на жизнь? Что подвергает критике? Ответы на эти вопросы разочаровывают. Арбузов таивает больше, чем рассказывает...»

В Лондоне открылась советская фотовыставка. Чем она не хороша? А тем, по мнению «свободных» редакторов, что авторы фотографий являются членами Союза журналистов СССР и посему-де несвободны в своем творческом выборе.

Наконец, последний штрих: передача о пасквильной книге Солженицына, в которой кощунство переплетается с клеветой, злоба с ерничанием. У каждого советского человека может вызвать только гнев и возмущение это жалкая попытка опорочить святое для нас имя Ленина — основателя нашего государства, провозгласившего еще на заре Советской власти принцип мирного сосуществования. Сегодня этот принцип стал доминирующим в практике международных отношений государств с различным социальным строем. Он в значительной степени нашел свое выражение в хельсинкском Заключительном акте.

Если судить даже по перечисленным здесь примерам, то, сознательно, духа Хельсинки они отражают. Скорее наоборот — перед нами рецидивы того состояния, которое можно квалифицировать, как окопную болезнь времен «холодной войны». Хороша же «британская демократическая практика»!

М. МАКСИМОВ

РАДИОСТАНЦИЯ «ЛГ»

«БРИТАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА» И БИ-БИ-СИ

ШТРИХИ

БИБЛИОТЕКИ ТЕРПЯТ БЕДСТВИЕ

«Санди таймс» (Англия) сообщает, что инфляция самым пагубным образом отражается на библиотечном деле в стране. Повысившаяся стоимость книг при урезанных расходах правительства на субсидии библиотекам работала их в столь трудное положение, что они не могут удовлетворять спрос и интересы читателей. В качестве примера приведена одна из крупнейших — библиотека графства Бакингемшир, которая «терпит бедствие».

НОЧИ ПАРИЖА

«Экспресс» (Франция) под заголовком «Ночи Парижа: в ритуле вместе с полицейскими» опубликовал репортаж о преступлениях, которые совершаются в Париже почти каждую ночь. С 1974 по 1975 год количество ограблений возросло с 33 до 37 тысяч, угон машин — с 16 до 18 тысяч, нападения на людей и насилия — с 5 до 6 тысяч.

РОСТ САМОУБИЙСТВ

«Нойе Цюрхер цайтунг» (Швейцария) отмечает рост самоубийств в стране: в 1975 году — 1416 случаев. Впервые с начала 50-х годов эта цифра выше. Чем количество жертв при автокатастрофах. Психиатры связывают это с экономическим спадом.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ: МНЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ

Агентство Франс Пресс передает из Рима, что землетрясение, происшедшее в Европе в ночь с 6 на 7 мая, представляет собой необычное явление и имеет исключительно важное значение.

В кругах специалистов считают, что это землетрясение, возможно, является результатом столкновения того, что называют африканской плоскостью и евразийской плоскостью. Эти два континента, которые «плавают» на двух участках земной коры, видимо, сблизились друг с другом, и таким образом Средиземноморье оказалось как бы внутри сандвича. Считают, что евразийская плоскость является устойчивой, а африканская плоскость медленно перемещается к северу, зажимая в тиски мозаику мелких участков плоскости, составляющих Средиземноморье.

Полагают, что один из них, адриатический участок, который «подрезывает» Далматское побережье. Адриатическое море и восточную часть Апеннин, пришел в движение, высвободив таким образом огромную энергию, накопленную, может быть, в течение веков, и вызвав тем самым землетрясение.

В правлении колхоза: сложный вопрос...

Фото А. НАГРАЛЬНЯКА

КАРТИНА, ПЕРЕВЕРНУТАЯ ВВЕРХ НОГАМИ

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СТАТЬИ В АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЕ

А. ЛАУРИНЧЮКАС,
редактор газеты «Тиеса», председатель правления Союза журналистов Литовской ССР

Несколько месяцев назад в Вильнюс приезжала группа аккредитованных в Москве американских журналистов. Они выразили желание посетить редакцию «Тиесы». Мы посидели с ними за чашкой кофе, отвечая на вопросы, которые интересовали гостей. Прощаясь, гости мило благодарили за беседу, за то, что они узнали. Я попросил прислать мне номера газет, дабы проинформировать читателей «Тиесы» о том, что пишут американские журналисты, посетившие Советскую Литву. И вот недавно я прочел номер издаваемой в Бостоне газеты «Христиан сейенс монитор» со статьей Элизабет Понд «Взгляд на «Запад» Советского Союза», снабженной снимками. Прочитав эту статью, я был так удивлен и возмущен, что тут же сел за пишущую машинку.

Однажды, во время своего пребывания в США, я встретился с профессором социологии, который всерьез доказывал, что существуют лишь три критерия цивилизованности народа: количество дорог, годовых телевизоров и расходуемой зубной пасты. Об этих «критериях» я и вспомнил, когда читал упомянутую статью. Корреспондентка пытается охарактеризовать экономическую и культурную жизнь советских прибалтийских республик. Но как? Оказывается, Эстония отличается сегодня от других советских республик тем, что ее жители могут свободно смотреть телепередачи из Хельсинки и что в Таллине много восточных кафе. Латвия славится хоккейной командой, живописным взморьем и чрезвычайно вкусными пирожными. А Литва примечательна... аистами, которые улетают зимовать в Восточную Африку.

Ну что ж, в Таллине, действительно, восхитительные кафе, в Риге вкусные пирожные, а литовские аисты — поистине неутомимые путешественники. И — только!

Американцы любят цифры, статистику. Вот несколько цифр. За все двадцать лет господства буржуазии в Литве было подготовлено 303 инженера. Сейчас в 12 высших учебных заведениях республики занимаются 61 тысяча студентов. Только в Каунасском политехническом институте в годы Советской власти дипломы инженеров получили 28 тысяч молодых людей. Объем промышленной продукции в республике по сравнению с 1940 годом возрос в 46 раз. У нас выходит 119 газет и журналов на одном только литовском языке. Литовцы сегодня — одни из наиболее читающих периодику народов. Уровень культуры, уровень научных знаний о мире давно потеснил в сознании людей старые представления.

А вот Элизабет Понд пишет: «Литовцы по-прежнему остаются римскими католиками, невзирая на интенсивную атеистическую кампанию, проводимую Советской властью». Оказывается, она видела в воскресенье людей, направляющихся в костел. (Некоторые ранее приезжавшие с Запада журналисты писали, что в Литве все костелы закрыты.)

Верующие у нас есть, но слишком, мягко говоря, смело это обобщение — «литовцы». У большинства литовцев, сегодня образованных и широко мыслящих, есть еще и исторический счет к католицизму.

Инквизиторы римской церкви сожгли в Вильнюсе на костре атеиста Лещинскиса и многих других безвинных людей. В 1905 году церковники объединились с царскими жандармами против трудящихся, поднявшихся на борьбу за свободу и социальное равенство. Окончательно церковь лишилась доверия верующих в годы фашистской оккупации: многие ее служители стали активными прислужниками нацистов. Ксенда Игнатавичюс и многие другие благословляли убийц, расстреливавших тысячи ни в чем не повинных детей, женщин, стариков. Недавно газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала список военных преступников, бежавших от правосудия в США из стран Восточной Европы. Среди них и католический епископ В. Бризгис. Мы — помним...

А для части, оставшейся верующей, открыты костелы. И свидетельствует это лишь о реальности советской демократии, свободе совести и вероисповедания.

...Русские слагают песни о реке Волге, армяне — о горе Арарат, а литовцы — о Балтийском море. На берегах его люди ищут янтарь, наше золото. Из него делают украшения, сувениры. Кому литовец дарит янтарь, тому он дарит и свою дружбу, частицу своего сердца. Литовский народ, выдержавший жестокие испытания и вышедший на путь социализма, дорожит дружбой.

Гнев и брезгливость вызывают те места репортажа Элизабет Понд, где она пытается очернить идею дружбы советских народов.

И не где Понд, а возможным читателям Запада, людям не предубежденным, в только, может статься, неосведомленным, я бы хотел сказать вот что. Вместе с другими народами страны литовцы сражались под Орлом, в партизанских отрядах, освобождали Клайпеду и штурмовали Берлин.

Там, где прозрачные волны озера Друкшяй (Дрисвяты) с шумом плещутся о песчаные берега, сходятся земли трех братских республик — Белоруссии, Латвии и Литвы. У озера исстари бок о бок живут трудолюбивые люди: литовцы, белорусы, латыши. Долгие годы были они разделены искусственными барьерами государственной и национальной розни. А когда отгремела освободительная война, жители этих мест собрались и решили воздвигнуть здесь, на границе трех советских республик, гидроэлектростанцию и назвать ее — «Дружба народов». Наш поэт лауреат Ленинской премии Эдуардас Межелайтис долгие месяцы провел на этой стройке. Написал о ней «Братскую поэму».

Истоки нашей свободы, нашего счастья в семье советских народов — в революционной борьбе.

На здании Вильнюсского вокзала укреплена мемориальная доска с надписью о том, что в 1895 году Вильнюс посетил Ленин. Местная полиция знала о прибытии Ленина — она получила об этом сигналы — все же проморгала. Позже (как об этом свидетельствует рапорт Виленского жандармского управления петербургскому начальству) сыщики сообщили, что Владимир Ульянов в Вильнюсе заметен не был... Не заметили Ленина в Вильнюсе только агенты царской охранки. Зато его как дорогого гостя встретили вильнюсские социал-демократы.

Путь народов Прибалтики к сегодняшнему дню не был устлан розами — скорее, был усыпан терниями. Упорная борьба породила людей особого склада — ленинцев. Литовский народ никогда не забудет своих славных революционеров З. Алексу-Ангаретиса и В. Мицкявичюса-Капсукаса, латыши — П. Стучку и Ф. Розиньша, эстонцы — Я. Анвельта и В. Кингисеппа. В годы «независимости» буржуазные правители прибалтийских стран терроризировали, держали за решеткой лучших сыновей и дочерей латышского, литовского и эстонского народов.

Глашатаи буржуазии всячески рекламировали так называемую независимость. В действительности же все эти небольшие буржуазные республики — «лимитрофы» — находились в полной зависимости от западноевропейских стран, их экономики и политики. Во весь голос кричали в лимитрофах о демократии, а в действительности была введена фашистская диктатура, разогнаны парламенты. Промышленность и сельское хозяйство развивались черепашьими темпами. К 1940 году объем промышленной продукции в Литве по сравнению с 1913 годом возрос всего в 2,6 раза, в Эстонии — в 1,3 раза, в Латвии — даже уменьшился. А рядом — другая статистика. За годы Советской власти объем промышленной продукции в прибалтийских республиках возрос примерно в 40 раз.

Материальный, экономический подъем, социалистический наш путь — вещи настолько убедительные и прочные, что «опускаются руки» у наших вчерашних противников. Недавно бывший владелец двух ткацких фабрик Ф. Ундинайтис и Ф. Ингоф ауднийяй, ныне проживающий во Флориде, прислал через своего адвоката в Каунас письмо, в котором говорится, что он и члены его семьи... отказываются от своих прав на фабрики «Вунэ ауднийяй». Это, конечно, несколько наивно и театрально, но, впрочем, и — реалистично. Прозревшему открывается правда.

А вот как быть с незрячими?

Некоторое время назад в Литву приехали несколько зарубежных художников. Они ходили по кварталам старого Вильнюса, посетили и новые, современные жилые районы Жирмунай и Лаздинай, за которые архитекторы республики удостоены Государственной премии СССР и Ленинской премии. Перед отъездом они организовали для общественности выставку своих работ. Каждый художник избрал разные виды Вильнюса. А трое из них перенесли на холст одну и ту же узкую улочку старого города. Но каждый из них — житель Нигерии, Алжира и Бразилии — увидел по-разному уголок Вильнюса.

Но художники все же не опрокинули вверх ногами ни домов, ни прохожих. Журналистка из-за океана поступила иначе. Ее, «свою», видение Литвы — картина вверх ногами.

ВИЛЬНЮС

— Он тоже... родился слепым?
— Хуже: ему выжгло глаза на войне...

В. КОРОЛЕНКО,
«Слепой музыкант»

К. ГРИГОРЬЕВ *ОЧЕРК*

СВЕТ

Они выстояли в войну.
Они обрели себя и в мирные времена.
Вопреки беде, благодаря людям.

С детства судьба не баловала Дмитрия Цыганкова. Шести лет он потерял мать — в тяжелом двадцатом году. Затем умерли сестры. А когда в 1934 году скончался отец, двадцатилетний парень покинул родное село под Воронежем и подался в Среднюю Азию, где сменил профессию тракториста на профессию заводского механика.

На войне одинокому человеку легче, чем семейному, говорили на фронте. Говорили, правда, сами семейные. Нам, юным, этого было не понять, мы воевали, не ведая о таких житейских тонкостях. Может, именно это придавало лихости молодым. Во всяком случае, Цыганкова считали в батальоне человеком лихим и отважным. Собственно, командир взвода ПТР не может не быть смелым. Самый что ни есть передний край. И воевать не просто так с каким-то фашистом — с танком воюешь! А подбить его из противотанкового ружья не так-то просто: хоть оно и противотанковое, а все-таки... ружье. В таком деле, кроме смелости, нужны еще и выдержка, и хороший глаз.

Все это было у Дмитрия Цыганкова. А потом пропало в одно мгновение — и глаз, и выдержка. В декабре 1942 года под Сталинградом его ранило. Он так и не понял, что взорвалось — мина или снаряд. Но какое это имело значение? Он ослеп сразу. «Вот он — черный день», — подумал Цыганков. В медсанбате, когда вынули осколок из затылка, он спросил врача:

— Есть хоть какая-то надежда на зрение?

Тот тихонько похлопал его по плечу:

— Не унывай, лейтенант. Ты еще молод...

Когда Цыганкову и его товарищам по палате сообщили, что их начнут приучать к труду, они отнеслись к этому довольно равнодушно, если не сказать—скептически. Ну что может делать слепой, работавший когда-то трактористом? Или, скажем, механиком?

— А вы, ребята, попробуйте, попробуйте, — мягко уговаривал раненых «учитель по труду», как они его называли.

Начали пробовать. Клеили кулечки, вязали щетки, потом делали пуговицы. Дело вроде бы немудреное. Но как бы там ни было, а раненые незаметно для себя втягивались в работу, привыкали к рабочему ритму и — быть может, самое важное на том первом этапе — меньше стали думать о своем горе.

В госпитале люди сближаются быстро, особенно в войну: один общий враг, одна беда, и койки рядом, и ничего не видно, и только слышно по ночам приглушенный шепот... Цыганков уже знал, например, об уральце Иване Алексееве если не все, то почти все: как тот жил в деревне Хуторка под Челябинском без отца, который умер, когда Ване было пять лет; как окончил в городе Троицке школу в 1940 году и уехал в Свердловск, чтобы поступить в индустриальный институт. Поступил Алексеев на механический факультет и сразу попал в группу сварки — это считалось перспективной специальностью. А тут еще первокурсникам разрешили работать на производстве, и Ваня устроился на знаменитый «Уралмаш» — обрубщиком в литейный цех.

В первые же дни пошел в военкомат, записался добровольцем, получил направление в Кировское пехотное училище и уже через полгода командовал взводом.

Летом 1942 года на Волховском фронте шли тяжелые оборонительные бои. 5 июня (он на всю жизнь запомнил тот жаркий день) во время рукопашной схватки Ивана Алексеева ранило в голову. Окровавленного командира роты 146-го стрелкового полка 44-й Щорсовской дивизии вынесли с поля боя почти в безнадежном состоянии. В медсанбате сказали, что ему еще повезло: не у каждого пули, вошедшие в висок, каким-то чудом выходят через переносицу. Жизнь 19-летнему лейтенанту удалось спасти, но он навсегда остается слепым.

Другим госпитальным приятелем Цыганкова был двадцатилетний Аркадий Кузнецов из Днепропетровска, тоже, как и Алексеев, бывший студент, тоже лейтенант, тоже потерявший зрение в бою.

Особенно крепко сдружилась эта тройка, когда они поступили в музыкальный кружок, организованный здесь же, в глазном отделении госпиталя. Просто так, любопытства ради, решили попробовать научиться играть на баяне. Почему именно на баяне? Так совстовал руководитель кружка — а он считался опытным музыкантом и педагогом — профессор М. Гелис, заслуженный деятель искусств УССР. Он заведовал кафедрой народных инструментов в Киевской консерватории, эвакуированной в начале войны в Свердловск. Обнаружив у своих учеников способности и невероятное трудолюбие, профессор всерьез увлекся мыслью сделать из них настоящих профессиональных музыкантов. Вскоре ребята поступили в музыкальное училище при консерватории (училище открыло специальный филиал для незрячих инвалидов войны).

Только тот, кто сам учился музыке, знает, какое огромное расстояние отделяет новичка, впервые прикоснувшегося к клавишам, от музыканта, легко и свободно играющего с листа. Это относится но всем. Для слепого же человека такое расстояние удлиняется в несколько раз.

Простая, казалось бы, вещь — нотная грамота. Но как быть незрячему? Француз Луи Брайль, создавший известную азбуку для слепых, разработал и нагонись, построенную на комбинациях тех же шести рельефных точек. Здесь кстати будет упомянуть добрым словом этого замечательного человека, давшего возможность многим сотням тысяч слепых во всем мире научиться читать, сделавшего доступными для них величайшие произведения литературы и искусства. Сам слепой с трехлетнего возраста, Луи Брайль (1809—1852) в 20 лет разработал тот самый шеститочечный шрифт, которым пользуются уже полтора века. За буквами и цифрами пошли ноты, Брайль был не только талантливым педагогом, но и музыкантом...

Так вот, даже овладев брайлевской нотной грамотой, незрячий музыкант, чтобы разучить произведение, должен одной рукой «читать» нотный текст, а другой в это время — играть. Затем проделывать то же самое, поменяв руки, понимаете? И при этом непременно запоминать сразу же весь нотный текст. Я уже не говорю о прочих трудностях, связанных, например, с тем, что специалисты называют «первоначальной ориентировкой на инструменте». Или с тем, скажем, что любой музыкант, помимо основного инструмента, обязан освоить игру на фортепиано, а этот инструмент незрячим дается особенно трудно.

С каким же невероятным упорством учились наши лейтенанты, только-только вставшие с госпитальной койки, если за какой-то год они прошли едва ли не четырехлетний курс обучения! Они ни за что не достигли бы этого, если бы не появилась у них вера в свои силы, если бы все вокруг не старались создать им максимально благоприятные условия, если бы, наконец, им так подвижнически не помогали товарищи из Киевской консерватории. Подумать только — ради своих новых учеников профессор Гелис специально изучил брайлевскую нотную грамоту для слепых.

Алексеев, Кузнецов, Цыганков и другие уже мечтали о поступлении в консерваторию. Но тут возникло новое затруднение. Весной 1944 года стало известно, что Киевская консерватория возвращается домой, на Украину. А как же они? Оснований рассчитывать на переезд вместе с консерваторией у них не было — ведь они еще не студенты. К тому же Киев находился тогда в прифронтовой зоне и на въезд в него требовалось специальное разрешение.

И все-таки друзья решили попытать счастья. Через Свердловский горком партии они обратились с письмом в ЦК КП(б)У, рассказав всю свою «музыкальную историю». Вскоре из Киева пришла телеграмма такого содержания:

«СВЕРДЛОВСК ГОРКОМ ВКП(б) ВОЕННЫЙ ОТДЕЛ ИНВАЛИДАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ТАРАСЮКУ АЛЕКСЕЮ КУЗНЕЦОВУ ЦЫГАНКОВУ ЯШКЕВИЧУ

ПОЛУЧИЛИ ВАШЕ ПИСЬМО ЭТТ КОТОРОМУ ВЫ ПРОСИТЕ РАЗРЕШИТЬ ВЪЕЗД КИЕВ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ УЧЕБЫ МУЗЫКАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ ПРИ КОНСЕРВАТОРИИ ТЧК СООБЩАЕМ ЧТО ВЪЕЗД В КИЕВ ВАМ РАЗРЕШЕН И ДАНО УКАЗАНИЕ КИЕВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ СОЗДАТЬ ВСЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ УЧЕБЫ В КИЕВЕ».

...Спустя несколько месяцев в Киевском военном госпитале состоялся большой шефский концерт, который давали студенты и преподаватели Консерватории имени П. И. Чайковского. В концерте участвовали и первокурсники, а среди них — Тарасюк, Алексеев, Кузнецов, Цыганков и Яшкевич.

***

Сороковую годовщину Великого Октября я праздновал в селье Дмитрия Васильевича Цыганкова. Праздник совпал с днем рождения хозяина дома. Было очень много музыки, веселились от души, смеялись, и если бы все, что происходило у нас, записать на магнитофонную пленку, а затем воспроизвели,— едва ли кто-нибудь прослушал такую праздничную запись, обнаружил в ней нечто не совсем обычное. А между тем я был единственным из присутствовавших шести мужчин, кто мог не только все слышать, но и видеть.

Да, у Дмитрия Цыганкова собрались в тот ноябрьский день 1957 года его друзья, с которыми он не разлучался почти 15 лет,— бывшие соседи по госпитальной палате, бывшие однокурсники по музыкальному училищу и консерватории, нынешние коллеги. Сам хозяин, Дмитрий Васильевич Цыганков, был уже в то время директором вечерней музыкальной школы и преподавал в ней игру на баяне. Он представил мне гостей.

Аркадий Маркович Кузнецов. Преподаватель по классу баяна в той же школе.

Иван Адамович Яшкевич. Преподаватель оркестрового факультета Киевской консерватории имени П. И. Чайковского.

Андрей Яковлевич Тарасюк. Бывший летчик, по его словам, несколько отклонился от курса. Еще в консерватории Андрей Тарасюк обнаружил незаурядные организаторские способности, и его, активного общественника, коммуниста, направили на руководящую работу в Украинское общество слепых.

Иван Дмитриевич Алексеев. Знаете, есть люди, которые, за что ни возьмутся, непременно сделают так, что все вокруг только руками разводят: «Как это ему удается?». Вот такой Алексеев. В индустриальном институте в Свердловске учился только на пятерки. В футбол начал играть — пророчили будущее и на этом поприще. В стрелковом батальоне считался лучшим командиром роты. Консерваторию закончил с отличием. «Без всяких скидок на инвалидность» — подчеркнул профессор Гелис, его руководитель. Увлекся на первых порах после окончания консерватории исполнительской деятельностью — и, пожалуйста, стал солистом столичной филармонии, с успехом выступал в серьезных концертах. Захотел учиться дальше — закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию, став первым в стране кандидатом искусствоведения по специальности «баян». Начал преподавать в родной (он ее иначе не называет) консерватории и вскоре написал книгу «Методика преподавания игры на баяне», которая рекомендована в качестве учебного пособия для консерваторий и музыкальных училищ...

***

Только не подумайте, читатель, что все это досталось нашим героям так легко и просто. Трудно им было невероятно. Ну, допустим, когда учились, находясь в госпитале, там хоть не было у них никаких иных забот. А потом ведь пришлось начинать новую самостоятельную жизнь — без родных, в незнакомом городе, только что освобожденном от гитлеровцев, еще полуразрушенном. Пять слепых молодых людей, пять студентов, обычная стипендия, небольшая при тогдашней дороговизне пенсия инвалидов войны, продовольственные карточки, холодные комнаты в общежитии — вот, собственно, и весь быт...

Их никто не жалел, о жалости и речи не было, зачем же обижать людей. Но зато всегда уважали и поддерживали. То вдруг однокурсник разведал, что в пригородной Пуще-Водице остались «ничейные» дрова, которые фашисты заготовили себе на зиму перед тем, как их выгнали из Киева. Кто-то из профкома куда-то звонил: Алексееву и его друзьям разрешили взять несколько кубометров и даже транспорт организовали.

Так было не только на первых порах. Конечно, сначала им помогали просто как инвалидам Великой Отечественной войны. А потом еще и потому, что все вокруг видели, с каким рвением, с какой старательностью и подлинной самоотверженностью эти молодые, искалеченные войной люди работают. И специально написал слово «работают» вместо элементарного «учатся», потому что трудились они буквально до седьмого пота, не жалея себя. Утром и днем в консерватории, вечером — в общежитии, баян в руки — и часами напролет, до ломоты в спине, до того, что пальцы обеих рук немели, тогда уж принимались за теоретические дисциплины. Я спросил однажды, по сколько часов они занимались в сутки, и услышал в ответ: «Все время, кроме сна».

***

В дни 30-летия Победы мы по телефону поздравили друг друга с дорогим праздником и договорились встретиться. Не виделись почти 17 лет. Как там они?

Внешне Цыганков почти не изменился, выглядит так же моложаво. Живет уже не на Владимирской улице, где мы когда-то отмечали его день рождения, а в новой светлой и просторной квартире у самого начала бульвара Леси Украинки. По-прежнему преподает в вечерней музыкальной школе. Дочь Людмила закончила педагогическое училище.

— Работает воспитательницей в детском саду, вышла замуж, муж радиотехник, получили квартиру на левом берегу Днепра, в Березняках, воспитывают сына Валентина, — как всегда, скороговорки сообщает мне Дмитрий Васильевич.

— Значит, вы с Ксенией Потаповной уже дед и бабушка? Поздравляю! Выходит, скоро на пенсию? — спрашиваю я.

— Что вы! — запротестовал Цыганков.— Я еще на войной не хочу, хотя, по секрету, 60 мне уже стукнуло.

Заходил я на работу к Тарасюку. Еле пробился к нему, настолько занят. Так же энергичен, возглавляет все тот же отдел трудоустройства и культурно-массовой работы. От него узнал, что Кузнецов продолжает преподавать в музыкальной школе, а Яшкевич — уже доцент Киевской консерватории.

Об Иване Дмитриевиче Алексееве — снова разговор отдельный. Должен заметить, что на том давнем праздничном вечере, о котором я рассказывал, все друзья Цыганкова, за исключением Алексеева, были с женами и детьми. Иван Дмитриевич пришел тогда с молодой учительницей Матреной Савишиной, преподавательницей украинского языка и литературы в школе. Они познакомились незадолго перед тем, понравились друг другу, и тот вечер, как я потом понял, был в некотором роде еще и смотринами, хотя слово это, возможно, и не очень подходит для нашей ситуации. Впрочем, незрячие друзья Алексеева своим особым чутьем сумели хорошо «рассмотреть» невесту и дружно поддержали Ивана Дмитриевича, когда он рассказал им, что собирается жениться. Месяца через два, в начале 1958 года, они поженились.

— Поверьте, всем, что я сделал, я обязан Матре, — признался мне Иван Дмитриевич на семнадцатом году женитьбы.

Дела у него, как всегда, идут прекрасно. Уже несколько лет исполняет обязанности профессора консерватории, сочетая преподавательскую работу с научно-творческой. Его перу принадлежат десятки работ и книг, изданных в Киеве и в Москве, их объем превышает 250 печатных листов — это целая библиотека. Его ученики успешно выступают на всесоюзных и международных конкурсах, его воспитанники работают во многих музыкальных учебных заведениях страны. Коммунисты оркестрового факультета двенадцать лет подряд избирали его секретарем партийного бюро. С первых дней образования в Киеве народной консерватории, где в основном занимается рабочая молодежь, Иван Дмитриевич руководит в ней отделением народных инструментов. И еще у него масса всяких общественных забот. Как успевает?

— Встаю в семь утра, — рассказывает он. — С сыном и дочкой делаем зарядку и, независимо от времени года, не считаясь ни с дождем, ни со снегом, пробегаем с утра до трех километров...

Вот уж что было для меня полной неожиданностью. Оказывается, он начал заниматься бегом несколько лет назад, когда вдруг стало пошаливать сердце. Теперь чувствует себя хорошо, а выглядит просто превосходно. Живут Алексеевы в новом доме на Владимирской, и маршруты их бега пролегают по старым киевским улицам — Десятинной, Большой Житомирской и Владимирской горке... Но каково бежать по улице слепому человеку?

— А мы не спеша, трусцой, держась со Светой за руки, — объясняет Иван Дмитриевич. — Бегаем минут тридцать. На обратном пути даже полезными делами занимаемся, покупаем в гастрономе продукты, в общем, помогаем матери. После завтрака я немного занимаюсь с Леной — он учится на скрипке. Потом все разбегаемся по своим учебным заведениям: Алешка и Света в музыкальную школу-десятилетку, он в третий класс, она — в девятый; Мотя — в свою школу, она теперь преподает в десятом классе, а я — в консерваторию.

Он так и сказал «разбегаемся».

— А когда «обегаетесь»? — в тон спросил я.

— К вечеру весь личный состав дома...

Не так давно я был на одном концерте. В большой комнате выступал маленький домашний ансамбль, инструментальное трио: Алеша (скрипка), Светлана (фортепиано) и сам Иван Дмитриевич (баян). В репертуаре ансамбля — классика, современная и народная музыка, но самое интересное — это импровизации, причем музыку и слова сочиняет Света. Последнее ее произведение называется «День рождения мамы»...

***

Потрясенный каждой новой встречей с ними, я не раз задавал себе вопрос: что же было бы решающим, что более всего помогло им перебороть судьбу? Я думал о характерах этих людей, об их жизненной и фронтовой закалке. Вспоминал знаменитый рассказ Алексея Толстого «Русский характер». Безусловно, в моих героях много есть от этого «загадочного», как любят говорить на Западе, характера. Да и нельзя не восхищаться их мужеством, целеустремленностью, трудолюбием, непреодолимым желанием найти свое место в жизни! Но все таки главное — это, пожалуй, то, что и тогда, в тяжкие для них годы военного лихолетья, и сегодня, когда каждый из них достаточно крепко стоит на ногах, уверенно ходит по земле («И даже бегает», — добавил бы с улыбкой Иван Дмитриевич Алексеев), они продолжают постоянно ощущать внимание к себе.

КИЕВ

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ НАШЕ НАСТРОЕНИЕ?

«От чего зависит наше настроение!» Тема эта не новая, «ЛГ» не раз публиковала материалы, посвященные ей. Читателям, вероятно, запомнился опубликованный года назад документальный рассказ Василия Шукшина «Алеша». В редакционной почте нередко встречается ссылка на эту девяностую публикацию «ЛГ». Авторы писем вспоминают рассказ по большей части под впечатлением только что перенесенной обиды, испорченного настроения и настоятельно советуют редакции продолжить обсуждение проблемы.

Дело не только в том, что грубость ранит людей и способна отравить радость жизни. Испорченное настроение становится и материальным фактором, который неблаготворно сказывается на нашей готовности самоотверженно трудиться, отрицательно влияет на наши производственные успехи.

Сегодня мы публикуем ряд материалов, с разных сторон рассматривающих важную проблему. Речь идет о культуре общения. Прежде всего это касается тех областей нашей жизни, где человеческие контакты составляют существо работы. Обращаясь к работникам отраслей промышленности, производящих товары народного потребления, торговли, общественного питания, сферы обслуживания, Л. И. Брежнев сказал на XXV съезде КПСС: «...От вас, от вашего труда во многом зависит и благосостояние, и настроение советских людей».

ПИСЬМО К РЕДАКТИРОВАНИЮ

ПРИВЕТЛИВОЕ СЛОВО

Кто будет спорить, что лечит не только лекарство, но и добрая улыбка, чуткое отношение!

Уверены, что в нашем микрорайоне нет человека, который плохо отозвался бы об участковом враче 1-й Любецкой поликлиники Раисе Алексеевне Смирновой. Многие величают ее ни иначе как «наш домашний доктор». Раиса Алексеевна не просто грамотный, любящий свое дело специалист, она — сама отзывчивость и сердечность. Вот уже который год эта милая, доброжелательная женщина в любую погоду по первому вызову спешит в 115-й квартал нашего города. А к нивалидам войны и труда заходит и без вызова. Она совсем не считается с личным временем — иногда заглянет к просто так, поговорить. Спросит про семью, детей, дела на работе. Бывало, поможет не только медицинским, но и житейским советом, развеет дурное настроение.

Нельзя не сказать доброго слова и о медсестре нашего участка Евгении Степановне Ветровой. Своим вниманием к больным, чуткостью и обходительностью Евгения Степановна заслужила большое уважение пациентов. Она задолго до начала приема у врача приходит в поликлинику, охотно помогает больным оформить какие надо документы. Тяжелобольных навещает дома. «В любую квартиру, — говорит Евгения Степановна, — иду как к хорошим знакомым».

В конце письма хочется сказать, что если бы всюду — и в автобусе, и в столовой, и в обувной мастерской — в общем, всюду мы встречали бы таких людей, настроение наше никогда бы не омрачалось.

С. ЛАПТЕВ, Л. БОДРОВА, А. БАБАЕВ

ЛЮБЕРЦЫ

Олег ДМИТРИЕВ

НЕЛЕПЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Странные метаморфозы на моих глазах происходят с такси, доставляющими пассажиров из столицы Крыма к его лазурным берегам!

В течение десяти лет, почти ежегодно, я, как и многие другие писатели, приезжаю в гостеприимный Дом творчества имени А. П. Чехова, расположенный над центром Ялты, на возвышенности, где ветер с моря и ветер с гор, встречаясь, образуют замечательный микроклимат, в котором так хорошо дышится и работается. Короче, я «алтинец» со стажем.

О, я застал еще те благословенные времена, когда бледнолицых северян встречала на привокзальной площади шумная толпа загорелых таксистов! Все быстро рассаживались по машинам и разъезжались, кто куда, но все — к солнцу и великолепию Южного берега! Веселые были поездки — водители рассказывали местные новости, не забывали показать новичкам место, где был ранен Кутузов, и екатерининский профиль на горе под Алуштой. Если компания собиралась разная, водитель завозил каждого в его санаторий, умело составлял маршрут по Ялте. Платили мы по трешке, государство получало свои полновесные 9—10 руб. (если с развозом); кое-что, вероятно, оставалось и любезному шоферу, по немногу, дачу на эти деньги не построишь. Но, главное, повторяю, все были довольны, и радостное ощущение — я же в Крыму! — ничем не омрачалось в не столь давние те годы.

Эти простые, годами складывавшиеся отношения пассажира и такси устраивали, оказывается, не всех. И вот, прочитав однажды, я стал свидетелем того, как первые плоды чьих-то забот о нас, отдыхающих, упали к нашим ногам.

Ничего нельзя было понять в этот раз на площади! Стояли десятки свободных машин, но могли они ехать в Феодосию — и только в Феодосию! В Севастополь — и только в Севастополь! А наш поезд, как на грех, привез людей с путевками в Гурзуф, в Ялту! Только машин, приписанных к Ялте, как раз и не было... Но тогда еще была робость в планах перестройки таксомира, и, продержав нас в волнениях полтора часа, диспетчер послал ряд машин с других направлений на Ялту. Ехалось не столь весело...

Через год такой гуманный поступок был уже невозможен. Только теперь безнадежно метались по площади «севастопольцы» и «евпаторийцы», а «ялтинцы» мгновенно уезжали — мало нас было, на счастье!

А еще через два года, уже не к ногам моим был брошен очередной плод преобразований: меня он больно ударил по ноге, причем незадолго до этого сломанной. Кое-как, опираясь на палку, с чемоданом и пишущей машинкой в руках, дохромал я до стоянки и как-то не обратил внимания на то, что теперь у скверика стоит будка, что в будке сидят три женщины, а не одна — диспетчер, и что мне надо было платить деньги в кассу и получить какую-то квитанцию. Нас образовалось четверо, мы скинулись по два двадцать и тронулись себе в путь. Водитель молча поглядывал на дорогу и, предчувствуя будущее, разговор с пассажирами не очень поддерживал.

Когда такси затормозило у Ялтинского автовокзала, мои попутчики вышли, водитель открыл багажник, а я остался на переднем сиденье. Стыдясь собственного голоса, шофер сказал: «Выходите... Дальше мне ехать нельзя».

Нелегко было ему, но поднес он, добрый малый, мои вещички до городской стоянки и по дороге рассказал, что уважаемое начальство в целях недопущения присваивания таксистами чаевых строго-настрого запретило им даже на один километр превышать расстояние от Симферопольского железнодорожного вокзала до Ялтинской автостанции! Сжалился над хромым, спасибо ему, какой-то левак, завез меня на любимую горку и положил себе в карман рубль, который вполне могли бы получить государство...

А через три года я поправился и, слава богу, мог бегать. Это обстоятельство выручило меня, ибо новообразованный институт кассиров, контролеров, диспетчеров требовал не только материального обеспечения с таксомоторной стороны, но и особого уважения со стороны нашей, пассажирской.

В марте позапрошлого года, ввиду того, что запретили в Ялте межгородским таксомоторам подъезжать к месту обитания заказчиков, я машину не заказал, а просто явился на автостанцию за три часа до отхода поезда «Крым» от симферопольского перрона и с глубоким удивлением узнал, что машин на Симферополь нет и больше сегодня не будет. Годели, размахивая руками, обладатели железнодорожных билетов. Ничто не действовало на молодую женщину с каменным лицом.

И вдруг возник человек в кожанке.

— Машенька (за точность имени не ручаюсь, только — за ласкательный суффикс), давай я в Симферополь сгоняю! Я план не выполнил! Я тебе план привезу!

И воспрянули мы духом. Да только окинула шофера Машенька взглядом, каким одаривают межеумков или детей недоразвитых, когда приносят они бог знает какую ахинею:

— А ты что — вернешься к семи? — спросила она, зная уже ответ.

— В 19.30 вернусь! — удрил себя в грудь таксист.— Самое позднее — без четверти восемь! Я тебе план привезу!

— И, значит, я буду в субботу лишних сорок пять минут тут в будке торчать, тебя дожидаться?!

Что было дальше? Четверых подобрал левак за двадцать рублей, а мы с каким-то парнем бросились на верхнюю дорогу. Взял нас водитель «МАЗа», едущего в Керчь. Да медленно идет «МАЗ»!

Обгоняли его легковые, и мучительно детит в число оставшихся километров на число оставшихся минут. Переживал за меня и водитель, честь ему за то, что поехал он со мной на Симферополь, когда ребята из его колонны решили изменить маршрут и пойти на Керчь другой дорогой — через Судак.

И осталось пятнадцать минут, и встал перед нами гигантский знак на черте города, и подумал я, переводя дыхание: успел!

Но шофер затормозил: грузовому транспорту не было пути дальше. Только в объезд. Я выбежал на шоссе и вскочил в случайное такси. Сам знаю, как смешно в некоторых кинокомедиях выглядят герои, бегущие за уходящим поездом! Особенно актер в «Сердцах четырех». В жизни это совсем невесело, да впрыгнул я в такси в тронувшийся состав, все же преодолел поставленные передо мной препятствия!

Но, когда отдышался, подумал: да есть ли вообще предел изобретательности? Оказалось, что нет...

Последнее дерзание нынешних таксомоторных лей — управляющего «Крымпасавтоуправления» В. А. Колодия и директора симферопольского таксопарка Д. Ф. Мурашко, датированное серединой марта сего года, до сих пор еще не осмыслено мною до конца. Вот оно вкратце.

С межгородских дорог сняты такси индивидуального пользования. На автовокзалах Крыма установлены сроки отправления машин: два — четыре старта в час, до 17, кажется, часов. Люди берут билеты, как на кинофеанс, а ежели никто не берет билет, скажем, на 15.30, машина уходит в другой город пустая, и водитель не имеет права взять никого по пути, даже если с предыдущим такси случится авария и его пассажиры будут лишены возможности двигаться дальше, на нашего блага. Но почему, собственно, каждый пассажир должен отдавать рубли на эти эксперименты? И почему государство должно из своего кармана платить за возведение и снос диспетчерских будок, за снятие счетчиков: ведь поснимали их, дабы не спрашивали пошепленника четверка клиентов, через Севастополь получено 17 рублей, а прибор показывает менее 9 рублей?.. Сколько стоит хотя бы один счетчик?

С годами в литературе выкристаллизовался образ новатора, изобретателя, преобразователя. Это человек, не жалеющий для воплощения идеи своего личного времени, своих личных средств и уж, во всяком случае, разумно тратящий государственные. Человек, который семь раз отмерит, а уж потом отрежет. Человек, который никогда не ставит опытов на живых людях... Здесь же во всем поступают как раз противоположно!

Не знаю, дает ли последний «эксперимент» ощутимую пользу. Сомневаюсь, что от порожних и полупорожних рейсов выиграет государство. Может быть...

Хотя — нет! У нас принято говорить: «Государство — это мы!» А мы от этого эксперимента только проигрываем. Эксперимент увеличивает наши затраты и материальные, и физические, и нервные. И все эти затраты идут на покрытие ущерба от воплощения в жизнь весьма мизерной идеи — как бы водитель не присосеживал к своей зарплате лишние, левые, что ли, деньги! (Хотя их получать будет частник, не увеличивший пока ставку — по три рубля с носа! И пойдут в его раскрытые объятия люди, экономя свои рубли!)

Не спорю, есть среди таксистов крохоборы, вымогатели, нечистые на руку люди. Но, проводя свой «эксперимент», руководители крымского такси ориентируются именно на них, на худших, подгоняя под эту мерку всех остальных асов крымских дорог. Ни от одного из них я не слышал слов одобрения. Неинтересно стало работать на трассах. По сути, шофер такси превратился в водителя автобуса*: от сих — до сих, от срока — до срока. График построен так, что порою шофер обедает не раньше, чем через 6—7 часов после завтрака. До и ужину набило объяснять каждому курортнику, почему все хуже и хуже обслуживаются пассажиры в Крыму!

О пассажирах особо. У нас с В. А. Колодиным и Д. Ф. Мурашко разный взгляд на клиента таксопарка. Для них — это некто среднеарифметическое: лишенное пола, возраста, индивидуальности существо, вроде того человечка, которого рисуют на знаке переходу. А потому все ниточки! Но я литератор. Для меня каждый человек — личность, индивидуальность. Я вижу, как таксист высаживает из машины на автовокзале не пассажиров-единицу, а старика, инвалида, женщину с грудным ребенком — пусть дальше добираются в меру своих сил и везения. Я вижу жителя Гурзуфа, которого добрая или горькая весть срочно требует, скажем, в Киев — вместо того, чтобы вызвать такси по телефону или, проголосовав на дороге, сесть в попутную машину, он должен ехать в Ялту, пятнадцать километров в обратном направлении, и там уповать на бога: может быть, не все билеты проданы на последние автосеансы?!

Предвижу резонный ответ: на этой трассе ходят автобусы, троллейбус. Но, во-первых, это гораздо медленнее, а во-вторых, цель руководителя предприятия, связанного с бытом, заключается не в переадресовке клиентуры в соседние организации, а как раз наоборот, в привлечении ее к себе.

Говорят, только один пассажир одобрил нововведение: он, то ли в шутку. Больше ничего хорошего по адресу такси я не слышал в Ялте — ни на набережной, ни в столовых, ни на автовокзале. А говорят много, и с возмущением. Особенно местные жители. Нам, приезжим, плохо, да терпимо: съездил раз в году туда — обратно, и все. А сколько раз в году надо побывать ялтинцу в Симферополе и симферопольцу в Ялте? Не два и не десять...

Я не стал записывать имена недовольных таксистов и встревоженных клиентов, призывая их в свидетели: свидетельствую сам. Но вот, узнав о том, что я буду писать статью о крымском «таксоэксперименте», меня попросили приоткрыть свое глубоко возмущение происходящим старые «ялтинцы» на Доме творчества Литфонда СССР — Анатолий Баранов, Владимир Дудинцев, Павел Федоров, Василий Федоров и Григорий Виеру... За день до меня уезжала писательница Лариса Федорова — видели бы вы, в каком состоянии! Сначала она заказывала городское такси — до автовокзала... И уж здесь перезвонить представителям ялтинского автосервиса: «Заказать такси? На завтра? Звоните завтра!.. На пятнадцать часов? Звоните за три часа!.. Звоните за час!.. Да что вы волнуетесь? Звоните за 10 минут! Будет!» Им было весело...

Верю — поляри на все это Антон Павлович Чехов, многие годы своей жизни проведший в прекрасном Крыму (чем Крым, и в частности Ялта, справедливо гордится), не одобрил бы он дерзаний транспортных товарищей из Симферополя, и прежде всего потому, что дерзания эти не гуманны, не справедливы. Они унижают и обижают людей.

Суммируя все вышесказанное, я обращаю к руководителям таксомоторного хозяйства знаменитый возглас человека из чеховской пьесы:

— Про меня забыли...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Мастер похвалил...

Фото А. ГАЛАГОЗЫ

ОБЫКНОВЕННАЯ ГРУБОСТЬ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФАКТЕ

Любовь ЮНИНА

В КАБИНКЕ телефона-автомата стоял, привалясь к стене, патлатый парень в распахнутой куртке. Из-за неплотно прикрытой двери слышался голос:

— Угу... Ну?!. А ты?.. Ого!..

Разговор явно затягивался, и очередь начала проявлять нетерпение. Особенно волновались молодые супруги, стоявшие первыми. Женщина легонько постучала монеткой — без результата.

Наконец парень подчеркнуто не спеша вывалился из будки и спросил грубо:

— Ну, чего расстучалась? Подумаешь, цаца!

Муж молодой женщины рванулся к нему, но руки его были заняты «авоськами», в одной белели яйца. Он стал совать сумки жене, однако та не брала — опасалась, видно, что начнется драка. Тем временем парень, оседлав тележку, прыгнул в отходивший троллейбус и уехал.

Разгневанный муж набросился на жену:

— Дура! Идиотка! Почему не взяла сумки? Я бы показал этому хаму!

Очередь весело улыбалась неожиданному повороту событий. Только пожилая женщина покачала головой:

— По-моему, не смешно. И все, кажется, поняли, что действительно не смешно — во всяком случае, улыбки исчезли. Я же подумала, как горько, наверное, сейчас на душе у молодой женщины: ни за что, ни про что ее обидели два человека (мужчины — женщину), и один из них — самый близкий...

Обычная, в общем, история заставила меня вдруг задуматься о привычных вещах, к которым все мы почему-то притерпелись.

В самом деле, что такое грубость? В. И. Даль характеризует слово «грубый», как «жесткий, черствый». Он пишет, что показатель-то грубого человека — неучтивость, дерзость, обида».

И в самом деле, грубость многолика, она не всегда выражается бранным словом, невежливостью, она может быть и поступком. Корень ее — в черствости души человека, бессердечье.

Мне понадобилось заменить в кухне линолеум, и я отправилась в контору по ремонту квартир.

— Перестелим, — сказала безразличным голосом приемщица, — выбирайте материал.

Выбрала. Приемщица выписала счет и сказала:

— Теперь идите в сберкассу, оплатите и принесите мне квитанцию.

— А почему нельзя заплатить вам? Это же сколько времени надо: в сберкассу, потом опять к вам...

— Нельзя. Порядок такой.

Я пошла в сберкассу, так и не поняв, почему порядок такой. Когда мы покупаем кастрюлю, пальто, мебель, у нас принимают деньги на месте — не посылают предварительно в сберкассу.

Когда я принесла квитанцию, приемщица сказала:

— Придете через две недели. Сейчас все мастера заняты на других объектах.

Две недели растянулись на два месяца, потому что кончился выбранный мной линолеум. Наконец настал долгожданный момент: были и мастера, и материал. Но оказалось, что теперь мне предстоит еще один визит,— надо было идти к прорабу подписать наряд.

— Побыстрее, а то кладовщик уедет на базу, а потом уйдут рабочие.

Прораб оказался элегантный, величавый мужчина. Он сидел за столом и просматривал бумаги. Напротив сидела женщина и тоже листала бумаги.

— Подпишите мне, пожалуйста, наряд,— попросила я, извинившись.

— Подождите,— ответил он не глядя.— Я занят.

— Мне только подписать... Мне сказали, что кладовщик скоро может уйти, а рабочие ждут,— суетливо говорила я и поймала себя на мысли, что страшусь величавого прораба.

— Подождите, — с холодной выразительностью повторил он.

Я ждала около получаса. Наконец он позвал меня. Я протянула наряд, он, не читая, в мгновение ока поставил красивый росчерк и крикнул куда-то в коридор:

— Кладовщик где?

— Увезла за материалами,— откликнулись из коридора.

— Зайдите через два часа,— вполне любезно сказал прораб.

— Я не могу,— теперь я едва сдерживала гнев.— Мне пора на работу. Почему вы мне сразу не подписали? Я же сказала вам, что кладовщик собирается уезжать.

— Я был занят.

— Но ведь это одна секунда! А теперь... Почему вы не считаетесь с временем своих клиентов?

Прораб смотрел на меня, как на динозавра — столько изумления было в его светлом взоре. О чем я говорю? О времени? Своем времени? А какое ему дело до этого? Все это я прочла в его взгляде. Повернулась и пошла прочь, чуть не плача.

Он не сказал мне ни одного невежливого слова, но разве он не был со мной истинно груб?

Когда пришли, наконец, мастера, я обо всем забыла и возликовала. Все мытарства позади. Но дудки, рано я радовалась.

— Хозяйка, — сказали мастера,— с вас три двадцать.

— За что? — спросила я.

— Газовую плиту надо поднимать, иначе под нее материал не подсунешь.

Они были правы: иначе линолеум не постелишь.

— Почему в конторе мне ничего не сказали? Разве там не знали об этом?

Наконец работа была сделана, рабочие ушли. А через некоторое время я почувствовала в квартире легкий запах газа. Открыв на всякий случай окно, я пошла в ставшую мне уже ненавистной контору к величественному прорабу с перстнем.

— Никаких претензий по поводу газа контора не принимает. Вы с мастером договаривались частным образом. Вы ему заплатили?

— Да, — виновато призналась я.

— Разве вы не знаете, что без представителя Горгаза и плита прикасаться нельзя? Теперь вас оштрафуют на десять рублей.

— Но ведь я делала заказ на перестилку пола в кухне, понимаете, в кухне, а не в комнате. А в каждой кухне обязательно стоит плита. Почему меня не предупредили у вас, что нужно вызвать газовщика?

Снова, как в прошлый раз, я почувствовала себя динозавром — так он удивлялся моим речам. Потом прораб весь ушел в свои бумаги и словно стену воздвиг между мной и собой. И я отправилась за газовщиком, готовясь к суровой каре Горгаза — штрафу в десять рублей.

Вы скажете, что прораб просто бюрократ и что вся эта история не имеет к нашему разговору никакого отношения. Но разве бюрократизм не разновидность грубости — черствости? Грубость не только отборная брань или брань вообще. Можно грубить, соблюдая внешние приличия. Грубость — это неуважение к другому, наплевательское отношение к его личности, к его интересам, грубость — это эгоизм, жестокость. Не напрасно Даль толкует грубость как жестокость.

Но откуда она берется?

Недавно на заседании родительского комитета одной школы разбирался поведение восьмиклассника Вити. Подросток перешел в школу только в этом году, и сразу учителя стали ругаться: дерзит, сквернословит. А наконце преподавательницу литературы обозвал дурой.

Для школы это было ЧП. Пригласили Витиных родителей. Пришла мать, молодая хорошенькая женщина.

Вызвали Витю. Вошел тонконький, светлоглазый и светловолосый мальчик с девичьим румянцем на нежном лице. Как-то даже не верилось, что этот ангел может дерзить и обозвать учительницу дурой. Но ангел дерзил и родительскому комитету, а потом повернулся и ушел. Директор спросил мать:

— Дома он тоже такой грубый?

— Ужасно, — заплакала мать. — С детства он такой. Характер у него отцовский. Я уж и лупила, и ругала его — все без толку.

— Скажите, — спросил директор, — а на каком языке вы разговариваете дома?

— Как на каком? — не поняла мать. — На русском, конечно. Ну, в семье все бывает... Сами понимаете... Когда ссорятся, слов не выбирают.

— Не понимаю, — сказал директор. — Если взрослые грубы друг с другом, то как могут себя вести дети? Витя ваш оскорбил учительницу. Из-за этого у нее был сердечный приступ. Теперь я не знаю, кого винить — вас или Витю?

Женщина молчала, опустив голову...

Вот откуда берется грубость — из родительского дома и начинается с воспитания. Дело даже не только в том, что все мы — родители и учим наших детей искусству жизни. Наши собственные дети могут быть хорошо воспитаны, но каждый из нас участвует в воспитании и вполне определившихся взрослых людей тем, что терпимо относится к разнообразным проявлениям грубости. Часто ли мы одергиваем зарвавшихся? Чаще всего проглатываем обиду, наивно полагая, что в этом заключается хороший тон. А если обижают других и обижаемый человек посторонний, то мы даже философствуем, успокаиваем: дескать, не обращайте внимания на грубияна — это у не по внешнее, а человек он добрый, хороший.

Но грубый человек не может быть добрым и хорошим, поскольку качества грубого человека — «неучтивость, дерзость, обида».

«ВОЛГА», как меня слышишь? — надрывается рация. — Даешь бетон, «Волга»! Даешь бетон, говорю!.» — «Слышу, слышу! Даю...» Идет бетон, и это значит — набирает темп Чебоксарский тракторный. И за первой очередью скоро вступит вторая, и мощные трудяги — промышленные тракторы разнесутся по стране, чтобы прокладывать трассы, возводить заводы и города...

«Волга» дает бетон!

Тут же, неподалеку, — палаточный городок. Сейчас он пустует. Летом его заселит веселое племя студентов. ЦК ВЛКСМ объявил Чебоксарский завод промышленных тракторов Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Есть у строителей и Дом культуры, и библиотека, куда отнюдь не поступают в дар тысячи книг, стадион и физкультурные залы, танцплощадки, где молодежь стройки и студенты проводят досуг. Студенческие отряды каждое лето помогают строителям, не чураясь никакой, даже самой «грязной» работы и не требуя для себя скидок, льгот и комфорта. Не за комфортом они едут сюда, что верно, то верно, но должны же, однако, хозяева позаботиться о своих добровольных помощниках?! И они позаботились: на высоком волжском берегу временно выделен большой участок, чтобы на нем разместить самое необходимое для быта и отдыха студентов. Баня — прежде всего.

Я долго искал эту баню, тщетно блуждая по заснеженным опустелым дорожкам, мимо бараков и времянок. Домики были ветхие, наспех сколоченные, через разбитые стекла внутрь намело снега, непрочные фанерные листы покоробились, прогнулись, прогнили... Зато рядом, чуть на отшибе, вызывающе красовался двухэтажный кирпичный дом — с лоджиями, балконами, галереей. «Профилакторий» — гласила дощечка, прибитая возле входа. Огромная овчарка рванулась, преградила мне путь, залилась злобным, пронзительным лаем.

Баня пряталась в зарослях ивняка, напрочь скрытая сверху от постороннего глаза. Чтобы к ней подойти, пришлось спускаться по крутой обледенелой лестнице — около сотни ступенек. Как раз в этом месте река образовала уютную бухточку — миниатюрная банька современной постройки служила ей украшением. Крытые лаком доски ценных пород отливали медью в лучах заходящего солнца. Резные наличники, декоративные фонари и ручки из кованого железа, кокетливое крылечко причудливой формы прелестно вписывались в пейзаж, а воображение легко подсказывало, как гляделась эта игрушка летом, утопушая в зелени, у самой кромки песчаного пляжа, на которой набегает волна.

Я вошел в «санпропускник» (такая табличка висела над дверью бани), вошел — и ахнул. Холл с камином, баром, полатями, застланными коврами... Массивные висячие подсвечники ручной работы... Панно и роспись на стенах... Отделанная кафелем и мрамором крохотная парилка... Хозяева постарались на славу, позаботились о студентах, создали им этот райский уголок для отдыха и здоровья.

Создали-то создали, но не им.

КОГДА учреждению или организации выделяют участок, всегда оговаривают, для чего он дается, на какой срок. Но руководители пятого стройтреста, став «хозяевами» земли, почему-то решили, что они — хозяева без кавычек. Что не для студентов им дали этот участок, а для них же самих. Не на пять только лет, а навечно. И что делать они могут на этой земле все, что хотят.

А хотели они не так уж и много. Впрочем, не так уж и много: пожить в свое удовольствие, с комфортом, с размахом, душой отдохнуть и телом, благо место чудесное, пейзаж — дух замирает, а возможностей «наладить быт» сколько угодно — и денег полно (государственных, разумеется), и материалы без всяких ограничений, и рабочие руки. Отдать только приказ — умельцы и мастера исполнят любую на прихоть, искренне полагая, что делают полезное, нужное дело. Откуда им знать, что их обманули и заставили строить «не то»?..

И действительно — на территории студгородка выросло совершенно «не то». Неподалеку от палаток и бараков, где по-прежнему, ни на что не жалуясь, ничего не требуя, летом живут студенты, с неслыханной быстротой возникся солидный каменный дом со всеми удобствами — для отдыха глаз ему дали скучное имя «профилакторий». Комфортабельные квартиры с видом на Волгу пять дней в неделю стояли запертыми на замок, дожидаясь хозяев. Те приезжали по субботам и воскресеньям, заряжались здоровьем, созерцали природу под вакхальные напевы и звон граненых стаканов (хрустальных не завелось). И опять-таки профилактории шли вечером в «финскую баньку», которая по всем документам считалась студенческим санпропускником.

Говорят, нелепые эти названия — «профилакторий», «санпропускник» — доставляли гулякам особенно много веселья. Было поистине что-то забавное в контрасте вывески и интерьера — «формы» и «содержания»... Контраст был особенно разителен для непосвященных — сюрприз, которым хозяева угощали гостей, обошелся государству в несколько сот тысяч рублей.

Именно так: в несколько сот тысяч! Когда прокуратура подсчитала веселые эти убытки, оказалось: только «профилакторий» стоил без малого двести тысяч. Да еще «баньку» — почти пятнадцать. А расходы, туманно названные «другими», составили почти полтораста... «Фактически палаточный лагерь — настоящий лагерь, — было сказано в обвинительном заключении, — постепенно превращался в курортную зону для руководства стройтреста и почетных гостей, причем впоследствии этот лагерь уже полуофициально стал именоваться в тресте «базой отдыха руководящего состава»...

БЫВШИЙ управляющий стройтрестом Гурин пришел ко мне во время перерыва судебного заседания — безупречно одетый, элегантный мужчина, светловолосый и голубоглазый, с чуть заметной, милой улыбкой. Идет процесс, но он не под стражей, он даже успевает забежать на работу, отдать нужные распоряжения, а потом точно к сроку явиться в суд, занять место на скамье подсудимых в первом ряду, давать показания, нервно поглядывая на часы: его ждут на стройке, надо поспеть хоть на полчаса, хоть на час, и он поспевает, подзно вечером, но поспевает. И так каждый день, потому что, изволите видеть, он горит на работе, любит свое дело и живет только им. Вот и сейчас если чем-нибудь он недоволен, то, пожалуй, одним: дело стоит, а ему приходится объясняться по мной, в который раз повторяя, как обдуманно он оклеветан только за то, что делал добро.

В нем угадывается незаурядность, и верно, все говорят, что это талантливый, опытный инженер. Работал раньше в Карелии, сменил множество должностей, никем не могущихся на начальством. Хотелось размаха! Хотелось места, достойного его дарования. Друзья помогли ему, представили в лучшем виде. И вот он прибился сюда. Ва прорыную стройку, ответственный пост, и дела пошли хорошо, ему помогали, а он скромно пожинал успехи и лавры и «старался, старался, старался», чтобы оправдать надежды, не подвести.

Он любил выступать «перед народом» — слегка похвастаться демократизмом, щегольнуть знанием рабочих нужд, посулить золотые горы. «Будем трудиться, — говорил он, — чтобы создать рабочим хорошие бытовые условия. Я бы с радостью дал всем по отдельной квартире. Но не хватает!»

И ведь правда: квартир не хватает. И все же кому мог, тому давал. Щедро и безотказно. Своему шоферу — трехкомнатную и сверх того комнату. Своему управдому — двухкомнатную (кроме отдельного особняка). Своему ближайшему сотруднику Александрову, о котором речь впереди, — тоже двухкомнатную — без очереди и даже без ордера поспелома.

Квартир не хватает, и все же еще две из числа тех, что были выделены для рабочих, решили превратить в трестовскую гостиницу. Оборудовали дорогой мебелью. Снабдили посудой.

Гости не заставили себя ждать. Сначала были гости, почему-то вовсе не приезжие специалисты, а опять же трестовское начальство и ближайшие их сотрудники. Здесь вкушали и выпивали. Предавались любовным утехам. Отдыхали от работы. А потом отправлялись в «профилакторий», в «баньку», устланную коврами, на уютный песчаный пляж.

За два года от постоялцев самодельной гостиницы поступило в кассу лишь три рубля. Зато на ее содержание трест израсходовал свыше шестисот. Стоимость вин и закусок в эту сумму не включена. Подсчитать такие расходы не удалось, хотя известно доподлинно: на застолья никто не израсходовал ни единой своей копейки.

Из показаний свидетеля Мамонова К. И.

«Меня принили на работу в стройтрест № 5 сторожем, но предупредили, что моя задача — только ловить рыбу, потому что управляющий Гурин любит свежую стерлядь... Я согласился, по указании начальника бранспортной базы выдал рыбу сетью и ежедневно сдавал Александрову, за что каждый месяц получал в управлении зарплату. Приезжали Гурин, его заместитель Балясов с женами, катались на лыжах, ходили в баню, и из выловленной мною рыбы работавшие на базе сотрудники им варили уху».

Из служебной характеристики

«Гурин Александр Петрович... зарекомендовал себя высококвалифицированным специалистом, грамотным инженером волевым руководителем... Отзывчив к просьбам подчиненных, к ним внимателен, морально устойчив...»

— Как вы думаете, — Гурин пытливо заглядывает мне в глаза, — я совсем погорел или есть еще небольшая надежда?

Небольшая надежда, думаю, есть: он является в суд, на скамью подсудимых не арестантом, а заместителем главного инженера стройтреста (понижение не очень-то ощутимое) и инновным себя отнюдь не считает. Он всегда казался себе личностью сильной. И значит — неуязвимой: ведь «нужного человека» никто в обиду не даст. Да и что, в самом деле, он себе позволял? Попарился в бане, прошвырнулся по Волге на катере, съесть уху из свежей стерлядки? Разве не имеет на это прав человек такого масштаба? Разве «не заслужил»?

Он ищет сочувствия, ждет, что я пойму, поддержу. Но я не поддерживаю, и он выкидывает главную карту:

— Я ведь все же не Ермолаев...

ЕРМОЛАЕВ сидит не в первом ряду, а за барьером, под конвоем, без тонкой бородки, про которую — так много наслышан. Говорят, она придавала его худому красивому лицу выражение усталости и задумчивости.

В обществе «соратников» столяров и механиков мастер по самбо подобрал из личных друзей: все это были тоже мастера спорта, или кандидаты в мастера, или, на самый худой конец, кандидаты в кандидаты... «Ермолаев велел, — рассказывал потом на суде один из «спортсменов», подсудимый Сакович, — чтобы в квартирах, которые он называл «конспиративными», и в бане был уют. Приказал постелить ковры... Требовал, чтобы всегда были запасы продуктов и вышивки... В зимнее время баню надо было топить каждый день, потому что Ермолаев мог нагрянуть в любой момент, и к его приходу все должно быть готово... Он нас разносил в пух и прах, если мы не обеспечивали ему все удовольствия... «Хозяек» в баню требовал от нас только самых красивых...»

Таких, как Сакович, на «базе» оказалось 17 человек! Они топили баню, убирали за разгульными «дорогими гостями», наводили инженерным, он нашел для себя подходящий пример. Была у них в управлении комната, где поселяли командированных. На небольшую сравнительно стройку приезжало не слишком-то много людей, так что комната пустовала. Щедрый начальник «жил сам» и «давал жить» другим. Ключ доставался и Ермолаеву...

Теперь, став главным инженером, Ермолаев решил использовать опыт. Но опять же — с размахом. На широкую ногу. Не комната будет — квартира. Не одна — две. И прибрежная резиденция — подальше от любопытных. Разные там инвентарь: катера и моторки. Стильная мебель. Интерьер, чтобы радовал глаз. Баня. Музыка. И вино.

Проект «резиденции» создаст выписанный из Карелии «ценнейший» специалист. («Общие затраты на строительство «санпропускника», которым студенты никогда не пользовались и который был предназначен для личных нужд небольшой группы работников треста, составили 13 973 рубля...» — так будет написано потом в обвинительном заключении.)

Об интерьере позаботится художник — его оформят как маляра. («Излишества при самовольном строительстве «санпропускника» по типу финская баня» приняли в значительному перерасходу денежных средств, в частности, отделка под красное дерево и роспись выжиганием обошлась в 1773 рубля...» — из того же документа.)

Но должен же кто-то поддерживать все это хозяйство: обеспечить тепло и уют, пар и стол! Да и без легко сговорчивых женщин весь интерьер становится пресным и скучным!..

Условие было такое: в «обслугу» брать только верных и преданных, готовых на все, чтобы ублажить «хозяев». Сформировать команду «обслуги» доверили «самому» Александрову — мастеру спорта по самбо. Знаменитый самбист работал инструктором в «Спартаке», но метил в большие начальники. И он им стал: Гурин и Ермолаев сделали его — ни много ни мало — инженером стройтреста. Пройдет время, и тот же Гурин — тогда еще не обвиняемый! — подпишет Александрову — уже обвиняемому! — такую характеристику: «За период работы в тресте замечаний по работе не имел, в воспитанных на него обязанностями справлялся...»

Какие же обязанности были возложены на этого «инженера» без образования, который вряд ли мог отличить рубанок от топора? Штат электриков и монтеров, сторожей и завхозов, жимщиков критики: на разоте Торреев был восстановлен, а сигнал честного коммуниста стал основанием для проверки. Незаконные махинации со строительством бани и загородных домов привлекли внимание горпрокурора. Баня отказывалась финансировать часть произведенных работ. Назревал скандал. Разобраться в неблаговидных делах руководства стройтреста поручили начальнику управления капитального строительства и главному архитектору города В. И. Кириленко.

Но не только от местных «контролеров» зависела судьба уютной баньки, ее банщиков и купальщиков. И для «санпропускника», и для «профилактория» существуют государственные стандарты, существуют типовые проекты, типовая смета. А тут — что ни объект, то отступление от нормы. Кто-то должен их был узаконить: без утверждения индивидуальных проектов банк не выдал бы ни рубля.

Проектантов искали недолго. В Харькове есть институт, один из крупнейших в стране — «Гипротрансельмаш». К строительству Чебоксарского тракторного имеет самое прямое, самое близкое отношение: его труд, его творческую фантазию мы видим в корпусах гигантских цехов, которые воздвигаются сейчас на Волге. Стоило ли искать кого-то «на стороне», чтобы «сочинить» сущий пустяк: баньку, дачку, причал?..

Главный инженер проекта Л. Ф. Тесленко бывал по служебным делам в Чебоксарах неоднократно. Он охотно согласился помочь тресту в застройке «студенческого городка». Помочь скромным трудом и печатью своего института. Оно и понятно: с руководством треста у Тесленко установились отношения очень теплые. Не только служебные, но и дружеские. Встречались домами. И в баньке встретились тоже. Встреча дала желанные результаты. «В результате проведенных мероприятий, — деловито докладывал суду Ермолаев, — нам удалось через Тесленко списать некоторые «хвосты». От него многое зависело. Мы его наполи, и он, не читая, подмахнул несколько нужных бумаг».

В судебное заседание, несмотря на многократные вызовы, Тесленко явился в последнюю минуту — сослался на недомогание и на занятость. Когда Ермолаев вызывал его по более приятным делам, и время у него находилось, и здоровье. Следователю он признавался с мужественной прямотой: «В Чебоксарах руководство треста принимало меня очень радушно... Жил я бесплатно на трестовской квартире, устраивали мне веселую баню с выпивкой и «закуской»... Я не знал, что «хозяев» предварительно шантажировали...»

Думаю, теперь понятно, почему какое-то время преступникам удавалось благоденствовать вдали от правосудия: контролеры и ревизоры, стая «дорогими гостями», сами были заинтересованы в том, чтобы не слишком шуметь. И они не шумели, они «дружили домами», за государственный счет предаваясь той жизни, которая казалась им не только «красивой», но еще и престижной...

Из беседы члена Союза архитекторов СССР В. И. Кириленко с автором этого очерка

«Получив указание исполкома, я тут же поехал в трест. Главный инженер Ермолаев показал мне те объекты, которые обсуждались на исполкоме, и я увидел многие юридических и финансовых нарушений, отступления от технической документации и т. д. Ермолаев предложил мне помыться в баньке, но я отказался... На исполкоме я доложил обстоятельно, резко критиковал руководство треста. Но Ермолаев заверил, что все будет улажено. Я поверил... Ему дали срок для исправлений... Через несколько дней ко мне пришел Ермолаев, завел разговор, что надо, мол, сгладить впечатление от решения, урегулировать вопрос «по-хорошему». «Разве можно так, с плеча, — говорил он, — очень уж ты строго нас вздернул». И снова пригласил меня в баньку...

В субботу — я только вернулся с рыбалки — подкатывает ко мне знакомый «Волга»: баньки, сказывается, уже исполнена... Ну, я поехал, — стол был накрыт, встретила нас приятная молодая женщина, назвалась хозяйкой. Мы помылись в баньке, «поддали» хорошенько. Я опьянел и остался на ночь...

Ермолаев ставил вопрос о том, чтобы замять историю с незаконной стройкой, а еще о том, чтобы расширить отведенный для «студенческого городка» земельный участок. Они хотели там что-то строить для руководства, не знаю точно, что именно... Понимаю, что поступил непорядочно, не устоял...»

Из дневника подсудимого Тимофеева

15.X 1974 г. Большую часть дня бездельничал. Настроение паршивое.

16.X 1974 г. Сегодня поработали чуть больше, чем вчера, но только до обеда. Потом сачковали.

25.X 1974 г. Ничего не делали, после обеда потопали домой.

26.X 1974 г. На работу пошел, правда. Куда торопиться? Делать нечего.

29.X 1974 г. Не баня, ничего не делал, после обеда ушел домой.

3.XII 1974 г. Как и всю прошлую неделю, на работе ничего не делал.

13.XII 1974 г. Сегодня получил. Мне выдали 191 руб. с копейками. Это, конечно, мало, но лучше, чем ничего.

17.XII 1974 г. На работе делать нечего.

30.XII 1974 г. Не ходил на работу целую неделю... Это был год несбывшихся надежд...

13.I 1975 г. Получил всего только 158 руб. 95 коп. Как мне пополнить свои сбережения?

Как он пополнял свои сбережения, неизвестно. Но известно доподлинно, что из таких вот «небольших» зарплат составилась сумма в 11 800 рублей, которая была выплачена за счет треста семнадцати «самбистам», ублажавшим своих «хозяев». И сами «самбисты» не очень-то жались в расходах. Приведу лишь одну цифру: для отопления бани, которой, как мы помним, пользовались только руководители треста и их гости, спортсмены ухлопали — с благословения «высокого» руководства — фондового строительного материала на 900 рублей.

Связанная круговой порукой «обслуга» и ее «дорогие гости» какое-то время могли скрывать свои приключения, шантажируя каждого, кто пробовал вывести их на чистую воду. Когда, к примеру, работник треста Н. П. Тореев — человек честный и смелый — отважился вскрыть тайны баньки, преступники сразу же исполошились и приняли меры: в дальнюю командировку город, работе, где раньше работал Тореев, на государственный, разумеется, счет срочно отправился один из купальщиков с важнейшим заданием: отыскать против автора «обширнометружущий материал». Может, и сам занимался он «чем-то таким», может, удастся под угрозой разоблачений заставить его замолчать...

Дошли до того, что попробовали обвинить его в несуществующих прегрешениях и даже уволили с работы. Но Калининский райком КПСС дал отпор зажимщикам критики: на работу Тореев был восстановлен, а сигнал честного коммуниста стал основанием для проверки. Незаконные махинации со строительством бани и загородных домов привлекли внимание горпрокурора. Баня отказывалась финансировать часть произведенных работ. Назревал скандал. Разобраться в неблаговидных делах руководства стройтреста поручили начальнику управления капитального строительства и главному архитектору города В. И. Кириленко.

Из служебных характеристик

«Ермолаев М. А. ...был требовательным к себе и подчиненным. Морально устойчив... Много внимания уделяет подбору, расстановке и воспитанию кадров, созданию в коллективе коллектива строителей».

«Кириленко В. И. ...инициативный, трудолюбивый работник... Отличается принципиальностью и высокими моральными качествами... В быту скромен...»

«Тесленко Л. Ф. ...окончил два института. Грамотный специалист... Дисциплинирован, добросовестно выполняет свои обязанности... Морально устойчив, отклонений от норм поведения не было...»

ДЕЛО огромное, много томное. На скамье подсудимых — тридцать человек. Из руководства — трое: Гурин, Ермолаев и Балясов. Остальные — «обслуга»: банщики, лодочники, истопники, повара, шведцы, которые числились монтерами, завхозами, слесарями. И даже инженерами, как Александров, который привел сюда, кстати сказать, на дармовые хлеба всю семью: мать, брата, жену; каждому нашлась «непыльная работенка».

Трое уселись на скамью подсудимых, гордо принимая к поклонам значки мастеров спорта: Александров, Иустинов, Самарский. Впрочем, кто их знает, что это за мастера!.. В дневнике Тимофеева есть такая забавная запись: «3.I.1975 г. Я тоже мог бы стать спортсменом спорта... Шеф сказал: давай, участвуй в соревнованиях. «Чтобы провалиться!» — спросил я. Он назвал меня лопухом: судьи свои, борцы лягут, когда надо».

Да, дело огромное, многотомное, обнажившее в своей неприглядности ту «сладкую жизнь», ради которой несколько жалких перерожденцев были готовы на все. Как ни сплились крохотные «кильки» собаками и сторожами оградить свои забавы от постороннего глаза, долго это продолжаться не могло, расплата все равно была неизбежной...

Я назвал их перерожденцами, главных «героев» процесса, но не уверен, что нашел точное слово. В самом деле они некогда были иными, в самом ли деле их что-то «испортило», надломило и развратило? Они рвались к «масштабной» работе, пробивали себе дорогу с помощью связей, демагогии, лести. Но зачем рвались? Для чего? Для того ли, чтобы раскрыть свой талант, поставить на службу делу свои знания и способности, приумножать богатства народа? Или для того, чтобы пожить в свое удовольствие, соря государственными деньгами и прикрывая свои преступления разглагольствованиями о «пользе дела»?

Перемещаясь из «кресла» в «кресло», они поднимались довольно быстро по лестнице, которую называют служебной. Ну, а как — по идейной? По нравственной? Сопровождался ли рост карьерный ростом духовным? Кто они были в сущности — люди, призванные не только руководить строительством, но и воспитывать огромный рабочий коллектив, быть для него образцом идейной зрелости и нравственной чистоты? Разве не говорит ничего об их убогом духовном мире хотя бы сам набор «развлечений», к которым они рвались, презрев все нормы морали и права? Вот я и думаю: они к этому скатились или к этому стремились с самого начала своего «восхождения»? Нет, их духовная нищета появилась не вдруг, а существовала, конечно же, всегда, вопреки не распознанная, не привлекшая внимания, пока не грянул гром.

Они были причастны, эти люди, и большой и прекрасной стройке, но ведь любое дело можно вершить только чистыми, незапятнанными руками. Общество щедро воздает за успехи, но оно никому не позволит, прикрывшись даже подлинными, а не мнимыми заслугами, расхищать государственную казну, жить, не считаясь с правом, честью, стыдом. Напрасные надежды, напрасный расчет...

Любого, кто окружил себя льстецами, подхалимами и аллилуйщиками, кто переступил закон, обязательный в равной мере для каждого гражданина, немедленно ждут нравственный крах и справедливая кара. И не спасет его высокопарное суесловие: разрыв между словом и делом, в каких бы формах он ни выражался, непримиримо чужд благородному нравственному кодексу, прочно утвердившемуся в нашем обществе, где занедомо обречены на провал любые попытки поставить себя «над» теми принципами, по которым живет советский народ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ОЧЕРКУ

Этот очерк был уже набран, когда председательствующий на процессе член Верховного суда Чувашской АССР Э. И. Львова огласил приговор. Александров и Иустинов приговорены к пятнадцати годам лишения свободы, Самарский — к четырнадцати, Тимофеев — к восьми. Различные сроки лишения свободы определены и другим «самбистам». Приговор справедливый: на счету у «обслуги» изнасилования, расхищение денег и прочие преступления.

Ну, а что получили их руководители? Боюсь, многих читателей приговор разочарует. Ермолаев оправдан по пяти статьям из шести, которые ему вменялись. Балясов, в признании невиновным только в злоупотреблении служебным положением, за что осужден на 6 лет лишения свободы. Что до Гурина и Балясова, они отделались всего-навсего годом исправительных работ по месту службы с вычетом 20 процентов из заработка.

Не о мягкости или жесткости меры наказания идет речь — о существе. Если «обслуга» признана виновной в хищении денег путем незаконного получения зарплаты, то может ли быть не признан их соучастником тот, кто эту зарплату выписывал? кто приводил их на заведомо фиктивные должности и платил за «туфту»? Достаточно задать лишь один этот вопрос, чтобы мягко выражаясь, шаткость вынесенного приговора стала для всех очевидной.

Но «чудеса» этим не завершаются. Совершенно фантастическим образом незаконно израсходованные 140 тысяч рублей задним числом приняты на баланс и, таким образом, юридически уже не составляют убытка для государства. Простонапросто перенесли эту сумму из одной графы в другую, и она чудодейственным образом из убытка превратилась в доход! Даже те 900 рублей (стоимость фондового стройматериала), которые были истолены в баньке, чтобы пару было побольше, — даже их трест взял на баланс!

* * *

Чудеса между тем продолжаются. Уже и очерк был набран, и послесловие к очерку, как позволили из Чебоксар, бывшего наша в другу прекрасную ночь внезапно сгорела. Даже обугленных головешек, и тех не осталось. Пока суд да дело, трест моментально списал ее с горемычного своего баланса. С той же поспешностью, с какой принял ее на баланс, с той и списал. Обошлась она тресту почти в 15 тысяч, а списано — сколько вы думаете? — девяносто шесть рублей. Девяносто шесть! Такова оказывается, «смешная стоимость досок, из которых были сложены стены. Стропили значит, мраморные полати, устилали коврами, отделывали под красное дерево, украшали резьбой, а сгорело, выходит, только двадцать три кубометра дров. Только дрова, и ничего больше...

Будем надеяться, что Прокуратура и Верховный суд РСФСР вернутся к материалам «банного» дела и подвергнут его тщательной, всесторонней проверке.

Аркадий ВАКСБЕРГ

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

БАНЯ

РЕЗОНАНС

«ЗАВТРАШНЕЕ МОЛОКО»

«ЛГ» уже публиковала ответы различных ведомств на статью А. Рубинова «Завтрашнее молоко» (статья была напечатана 15 октября 1975 г.). Под заголовком «Критика признана правильной. Что дальше?» 28 января 1976 года был помещен обзор части полученных редакцией официальных откликов: Министерства мясной и молочной промышленности СССР, Министерства торговли СССР, Главного управления торговли Мосгорисполкома.

Новые письма читателей обратили внимание на то, что ведомства так и не сообщили, будет ли изменен сам принцип маркировки, как это предлагалось в статье «Завтрашнее молоко»: ставить на бутылках и пакетах не завтрашнюю дату изготовления, а число, до которого молоко можно продавать, чтобы ценный продукт не портился, ожидая в магазине наступления дня, который обозначен на упаковке, и чтобы реализация молока находилась под контролем покупателей. Эти письма читателей были направлены тем же ведомствам.

Редакция рада сообщить что поддержанное читателями предложение газеты принято. Заместитель министра мясной и молочной промышленности СССР М. Г. Лушин и начальник отдела продотов Государственного комитета стандартов Совета Министров СССР М. Н. Абрамов сообщают, что с 15 мая вводятся в действие изменения в государственный общесоюзный стандарт. Теперь на каждой упаковке молока будет ставиться ЧИСЛО ИЛИ ДЕНЬ КОНЕЧНОГО СРОКА РЕАЛИЗАЦИИ. Внесены изменения в технологические инструкции по производству пастеризованного молока и в санитарные правила реализации молочных продуктов.

Госстандарт СССР поручил Минмясомолпрому СССР, по согласовании с Минторгом СССР и Минздравом СССР, «ввести соответствующие изменения и в стандарты на другие виды молочной продукции — сливки, простоквашу, кефир и т. д.

Какие богатства подарит людям тайга? Какие перемены принесут в тайгу люди?

Фото В. ДРУЖИНИНА

СКУЧНО ЛИ ВЕЛЕТЕТЬ?

Олег МОРОЗ

Лес... Нет человека, которого не интересовали бы его судьбы. «Лесная дискуссия», которую ведет «ЛГ», вызвала большой читательский отклик. Сегодня, однако, мы решили сделать перерыв в разговоре об использовании лесных богатств нашей Родины и рассказать об опыте нашего северного соседа — Финляндии.

В СПОРАХ о лесе пример Финляндии обычно приводят обе стороны: и та, которая настаивает на более энергичном, интенсивном лесопользовании, и другая, прежде всего озабоченная сбережением лесных богатств. Кто же прав? У кого больше оснований сослаться на нашего северного соседа? Такие основания есть у обеих спорящих сторон. При всем том, что финский лес изучался немало, он в общем-то сберегается, не убывает. Судите сами: в 1975 году вырублено 54,5 миллиона кубометров, в 1974 м — 51,8 (естественный отпад деревьев в эти годы оценивался в 1,1 миллиона кубометров), а ежегодный прирост древесины был около 56,9 миллиона кубометров.

Финские лесоводы считают: главное в лесном хозяйстве — это всегдашнее четкое представление о балансе лесных запасов, о том, сколько можно «взять» без ущерба для леса и сколько «взято» в действительности. Начиная с двадцатых годов каждые десять лет в стране проводится подсчет лесных перепасов — инвентаризация. Это позволяет, когда появляется повод для тревоги, вовремя прислушаться к ней. Так, в начале шестидесятых полезла вверх, за допустимую норму, кривая рубки. В течение нескольких лет наблюдался явный перегруз. Лесоводам ударили в колокол, добились сокращения лесозаготовок. Но одновременно добились того, что была принята программа интенсивных восстановительных работ, которая и претворяется в жизнь вот уже десятилетие.

СКУЧНОЕ это дело — восстановление леса. Уж больно медленно растет дерево, неспешно набирает оно высоту и толщину. Может быть, когда-нибудь благодаря чудесам генетики удастся ускорить древесный рост раз в пять—десять. Тогда многие мнения о опасении вырубки леса отпадут сами собой. Но когда это будет? Ради шутки я спросил директора хельсинкского Государственного лесного института Вильо Холопайнена, какого он мнения на этот счет. Осторожный директор ответил, что у него не настолько богатая фантазия, чтобы он мог сказать по этому поводу что-либо определенное. Но если исходить из достижений современной науки, добавил он, то за сорок лет можно увеличить продуктивность лесов процентов на 10—15.

Что ж, и это неплохо. В Финляндии около половины всех лесов восстанавливается с помощью искусственных посадок и посевов. И по большей части для этого используются семена выведенных селекционерами пород, лучше всего растущих в данной местности.

В целом масштаб лесных посадок за последнюю четверть века увеличился пятикратно. В разговорах с финскими специалистами я донимывался, — на счет чего. Ответ был: во-первых, конечно, на счет механизации и, во-вторых, благодаря расширению сроков посева и посадки. Испокон веку деревья здесь сажали в июньский промежуток времени весной и осенью. Теперь же время посадки развинчено — от снега до снега. Сажают и при весенних, и при осенних заморозках, и при летней жаре и засухе. Секрет прост: саженец выкапывает благодаря комку торфа, надетому на корень (иногда этот комок вложен в специальный горшок или полиэтиленовый рукав).

Еще одно объяснение: полиэтиленовые домики. В Финляндии они применяются для пестования саженцев уже широко, в промышленном масштабе. Домик длиной метров пятьдесят, шириной метров семь. Деревянные дуги-ребра, обтянутые пленкой. Днем в прохладную, весенницю и осеннюю, пору под полиэтиленовой крышей вдосталь тепла и влаги. В питомнике фирмы «Юмин» на Хайнола нам показали рядом две шиворонке грядки саженцев сосны: на одной — редемные, едва поднявшиеся от земли, на другой — плотный и высокий нурчавый ковер. Первая грядка вырастала под открытым небом, другая — под пленочным колпаком. Целый год экономист лесоводам это нехитрое и недорогое приспособление, а продукция саженцев на того же числа сосны увеличивается тройкратно.

И все-таки скучное это дело — восстановление леса. Ладно бы уж вотнуть саженцы в землю, настрочить отчет — и с плеч долой. Пусть уж там внуки и правнуки — их забота! — подсчитывают урожай. Но ведь нечего будет подсчитывать, если не хлопотать, не дышать над деревьями-детьми, над деревьями-подростками, над деревьями-юношами...

Так что «вотнуть саженцы» — это не проходит. Хотя площадь лесных посадок и посевов в Финляндии велика, площадь древесных плантаций, за которыми ведется уход в каждом данном году, сейчас превышает ее почти втрое.

...«Мерседес» старшего лесничего Нильса Бётсона легко идет по схваченной некрепким, пятиградусным морозцем лесной дороге. За ним едем мы с корреспондентом АПН Паулем Нуйвалой. Позади нас — громкий туристский автобус, что-то вроде «Икаруса». Мы в одном из населенных пунктов от Лахти. Останавливаемся в сорокалетнем лесу. На нижних, сохраняющих сучьях деревьев Бётсон развешивает планшеты с таблицами и диаграммами. Полуполдом возле него разбредаются приехавшие в автобусе по большей части молодые парни с обветренными простыми лицами в тяжелых нейлоновых куртках. На оценка и ним идет натуг «владельцы лесов». Тем не менее это владельцы. Мелкие. Таких в Финляндии свыше 350 тысяч. Но им принадлежит свыше 70 процентов лесных запасов. Средний размер их владений — немногим больше тридцати гектаров. Трудно вести дело на такие «клочки». Каждого из них от разорения может спасти разве что недюжинная хозяйская сноровка. И владельцы, особенно молодое поколение, стараются приобрести ее, учатся.

Бётсон, человек лет сорока пять, я получаю от него указания, несмотря на мороз, с заснеженными до колен по стадию зелеными обычно бровями, из-под которых видны толстые шерстяные гетры (вообще в Финляндии удивляются удивительно легко), начинает стоя импровизированную рецепцию. Речь идет о прореживании лесосек с целью ухода, о том, какая норма прореживания наиболее выгодна. Получается, что — около 40 процентов. При этом и оставшиеся деревья растут быстрее, и продажа срубленных приносит наибольший доход.

Все оценивается экономически. Владелец леса, расчетливо знать, сколько марок принесет ему десятипроцентная рубка, сколько — пятидесятипроцентная. Какой доход выйдет, если он применит трактор «Валмет», какой — если «Больвоо» (всего в Финляндии используется более 30 моделей специалированных лесных тракторов, это не считая сельхозтракторов общего назначения).

На этом участке трудились две норвежские машины. Крохотные лесные бульдозеры. Крупную технику владелец без особой нужды на участок к себе не пускает. Но неожиданно, при строгом подсчете, выяснилось, что даже такие маленькие трактора применять не совсем выгодно. Во время трелевки кустов повреждаются живые деревья...

Завязался разговор с фермерами. Да, техника — это проблема. У себя дома некоторые из них до сих пор используют лошадей. Анахронизм, конечно. С каждым годом численность финского «лесной кавалерии» тает (хотя еще десять лет назад по дорогам перевозили по-прежнему тревежи). Но тракторам, при всех их бесспорных преимуществах, предстоит научиться лошадиной аккуратности (пусть не вызывает это словосочетание усмешку читателя). Кто-то бросает дрова: у десяти тракторов — один фермера, но враг леса. Повреждение деревьев — их стволов корней — почти неизбежно. Но заведенному в Финляндии правилу каждое поврежденное дерево помечается, за ним особый уход. А значит, дополнительные затраты, допонительные расходы.

Еще одно средство увеличить лесной урожай — удобрения. Сейчас финские лесоводы переживают пору повального увлечения ими. За последние десять лет — с тех пор, как была принята лесовосстановительная программа, — площадь ежегодно удобряемых лесных площадей увеличивалась в 11 раз (!) и составляет пятую часть всех лесов (слова директора Центрального союза лесной промышленности Финляндии Юрье Хасси: «Если прежде удобрением лесами занимались одиночки, энтузиасты, то теперь это стало общим и обязательным правилом»).

В разговоре с доктором Вильо Холопайненом я поинтересовался, не сказываются ли обильные удобрения губительно на лесной живности, на растениях, на общей чистоте природы. Без этих вопросов теперь не обойдешься. Оказалось, чтобы выяснить это, проводились специальные исследования. Единственный неблагоприятный результат — некоторое загрязнение вод. Небольшое. В конце концов площадь ежегодно удобряемых лесов в десять раз меньше площади удобряемых полей, и, кроме того, один тот же район удобряется раз в несколько лет. Что касается лесной дичи, она, по словам моего собеседника, в удобренных лесах чувствует себя прекрасно. К тому же лучше растут ягоды, грибы. А главное — лучше стал расти лес. Это отчетливо выяснилось в результате последней инвентаризации.

Часто мне приходилось читать и слышать, будто ради той же цели — удобрения — финны передко оставляют на лесосеках сучья и ветви. Что говорить, всякому передовому лесопользователю такой пример представится соблазнительным для подражания. Как же, посвящено научной! И вот подвернулся случай узнать из первых рук действительно ли финские ученые считают, что оставлять в лесу мусор полезно? В. Холопайнен только пожал плечами: таких рекомендаций Лесной институт никому никогда не давал. Целям удобрения служат лишь самые мелкие отходы — иголки хвои, листья. Что же касается сучьев или ветвей, они только ухудшают здоровье леса. То, что лесосеки нередко зарастают, объясняется экономической причиной: иной владелец полагает невыгодным для себя возиться с очистной лесосекой.

Это один из тех случаев, когда частновладельческая экономика обращается против леса. Подумать тут нечему.

В завершение той своей беседы с В. Холопайненом я спросил его в таком же фантастическом духе, в каком спрашивал о возможности вывести сверхскороспелые породы деревьев, не назовет ли он, хотя бы примерно, каков абсолютный предел увеличения вырубки финского леса. В конце концов не может весь он расти исправленчено. На этот раз он ответил исожиданно конкретно: предел — это сегодняшняя цифра вырубки плюс 60 процентов; он будет достигнут примерно через восемьдесят лет, то есть по завершении цикла лесовосстановления, когда в полную силу скажутся предпринимаемые ныне меры. Впрочем, директор Лесного института тут же оговорился: в течение этих восемьдесят лет в его прогноз, без сомнения, будет внесено еще много поправок.

КОНЕЧНО, более тщательное взвешивание леса — только одна сторона дела. Другая — более хозяйственное использование. Все шире применяются для целлюлозы отходы лесопиления. Они же пускаются в ход на заводах, производящих фанеру, ДСП, ДВП. Вообще отходам широко используют в строительстве.

Пытаются делать плиты и из коры. Основное же ее применение — в качестве топлива. Несколько лет назад — в качестве удобрения. Словом, она не идет в отвал, используется почти полностью.

Заметим: разнообразные предприятия, имеющие дело с древесиной, выгодно ставить неподалеку друг от друга: то, что одна фабрика выбрасывает из ненадобностью, другая с готовностью принимает в качестве исходного материала. В таком комплексе — их уже немало в Финляндии — древесных отходов как таковых, по сути дела, нет. Такой факт: за последние двадцать лет общий объем употребляемой промышленностью древесины увеличился почти в два раза, а используемых остатков и обрезков — более чем вчетверо. Начиная с первой половины шестидесятых годов отходы, прежде бросовая вещь, во все возрастающем числе вводятся из-за границы (в 1973 году было ввезено 18 тысяч кубометров, а в позапрошлом, 1974-м, — миллион!).

ДО НЕДАВНЕГО времени экономика Финляндии была развита однобоко, ориентирована почти целиком на лес. Инженер Матти Оксанен из Центрального союза финской лесной промышленности напомнил старое выражение: Финляндия стоит на деревянных ногах. Изданна здоровые, прогрессивные силы страны, в том числе финские экономисты, обращали внимание на вту односторонность, ставили вопрос о более многогранном и гармоничном развитии. И сейчас в общем-то эта односторонность преодолена, в чем немалую роль сыграли возобновление сношений Финляндии с Советским Союзом. Вместе с тем, страдая от однобокости экономики, Финляндия поневоле накопила немалый опыт в ведении лесного хозяйства. Сейчас много говорят о неистощительном лесопользовании. Для Финляндии это не отвлеченный теоретический вопрос, не вопрос благих пожеланий и намерений, но жизненно важная проблема. Именно этот опыт — опыт неистощительного хозяйствования — и ценен для других стран, в которых лес не играет такой большой роли.

Сама географическая ограниченность финских лесов помогает к тому, чтобы внимательнее присмотреться, как там ведется дело. Оно вовсе разнообразно, конечно, же, бессмысленно говорить применительно к огромному пространству в треть или четверть земного шара, хотя общая задача — сохранить лес там и здесь по всей его поверхности. Что толку потрясать цифрами: дескать, вот на гороховой доплоте столько-то вырублено, зато на сто гороховой выросло еще больше! Может быть, в первую голову надо думать и заботиться о лесном равновесии внутри каждой ограниченной географической зоны, наделенной единством природных и климатических условий? Может быть, стоит попрять воображению и представить, что эта зона — как бы отдельная, обнесенная границами страна) И выращивать в ней столько леса, сколько вырубешь, больше, чем вырубленно. Чтобы и дети, и внуки, и далекие потомки наши могли увидеть это чудо — лес.

ХЕЛЬСИНКИ—МОСКВА

«ГОЛУБАЯ НИВА РОССИЙСКИХ ОЗЕР»

ЧЕЛОВЕК С УДОЧКОЙ

Вкусную, свежую рыбу мы можем добыть, развивая рыбное хозяйство страны во внутренних водоемах. Об этом рассказывала «ЛГ» (№ 3, 1976). Продолжая начатый разговор, авторы публикуемой ниже статьи предлагают упорядочить любительское рыболовство.

О НЕМ мы вспомнили, читая статью писателя Э. Сталского «Самый обыкновенный карп» и другие материалы, опубликованные на странице «Природа и мы» 21 января 1976 года. Одна проблема тянет за собой другую. Да, организация отдыха трудящихся все в большей степени оказывается зависимой от общего развития рыбного хозяйства.

Ужение рыбы стало третьим миллионом: по некоторым подсчетам, ею охвачены около 20 миллионов любителей, из которых, кстати сказать, только 1,2 миллиона объединены в разного рода общества. Уверены, что цифра эта вскоре значительно возрастет. Таким образом, правильная организация любительского лова становится задачей большого государственного значения.

Мы не располагаем точными сведениями о том, сколько вылавливают рыбы любители. Достойно сожаления, что такая статистика у нас отсутствует. На основании выборочных исследований, произведенных Главрыбводом, любительский улов составляет по стране около полутора миллионов центнеров в год, что в два с половиной раза превосходит промышленную добычу на всех вместе взятых крупных водохранилищах страны.

Конечно, рыба, пойманная любителями, попадает не наш же стол, притом в лучшем гастрономическом виде. Но тем не менее нас тревожит то обстоятельство, что любители наносят рыболовецким колхозам большой ущерб. Анализ хозяйственной деятельности колхозов, например Днепровского бассейна, свидетельствует о последовательном снижении эффективности промысла.

Дело не столько в понижении продуктивности водоемов, сколько в ухудшении видового состава улова. Насоменно, на ухудшение видового состава оказали неблагоприятное влияние и антропогенные факторы: химическое и тепловое загрязнение водного стока, отбор воды на оросительные системы и др. Одного всего значительную «лепту» внесли и рыболовы-любители, которые стремятся добыть преимущественно ценные породы рыб. В результате за пятилетие (1968—1973 гг.) удельный вес таких рыб, как лещ, судак, сазан, сом, щука, снизился на Днепре с 56,9 процента до 38,9. Вследствие этого прибыль рыболовецких колхозов Днепровского каскада уменьшилась с 1321 тысячи рублей до 1064 тысяч, при одновременном нагнетании мощности основных производственных фондов с 3054 до 6076 тысяч рублей. В результате коэффициент эффективности производства упал с 0,52 до 0,18. Численность рыбаков в колхозах сократилась.

Аналогичные явления наблюдаются на водохранилищах и других бассейнах (Дон, Волга).

Любительское рыболовство надо упорядочить. Хотя в этой области уже накоплен некоторый опыт и у нас в стране, и особенно за рубежом, было бы ошибкой недооценивать связанные с ней трудности. Здесь возможны разные, не исключающие друг друга решения.

Сейчас любители-рыболовы объединены в специальные общества. Это оправданно, если иметь в виду, главным образом, ловлю на водоемах, не имеющих промыслового значения. Небольшие озера и водохранилища могут закрепляться за обществами рыбаков-любителей на долгосрочное пользование. В подобного рода случаях все заботы по рыбоводной и технической мелиорации на закрепленных водоемах выполняются силами и средствами самих обществ. Органы рыбоохраны должны лишь оказывать любителям помощь на договорных условиях.

Если же речь идет о крупных промысловых водоемах (реки, большие озера и водохранилища), то здесь, по нашему мнению, предпочтение должно быть отдано лицензионной системе. Тут мы не можем рассчитывать на силы рыболовов-любителей. Осуществить рыбоводные мелиорации, требующие значительных затрат и современных технических средств, практически по силам только государству. Рыбные ресурсы во все большей степени становятся продуктом труда и должны поэтому получать экономическую оценку. Практически мы уже не можем провести строгую границу между «культурными» и «некультурными» рыбоохозяйственными водоемами. Но еще бытует, к сожалению, широко распространенное представление о рыбных ресурсах, как о природном богатстве, которое имеется в неограниченном количестве и которым каждый может пользоваться безвозмездно. Лицензии устранят такое противоречие.

Заслуживает самого серьезного внимания и третья форма любительского рыболовства, получившая уже широкое распространение в экономически развитых странах, а в последние годы в некоторых районах и у нас (Московская область), — служба рыболовного сервиса, включающего широкий круг платных услуг (средства передвижения, пансионаты и др.).

Очевидно, каждая из этих форм организации любительского рыболовства по мере накопления опыта будет совершенствоваться. Но при всем многообразии должна быть определена только одна государственная организация, призванная осуществлять регулирование интенсивности промыслового и любительского лова, воспроизводство рыбных запасов и их охрану. Такой организацией является Министерство рыбного хозяйства СССР, ответственное перед государством за эффективное использование рыбных ресурсов внутренних водоемов. На Министерстве рыбного хозяйства и его местные органы может быть возложено и непосредственное руководство обществами рыболовов-любителей.

Очень важно преодолеть атмосферу недоброжелательства во взаимоотношениях рыбаков-профессионалов и любителей. Не секрет, что рыбаки-профессионалы и любители не питают особой симпатии друг к другу. Послушать рассказы любителей — можно подумать, что рыбаки-профессионалы чуть ли не сплошь спекулянты, утаивающие от государства ценную часть улова для продажи ее на базаре; наоборот, в глазах профессионалов рыбаки-любители — это злостные браконьеры.

Взаимная недоброжелательность возникает из противоречивой ситуации: любители безвозмездно пользуются угодьями, закрепленными за рыболовецкими колхозами.

Такое противоречие может быть преодолено, если создать условия, при которых рыболовецкие колхозы будут экономически заинтересованы в развитии любительского рыболовства. Нужна особая служба сервиса. Эту работу могли бы успешно выполнять колхозы в границах закрепленных за ними участков, конечно, при условии, что часть поступлений от продажи лицензий пойдет в их доходы. В конечном счете забота рыболовецких колхозов о развитии любительского рыболовства куда ближе и их профессиональным интересам, чем, скажем, производство гончарной посуды, изготовление веников, плетение корзин и т. д., чем часто они сейчас вынуждены заниматься, лишь бы как-то занять свободное время.

Таким образом, речь идет о чем-то большем, чем «мирное сосуществование» профессионалов и любителей, — о поиске путей их тесного взаимодействия. Рекомендуемый нами путь, кажется, будет плодотворным.

И. НИКОНОРОВ,
начальник Главного управления по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства Минрыбхоза СССР;
В. МУРИН,
доктор экономических наук

РЕЗОНАНС

ЭКОЛОГИ, ОТЗОВИТЕСЬ!

Из откликов на статью К. Кожевниковой «Назад к природе? Вперед к природе!» («ЛГ» от 10 марта 1976 г.)

Экология, несколько лет назад отметившая свой юбилей кобилей, стала буквально знамением времени. Она — научная основа рационального природопользования, самого существования человечества. В клуб экологов стремятся биологи, почвоведы, климатологи, океанографы, гидрологи, физики, химики, математики, социологи, географы, этнографы, антропологи, медики, экономисты, историки, философы. «Экологическая этика», «экологическое мировоззрение», «экологическое мышление», «экологическая экономика», «экологический всеобщий», «экологическое воспитание» (о чем пишет К. Кожевникова, позицию которой я всячески разделяю). Экологи, экологи, экологи...

Но где же они? Отзовется хоть один специалист, у кого в дипломе так и записано: «эколог». Нет таких, как нет в стране ни одной кафедры экологии. Лишь в Белорусском государственном университете существует кафедра гидробиологии, экологии и охраны природы.

Интересный и жизненно важный предмет — экология человека. Он касается всех и каждого. Хотя экология человека — междисциплинарная научная отрасль, онаближе всего к общей биологии или к медицине. Но нет ни кафедры, ни курса экологии человека ни в одном университете или медицинском институте, нет их в Институте повышения квалификации врачей.

Кандидат наук — вполне совсем уже невидаль: нет такой специальности в инструкции ВАКа. И в Академии наук СССР тоже «чистого» эколога не найти. Даже ведущие эколога страны академики В. Е. Соколов и С. С. Шварц, директора институтов, в названии которых есть слово «экология», числятся в академии зоологами. Вот и попробуй стать кандидатом или доктором экологии, если для этого требуется целый специализированный ученый совет!

Но все-таки хоть единицы, но «настоящие» биологи есть. Они самостоятельно перучились. Они могут и должны научить других. Для этого необходимо: не медля создать в одном из учебных центров страны кафедру для одно-, двухдневного обучения лиц с высшим образованием, желающих стать экологами: выстеленно экологии основу для подготовки экологов в университетах и медицинских институтах; ввесть специальность «экология» в ВАКе и Академии наук СССР.

Экология не может развиваться без экологов-профессионалов!

Н. РЕЙМЕРС,
заведующий лабораторией моделирования биоэкономических систем Центрального экономико-математического института АН СССР, доктор биологических наук

РАБОТУ НЕМЕДЛЕННО!

В Америке миллионы граждан требуют безотлагательно, не повышая экономическую уровень, осуществления равных прав для всех граждан.

Фото из американской газеты «Рейбор уорлд».

ОБЩЕСТВО БЕЗ БУДУЩЕГО

Геннадий ГЕРАСИМОВ, собственный корреспондент «Литературной газеты» в Вашингтоне

Известные американские ученые, создатели Дешиса Белл и экономист Роберт Хеллбронер, отвечают на вопрос корреспондента «ЛГ», какой им представляется судьба капитализма.

Не секрет, что сейчас в Америке, как и в капиталистическом мире в целом, наблюдается определенный спад. Но, видимо, более точно, пользуясь терминологией ученых, говорить о том, что капиталистическая система переживает кризис, который, по-видимому, будет иметь серьезные последствия для всего общества.

Кризис, который переживает капиталистическая система, имеет ряд особенностей. Прежде всего, в отличие от предыдущих кризисов, он сопровождается не спадом производства, а ростом цен. Во-вторых, в отличие от предыдущих кризисов, он сопровождается ростом безработицы. Наконец, в отличие от предыдущих кризисов, он сопровождается ростом дефицитов, в частности дефицитов сырья и топлива.

Все эти факторы, взятые вместе, ставят перед обществом ряд проблем, которые, по-видимому, будут оставаться с ним еще на протяжении ряда лет. Одна из проблем — это проблема роста цен. Цены в Соединенных Штатах в 1973 году поднялись на 9,5 процента, в 1974 году, по-видимому, они поднимутся еще на 10 процентов. Это, конечно, не катастрофа, сравнимая, например, с ситуацией в Германии, где цены поднялись на 100 процентов за последние два года. Но в Соединенных Штатах такие проценты воспринимаются как из ряда вон выходящие. Раньше, в 1950 — 1960 годы, цены поднимались в среднем на 1 процент в год. И на протяжении всего периода после второй мировой войны цены поднимались в среднем на 3 процента в год. Теперь же они поднимаются на 10 процентов. Это, конечно, не может не сказываться на отношении людей к капиталистическому обществу, к капиталистическому способу производства.

Вторая проблема — проблема роста безработицы. Сейчас в Соединенных Штатах 5,4 процента рабочей силы, по официальным данным, не занято работой. Но, по оценкам ряда экономистов, цифра эта занижена. Если учесть тех, кто вынужден работать неполный рабочий день, то, по оценкам ряда экономистов, в Соединенных Штатах сейчас не 5,4 процента, а 10 процентов рабочей силы.

Третья проблема — проблема дефицитов. Дефицит сырья и топлива, по-видимому, будет расти. Это, в свою очередь, ставит перед обществом ряд проблем, которые, по-видимому, будут оставаться с ним еще на протяжении ряда лет.

Все эти факторы, взятые вместе, ставят перед обществом ряд проблем, которые, по-видимому, будут оставаться с ним еще на протяжении ряда лет. Одна из проблем — это проблема роста цен. Цены в Соединенных Штатах в 1973 году поднялись на 9,5 процента, в 1974 году, по-видимому, они поднимутся еще на 10 процентов. Это, конечно, не катастрофа, сравнимая, например, с ситуацией в Германии, где цены поднялись на 100 процентов за последние два года. Но в Соединенных Штатах такие проценты воспринимаются как из ряда вон выходящие. Раньше, в 1950 — 1960 годы, цены поднимались в среднем на 1 процент в год. И

С. КОМИССАРЕНКО

ПОД ЛЕЖАЧИМ КАМНЕМ

ПРОХОЖУ я нынче по территории нашего предприятия, смотрю: народ толпится в районе кассы. Видно, деньги за что-то дают. Тихая, непритязательная с виду очередь. Надо б узнать, за что дают, да неприлично как-то спрашивать, могут подумать — ни за что получаю, уж лучше самому догадаться. Становлюсь в очередь и прикидываю про себя: аванс — этого быть не может, ни в коем случае, на прошлой неделе только платили аванс. Опять же, получка — на будущей неделе лишь предвидится, не раньше! Может, премия по новой технике? Так ведь на этой неделе платили, как сейчас помню, первым в очереди стоял. Не иначе — за изобретение деньги! Между тем очередь потихонечку движется, вот уже подходим к кассе. И минуем ее, дальше идем. Может, в БРИЗ сперва надо, подписаться под изобретением, а потом уже в кассу? Но минуем и БРИЗ, все дальше и дальше по коридору идем... В техотдел, что ли? Конечно, изобрести что-нибудь надо сперва, а потом уж деньги. Но минуем и техотдел, и прямым курсом к кабинету директора. Может, указание от него сначала надо: что именно изобретать? А потом уже в техотдел и т. д., и деньги... И вообще — далось мне это изобретение! Может, вовсе за другое собираются платить! Безымянное, можно, что-то, не придумали еще как назвать, сперва выплатят деньги, а потом придумают. А у директора визу на эту выплату получить надо. Минуточку! Прошли и кабинет директора. Вот уже вахтер поблизости, что у выхода стоит из нашего предприятия. Грозный такой, с оружием. Это же к нему, зачем?! Но минуем и вахтера... Очередь выходит на улицу — и сразу налево, в нашу котельную. Уже другой вахтер, у входа устроился.

— Добро пожаловать! — воскликует.

Это зачем же в котельную? Холодновато тем, надо бы пальто с собой захватить, да разве предусмотришь все заранее... Бежим, чтобы согреться, вниз по ступенькам, попадаем в сумрачный подвальчик. И тут у меня нервы не выдерживают.

— Куда нас несет? — хватаюсь за чей-то рукав.

— Тихо! — приглушенный голос. — Видишь зеленоватый камень мерцает в перспективе. Так вот, к нему шествуем.

— Зачем?

— Под камнем деньги...

Вскоре, действительно, окружаем со всех сторон мерцающий камень, под крики «раз, два — взяли!» дружно приподнимаем его, и взгляду открывается величественная картина — пачки аккуратные пачки денег. Сплошь красненькие.

— По две бумажки в одни руки, товарищи, — слышится команда. — Проверять на ощупь.

Сразу зашелестело вокруг, захрустело.

— Откуда деньги? — бросаю в темноту.

— Из директорского фонда, — чей-то горячий шепот. — Положены в условленном месте. Помнишь, трудились в конце месяца сверхурочно? Так вот, теперь расчет вышел, по две красненькие на брата.

— Но почему в темноте?

— А чтоб никто не догадывался про эти сверхурочные, чтоб мнение было — без авралов работаем! Без штурмовщины! Не одном классе...

● *Неважно, что говорить. Важно — кому.*

● *Время — деньги. Две недели — уже аванс.*

● *Банальность, сказанная вовремя, становится остротой.*

● *В сомнениях рождаются мнения.*

● *Шаг навстречу опасности, тщательно избегая риска.*

● *То, что мы видим, зависит от того, куда мы смотрим.*

● *Нередко мнения сходятся и тогда, когда расходятся взгляды.*

Л. ЛЕОНИДОВ

● **ОЧЕРК**

Восточные мудрецы говорили: «Человек прожил жизнь не зря, если он вырастил ребенка, посадил дерево и написал книгу». Все это в полной мере относится к молодому поэту из города Белоцерковска И. Черняеву. Уже сейчас можно с уверенностью сказать: он прожил свою жизнь не зря. Зря только его книгу издали.

● **РАССКАЗЫВАЮТ**

Однажды к Бернарду Шоу (1856—1950) зашел его сосед (1830—1910), который захотел одолжить у сатирика пишущую машинку, чтобы напечатать письмо своей бабушке (1790—1870).

— Боюсь, грядущим поколениям историков нелегко будет установить по почерку, кто является подлинным автором письма, — улыбнулся великий драматург, однако машинку не дал.

● **ИСКУССТВО**

Художник В. Шашков закончил работу над картиной «Автобусная остановка». Это большой и заслуженный успех молодого автора — его полотно на два квадратных метра превышает популярную картину А. Иванова «Явление Христа народу».

ОДИНОКИЙ ВЕЛОСИПЕДИСТ

Лев НОВОЖЕНОВ

ЕСЛИ ночью случится встретить вам на улице одинокого велосипедиста, не удивляйтесь — это Федор Петрович, я его знаю. Федор Петрович катается на велосипеде только ночью.

В детстве папа обещал купить маленькому Федюшке велосипед. Но неожиданно уехал в командировку. С тех пор прошло тридцать четыре года. Папа все не возвращался. И Федюшка, теперь уже Федор Петрович, решил сам осуществить давно затаенную мечту. Каждый вечер, когда люди расходятся по своим квартирам, Федор Петрович выводит из дому никелированную машину и колесит пустынными улицами, по которым когда-то не успел прокатиться.

Однажды — это было часов в семь-восемь вечера, когда Федор Петрович вернулся со службы и пил с женой и детишками чай, — в дверь позвонили. Федор Петрович открыл дверь, на пороге стоял пожилой человек. Лицо его изборождали следы жизненных бурь.

— Здравствуйте, — сказал человек, — я ваш папа.

— Папа, папочка вернулся! — вскричал Федор Петрович — А я тебя давно уже жду.

— Командировка была очень трудной, — сказал папа. — И потом я проголодался с дороги. Хочу чаю. И бутербродов.

— Ну, конечно, как я не понял сразу, — засуетился Федор Петрович, — я с папочкой пойду в зоопарк.

— Ты же знаешь, сынок, как работают у нас почты, — горестно вздохнул отец.

— Да, папочка, я знаю, как работают у нас почты, — сказал Федор Петрович.

— Ну вот, когда теперь мы все вместе, — проговорил Федор Петрович, и счастливая улыбка озарила его лицо, — я с папочкой пойду в зоопарк.

— Я тебе обещаю это, — ответил папа.

Словно детство, далекое детство, вернулось к Федору Петровичу сновa. В зоопарке он кормил булкой слона, поил пивом папу, и вместе они хохотали над очень смешными обезьянами. Потом они пошли в парк культуры и отдыха, и Федор Петрович так долго катался на чертовом колесе, что у него поднялось кровяное давление (220 × 187) и закоротило в сердце. Пришлось вызвать доктора.

Но история наша со счастливым концом. Федор Петрович выздоровел и снова вернулся к своим обязанностям. Живет он с папой очень дружно. Отец больше не ездит в командировки. Он не нарадуется на своего сына, который стал хорошим семьянином и нужным членом общества.

Каждый вечер Федор Петрович выкатывает на улицу свой велосипед. У дверей его провожает вся семья.

— Смотри, Федюша, осторожней веди себя на проезжей части, — напутствует папа. — И не возвращайся очень поздно, а то я буду волноваться.

— Хорошо, папочка,— весело отвечает Федор Петрович.

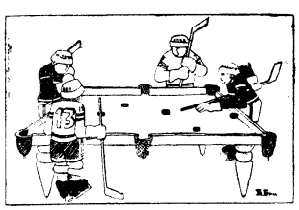
— И остерегайся почтальонов! — кричит папа...

Так что, вы не удивляйтесь, если встретите ночью одинокого велосипедиста.

ЧУДАКИ

М. МУШНИКОВ

М. БЕЛЕВЦЕВ



В. БИН

Л. ТИШКОВ

ИЗ САНАТОРИЯ Жарков и Савин доехали до этого тихого курортного города меньше, чем за час.

— Провинциалом ты родился и провинциалом окончишь свой век, — вздохнул Савин, — они всегда так: приезжают на вокзал за три часа до отхода поезда.

Жарков и Савин познакомились на пляже, когда сошли под августовским солнышком, и после уже не расставались. Оба, что называется, сошлись характерами, были легки на подъем, остры на язык, умело подыгрывали друг другу. Судьба, иногда щедрая на подарки, отвалила им из своей пригоршни еще одно радостное открытие — они оказались земляками, по чистой случайности разминувшимися в родном городе. И теперь они предвкушали радость долгого и частого общения. Все складывалось как нельзя лучше.

— Ничего страшного, — сказал Жарков, — сдадим вещички, а сами пошляемся.

Был томительный предзакатный час. Небо, недавно еще синее, в белых лоскутах облаков, приобретало уже густеющий фиолетовый цвет, солнце сошло, и летний ветерок вдруг стал холодней и тревожней, точно напоминал, что августу остались считанные дни.

Жарков и Савин были северянами и оттого особенно ценили тепло, думать о возвращении, о том, что в их городе, верно, уже зарядили осенние дожди, им не хотелось, отпускная пора еще не утратила своей сладкой власти.

— А городок мил, — сказал Жарков.

— Согласен, — сказал Савин, — наша поспешность имела свою хорошую сторону.

— И заметь, что только в таких городках, — назидательно добавил Жарков, — еще остались девушки с идеалами, которые сочувствуют нам, бедолагам. В больших городах девушкам уже не до нас.

Беседуя, они вышли на овальную площадь и остановились у газетного киоска.

— Вот, пожалуйста, — сказал Жарков, — милая туземка продает журналы и брошюры, не лишая уже о местных и центральных органах. Скромно, но с достоинством, она делает свое полезное дело. Посмотри на нее, Савин. Как она бедокура и тиха.

Приятели стали разглядывать девушку. Блондинка в киоске покраснела и начала перекладывать почтовые открытки.

— Здравствуйте, — сказал Жарков, — добрый день.

— Здравствуйте, коли не шутите, — сказала блондинка.

— Нам не до шуток, — сказал Жарков, — нам, Шура, совсем не до шуток.

— А я и не Шура, — сказала девушка.

— Ну да... — недоверчиво протянул Жарков. — Кто же вы в таком случае?

— Люся, — киоскерша поправила прическу.

— Что я тебя говорил? — воскликнул Савин.

— Да, — развел руками Жарков, — ты говорил. Ты знаешь про нее все. Теперь я вижу.

— Что ты видишь? — спросил Савин.

— Что это серьезно, — сказал Жарков.

— Не нужно, — сказал Савин, — она услышит.

— И пусть услышит, — повысил голос Жарков, — почему должен слышать один я? В конце концов это ее касается.

— Чудаки, — неуверенно улыбнулась Люся.

— Вот и я ему говорю, что он чудак, — с готовностью подхватил Жарков, — только чудак может приходить сюда чуть не каждый день, простаивать здесь часами, глазеть на вас, как безумный, да еще скрываться, чтобы вы, не дай бог, его не обнаружили. Конечно, чудак.

Девушка с некоторым волнением посмотрела на Савина.

— Вот еще... — она пожала плечами. — Что-то я вас не видела.

Савин слабо махнул рукой.

Люся покраснела и стала еще более старательно рыться в открытках.

— Вот! — торжествующе крикнул Жарков. — Ни одного слова она не может найти в твое оправдание. Больше того, я уверен, что в глубине души она тобой возмущена. Ты не мальчишка, ты зрелый человек, — почему ты не мог сказать ей все как есть?

— Перестань, — попросил Савин.

— И не подумаю, — отрезал Жарков. — Довольно. Пора положить конец. Слишком долго плясал я под твою дудку. Если хочешь, мне это надоело. Ночью опять будешь реветь.

— Нет, — сказал Савин, — этого не было.

— Было, — жестко сказал Жарков. — И не стыдись. Это святые слезы. Они мне дороже твоих улыбок. Если хочешь, я тебе даже завидую. Я бы дорого дал, чтобы вот так плакать по ночам от любви.

— Не пойду я, — сказала Люся.

— Так договорились же, — сказал Павел Кочнев. — Ты же хотела...

— А вот раскотела, — она с досадой наморщила лоб, — иди уж один.

— Вот, честное слово... — Павел Кочнев был огорчен. — Тогда я смотаюсь, продам билеты и сразу назад...

— Да нет, не надо. Я спать лягу, — сказала Люся.

— Тогда, может, завтра? — спросил Павел Кочнев.

— И завтра — нет, — сказала она.

Павел Кочнев был заметной фигурой. Он прошел почти сто тысяч километров сверх нормы без капитального ремонта и такого снести не мог. Он выразительно усмехнулся, пожал плечами и вышел за дверь.

Люся и в самом деле скоро легла, но заснуть ей так и не удалось. Лежала с открытыми глазами, смотрела в темный потолок.

Савин тоже заснул лишь под утро. В купе было душно, да и Жарков, сладко спавший на верхней полке, подсвистывал всю ночь напролет через короткие интервалы.

Накануне меж ними пробежала кошка. Жарков рассказал какую-то байку, а Савин вдруг не сорвал раздражения, в сущности, ничем не оправданного.

В купе заглянула проводница.

— Подъезжаем, пора вставать.

Савин поднялся, надел костюм, провел рукой по заросшей щеке, но бриться уже не было времени.

Из коридора доносился виолончельный голос Жаркова:

— Нет, нет, все это было не так... я расскажу вам, как это было.

За окном поплыли знакомые виды — домостроительный комбинат, старая водонапорная башня, железнодорожные мастерские. Сколько раз, возвращаясь домой, Савин смотрел на эти здания и мысленно торопил секунды. Приезжал на каникулы, после защиты, потом из армии, на отпусков. Быстро прошли молодые годы!

За окном шел дождь, стекло было влажным, капли стекали кривыми дорожками.

— Кончилось лето, — подумал Савин.

Он поднял воротник, взял чемодан и вышел в коридор. Жарков обернулся.

Савин молча кивнул, направляясь в тамбур.

— Чего он дуется, невраственик! — недоуменно пробормотал Жарков. — Тоже... аристократ духа...

Но и сам он был не в своей тарелке.

На вокзальной площади они на миг остановились, потом попрощались и разошлись.

КРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Диалог в кулуарах при защите диссертации

— А еще я скажу
— Про что скажете!
— А про то!
— Может, лучше
про «артлото»!
— А про то!
— Бросьте в ступе
толочь решето,
— Лучше мчитесь
по коварной тропе
по заоблачным горным
плато...
— А про то!
. . . . . .
— Ты про что
намекаешь, браток!
— А про то...

ПОДРАЖАНИЯ

Феликс ЕФИМОВ

Этот ямб

Белле Ахмадулиной

Был странный сон: любезный сердцу Ямб,
призрев витиеватости блаженства,
кокетства слов плавительное действо
вдруг оборвал бесстыжим: — Погуляй!

Приди, смиренье — божья благодать,
к потомку Чингиз-Хана и Сальери!
Прощайте, Ямб! Прощайте навсегда! —
я тихо вышла, громко хлопнув дверью.

Тотчас меня в объятья заточил
промокший Дождь. С ним надо бы пестроже,
но он так чист, лучист, речист, плечист,
что, право, невозможно... невозможно...

О дивный лоб, взошедший недо мной,
изволь сказать разумнейшей из граций:
любить иль не любить? О, боже мой!
Вот в чем вопрос! — и в нем не разобраться.

Дождь между тем, покинув небеса,
затих у ног, послушный и покорный,
Терзаясь игом верности топорной,
позволю риск восстаньям... ото сна.

РАССКАЗ

Леонид ЗОРИН

КОНЕЦ ЛЕТА

Савин хотел ему возразить, но, видно, не совладал с собой, отвернулся.

— Вот что, — сказал Жарков, — так продолжаться не может. Дальнейшее я беру на себя. Молчи. После спасибо скажешь. Люсенька, вы видите, что это за экземпляр. В своем деле он чемпион, король, можно сказать, надежда науки, а в личной жизни — как первоклассник. Впрочем, когда к человеку приходит впервые настоящее чувство, он мгновенно теряет уверенность. Об этом еще Пушкин писал. Одним словом, он завтра придет. Вы когда запираете?

— В восемь, — еле слышно ответила Люся.

— Ну вот, к восьми часам он и явится. Сегодня пусть приходит в себя. Вы только будьте с ним чуть помягче, сами видите, что за тип.

Савин хотел что-то сказать, но лишь благодарно обнял Жаркова.

— Расчувствовался, — улыбнулся Жарков, — сентиментальный молчун... беда... А впрочем, я сейчас сам взволнован. Очень рад, что все обнаружилось, и вы так славно договорились. Ну идем, ты сам на себя не похож... Здорово, видно, нервничал... Прощайся. Когда-нибудь будете вместе с Люсенькой вспоминать этот трудный месяц. Ну, поцелуй Люсеньке ручку.

Савин послушно прильнул к шершавой, чуть задрожавшей руке.

В восемь часов девушка закрыла киоск и отправилась домой. Шла она медленно, и смутная улыбка мерцала на ее губах.

Дома она почти механически подмела пол, разогрела ужин, потом не спеша помыла посуду. Была у нее в планах еще постирушка, но вдруг не хватило энергии. Она села на табурет и стала смотреть в окно, за которым был такой знакомый ей дворик, с лавочкой, с кадкой, с чахлыми кустиками.

В начале десятого пришел Павел Кочнев, водитель, передовик автобазы, три года не сходящий с Доски почета.

— Люсь,— сказал он,— взял на двадцать один тридцать. В «Сатурн».

Фиин СЕБОРГ

ОТКУДА БЕРУТСЯ ДЕТИ?

Мы с женой пришли к обеюдному согласию, что, поскольку Йенс стал уже большим, настало время посвятить его в тайны рождения детей.

— Йенс, — сказал я, — я хочу прояснить тебе кое-что. Ты наверняка и сам думал о том, как это все происходит.

— Ага, — сказал Йенс радостно. — Я прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду.

— Отлично, — сказал я. — Ты, конечно, хочешь узнать, откуда берутся маленькие дети, и т. д.

— А-а, — протянул он разочарованно. — Я думал, ты об этом. Я-то хотел, чтобы ты рассказал мне, как работает наша новая электрическая плита.

— Это ты узнаешь в другой раз. А теперь послушай, что я тебе скажу. Ты наверняка видел, как пчелы перелетают с одного цветка на другой.

— Эта шкала с кнопкой, которая крутится, для чего она? — спросил Йенс.

— Шкала с кнопкой? — спросил я удивленно. До меня не сразу дошло, что он говорил о плите. — Это термостат.

— А что такое термостат? — спросил Йенс.

— Он регулирует температуру, но сейчас мы говорим не об этом. Так вот, когда пчелка...

— А как он регулирует температуру? — спросил Йенс, которого, по-видимому, мало интересовали пчелы.

— Этого я не знаю, — устало сказал я.

— А когда красная лампочка загорается, это что значит?

— Это означает, что температура пчелы еще недостаточна, то есть я имею в виду, конечно, духовку.

— А откуда лампочке это известно?

— Об этом надо спрашивать не меня, — ответил я, раздражаясь. — Я не имею ни малейшего представления, как работает эта проклятая плита. Пойди и спроси электрика, если тебя это так интересует.

В это время в комнату вошла жена.

— Ну что, папа все тебе объяснил? — спросила она Йенса.

— Нет, — сказал Йенс презрительно. — Он никакого понятия обо всем этом не имеет. Он сказал, чтобы я спросил у электрика.

— У электрика? — жена удивленно посмотрела на меня и покачала головой.

Я не захотел объясняться и уткнулся в газету.

Нелегко в наше время быть отцом.

Перевела с датского О. РЯЗАНОВА

ЧП «КЛУБА ДС»

ПРОПАЖА ВЕКА

Администрация «Клуба ДС» продолжает волноваться за судьбу пропавшего автора романа века «Бурный поток» писателя-людоеда Ефима Сазонова. Сегодня уже двенадцатое число, а его все нет и нет. Утешает во всем этом лишь тот факт, что вместе с администрацией испытывают естественное волнение и сотни обездоленных пропажей века читателей, не жалеющих своих скромных средств на оплату телеграмм, сенсационно заваливших рабочий стол администрации. Читатели предлагают оптимальные действенные меры по обнаружению видного прозаика. Вот что телеграфируют граждане Поносов из Иркутска: «Прекратите все поиски, хватит волноваться с этим выродком от художественной литературы. Долой автора романа «Бешал». «На пенсию Сазонова!» — восклицают двое трудящихся из Волгограда. Судебный работник из Ижевска тоже краток: «Готов принять к слушанию дело о безвременной кончине графомана века!» Ну, знаете, дорогой товарищ, за такие телеграммы и суду притянуть можно. Тем более что у нас нет социальных причин для графомании.

Подкупает гуманностью телеграмма от лечащего врача из Перми: «Сазонов лежит больнице тяжелом состоянии. Шлите лекарства». Постоянный житель солнечной Ялты (устраиваются же люди!) тов. Березка берет в своей телеграмме быка за рога: «Предлагаю способ, как найти Сазонова. Опубликуйте мои юморески, и он найдется». Администрация изучит этот вопрос. Более строг в поисках тов. Козин из Донецка: «Сазонов может у меня. Высылайте деньги на его содержание». А этот вопрос уже рассматривается компетентными кругами «Клуба ДС», хотя есть пример, более беспокоящий служения художественной литературе — вот телеграмма из Владивостока: «Возглавил чрезвычайную комиссию по розыску Сазонова. Все расходы беру на себя».

Итак, поиски продолжаются, администрация волнуется, читатель тоже не дремлет. Супруга пропавшего нашей прозы наложила секвестр на гардероб пропащего деятеля художественной литературы — значит, все еще любит. Администрация «Клуба ДС» благодарит всех лиц за естественное беспокойство. В настоящее время она пытается установить связь с агитпрупой Госстраха на предмет выяснения интересующих ее отдельных вопросов. Как говорится, нет худа без добра...

В. РЕЗНИКОВ,
дежурный искатель
«Клуба ДС»

В последний час

РЕКОРД БОМБАРДИРА

Футболист ярославского «Шинника» Клещев в матче с «Даугавой» забил столько голов, сколько футболисты киевского «Динамо» в пяти встречах чемпионата страны. «Шинник» выиграл 1:0.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А—09299 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 389 ИНДЕКС 50067

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.